

щееся. Французская исторія, напротивъ, не годится для поэзіи, потому что она представляетъ такую жизненную эпоху, которая болѣе не повторится. И французская литература, поскольку она основана на этой эпохѣ, представляетъ нѣчто особенное, которое устарѣетъ современемъ. О нынѣшней эпохѣ французской литературы», добавилъ затѣмъ Гете, «нельзя выразить опредѣленнаго сужденія. Вторженіе въ нее нѣмецкаго элемента произвело броженіе, и только черезъ двадцать лѣтъ можно будетъ видѣть, къ какимъ результатамъ приведетъ такое обстоятельство».

Затѣмъ мы говорили объ эстетикахъ, которые трудятся надъ абстрактнымъ опредѣленіемъ сущности поэзіи и поэта, и не могутъ придти къ яснымъ выводамъ.

«И что тутъ много опредѣлять!» сказалъ Гете. «Живое чувство душевныхъ состояній и способность выражать ихъ словами,—вотъ въ чемъ сущность поэта».

Среда, 15-го октября 1825.

Я засталъ сегодня Гете въ особенно высокомъ настроеніи, и имѣлъ удовольствіе слышать отъ него еще разъ много замѣчательнаго. Мы говорили о новѣйшей литературѣ.

«Недостатокъ характера у нашихъ изслѣдователей и писателей», сказалъ Гете, «составляетъ источникъ зла нашей новѣйшей литературы. Особенно вредно отражается на людяхъ присутствіе этого недостатка въ критикѣ, причѣмъ либо ложное выдается за истинное, или же тщедушной истиной замѣняется нѣчто высокое, которое было для насъ

лучше¹⁾). Доселѣ всѣ вѣрили въ геройство Лукреціи, Муціи Сцеволы, и воспламенялись, и одушевлялись ими. Но является историческая критика и возвѣщаетъ, что названныя лица никогда не существовали, что на нихъ надо смотрѣть, какъ на фиктивные и сказочныя созданія великой души римлянъ. Но что пользы въ этой тщедушной истинѣ? И, если римляне были настолько велики, чтобъ создать подобное, то мы, по меньшей мѣрѣ, должны быть настолько велики, чтобъ вѣрить въ эти созданія.

«Доселѣмнѣ доставлялъ удовольствіе великій фактъ изъ исторіи тринадцатаго столѣтія, когда императоръ Фридрихъ II воевалъ съ папой, а сѣверная Германія принуждена была одна противостоять вражескимъ вторженіямъ. Дѣйствительно, нахлынули азіатскія орды и проникли уже до Силезіи, но герцогъ Лигницкій, сильно разбивъ, привелъ ихъ въ ужасъ. Тогда они бросились въ Моравію, но тамъ были разбиты графомъ Штернбергомъ. И вотъ эти храбрецы жили во мнѣ доселѣ, какъ великіе спасители нѣмецкаго народа. Но является историческая критика и утверждаетъ, что эти герои совершенно бесполезно приносили себя въ жертву, ибо азіатское войско было-де уже отозвано назадъ и ушло бы само собой. Такимъ образомъ великое патріотическое дѣяніе ослабляется и уничтожается. И такъ скверно становится на сердцѣ!»

Затѣмъ Гете заговорилъ объ изслѣдователяхъ и литераторахъ иного рода. Онъ сказалъ:

«Я никогда не узналъ бы такъ человѣческаго ни-

---

¹⁾ Вспомнимъ Пушкина:

Тѣмъ низкихъ истинъ намъ дороже
Насъ возвышающій обманъ.

чтожества и того, какъ въ дѣйствительности люди мало заботятся о великихъ цѣляхъ, еслибъ не испыталь этого при моихъ естественноисторическихъ изслѣдованіяхъ. Тутъ я увидѣлъ, что для многихъ наука что нибудь да значить лишь потому, что даетъ имъ средства къ жизни и что они обожествляютъ, ради этого, даже заблужденія. И въ изящной словесности не лучше. И тутъ великія цѣли и прямое стремленіе къ истинѣ и настоящему дѣлу, и къ ихъ распространенію, — величайшая рѣдкость. Одинъ хватить и превозносить другого, потому что и самъ будетъ имъ восхваленъ и превознесенъ; истинное величіе для нихъ невыносимо, и они охотно бы стерли его съ лица земли, чтобъ самимъ казаться чѣмъ-то значительнымъ. Такова масса; не лучше и выдающіяся единицы.

«N. N.¹⁾ со своимъ большимъ талантомъ, со своей универсальной ученостью могъ бы многое сдѣлать для Германіи. Но его безхарактерность лишила націю его важнаго вліянія, а его самого — уваженія нации. Намъ нуженъ человѣкъ въ родѣ Лессинга. Чѣмъ онъ великъ, какъ не своимъ характеромъ и стойкостью? Такихъ умныхъ и образованныхъ людей много, но гдѣ взять такой характеръ? Многіе и умны, и обладаютъ знаніями, но въ то же время полны тщеславія, и ради того, чтобъ близорукая толпа удивлялась ихъ остроумію, забываютъ и стыдъ, и срамъ, и ничто для нихъ не свято! Поэтому г-жа де-Жанлисъ была вполнѣ права, возставая противъ вольностей и дерзостей Вольтера. Въ сущности, какъ бы кто ни былъ остроуменъ, онъ этимъ не

---

¹⁾ Полагаютъ, что рѣчь шла о А. Шлегелѣ, или о Ф. Шлегелѣ. Ср. ниже подъ 28-мъ марта и 24-мъ апрѣля 1827 г.

сослужить службы людямъ; на остроуміи ничего нельзя основать. Скорѣе можно принести великій вредъ, сбивая съ толку людей и отнимая у нихъ необходимую опору. И притомъ, что мы знаемъ и чего достигли со всѣмъ нашимъ остроуміемъ?

«Человѣку не дано разрѣшить міровую задачу; онъ можетъ только изыскивать, гдѣ начинается задача, и затѣмъ держаться въ предѣлахъ доступнаго его пониманію.

«Его способности не въ силахъ измѣрить дѣяній вселенной; желаніе уразумѣть вселенную при его ограниченномъ кругозорѣ—тщетное усиліе. Разумъ человѣческій и разумъ Божій—двѣ весьма различныя вещи.

«Какъ скоро мы принимаемъ свободу воли у человѣка, мы отвергаемъ всевѣдѣніе Божіе; если же Божество знаетъ, что я буду дѣлать, то я принужденъ дѣйствовать согласно его вѣдѣнію. Я говорю это только ради указанія, какъ мало мы знаемъ, и ради того, что не добро прикасаться къ божественнымъ тайнамъ.

«Поэтому величайшія истины мы должны выражать только тогда, когда онѣ пойдутъ на пользу людямъ; прочее пусть остается при насъ; но, какъ тихое сіяніе скрытаго солнца, оно можетъ и будетъ распространять свой блескъ на наши дѣла»¹⁾.

Воскресенье, 25-го декабря 1825.

Я пошелъ сегодня къ Гете въ шесть часовъ; онъ былъ одинъ, и я провелъ съ нимъ нѣсколько прекрасныхъ часовъ.

«Я все это время былъ слишкомъ обремененъ»,

¹⁾ Ср. съ разговоромъ 18-го марта 1831 г.

сказаль онъ; «со всѣхъ сторонъ мнѣ сдѣлано столько добра, что за отданіемъ благодарности мнѣ просто некогда было жить. Получались одна за другой привилегіи отъ разныхъ дворовъ на изданіе моихъ сочиненій, и въ виду того, что отношенія къ каждому различныя, мнѣ приходилось всякій разъ писать особый отвѣтъ. Затѣмъ явились предложенія безчисленныхъ книгопродавцевъ, и каждое надо было обдумать, обсудить и на каждое отвѣтить. Затѣмъ, по случаю моего юбилея¹⁾, было столько поздравленій, что я до сихъ поръ не управился съ благодарственными письмами. Не хочется писать пустяки и пошлости, а хочется всякому сказать что нибудь приличное и подходящее. Но теперь мнѣ повсюду, и я снова расположенъ болтать.

«Въ эти дни я сдѣлалъ замѣчаніе, которое и сообщу вамъ. Всякій нашъ поступокъ имѣетъ послѣдствія, но умное и справедливое не всегда ведетъ къ благопріятному исходу, и превратное не всегда оканчивается неблагополучно; весьма часто случается наоборотъ. Нѣсколько времени назадъ, именно при переговорахъ съ книгопродавцами, я сдѣлалъ ошибку, и огорчался этимъ. Теперь же обстоятельства такъ

---

¹⁾ 7-го ноября 1825 г. праздновалось пятидесятилѣтіе пребыванія Гете въ Веймаръ. Онъ получилъ множество богатыхъ подарковъ; философскій, медицинскій и даже богословскій факультеты прислали ему докторскіе дипломы. Въ адресѣ послѣдняго говорилось: «Какъ творецъ новаго духа въ наукѣ и жизни, какъ властелинъ въ области свободныхъ и энергическихъ мыслей, вы могущественно способствовали истиннымъ интересамъ церкви и евангелической теологіи».—Великій герцогъ приказалъ выбить медаль съ изображеніями: на лицевой сторонѣ своего и великой герцогини Луизы, на обратной—Гете, въ лавровомъ вѣнкѣ. Прибыли всяческія депутаціи для поздравленія. Городъ былъ иллюминированъ и т. д.

измѣнились, что было бы большою ошибкой не сдѣлать той ошибки. Подобное часто повторяется въ жизни, и свѣтскіе люди, зная это, приступаютъ къ дѣлу съ большою отвагой и дерзостью».

Это замѣчаніе показалось мнѣ новымъ. Затѣмъ я заговорилъ о нѣкоторыхъ его сочиненіяхъ, и мы дошли до его элегіи *Алексисъ и Дора*.

«Въ этой поэмѣ», сказалъ Гете, «осуждали сильный и страстный конецъ; утверждали, будто элегія должна оканчиваться нѣжно и покойно, безъ ревнивой вспышки; но я не нахожу, чтобъ это замѣчаніе было справедливо. Ревность тутъ столь близка и такъ естественна, что не будь ея, поэмѣ не достовало бы чего-то. Я самъ зналъ молодого человѣка который, въ страстной любви къ скоро отдавшейся ему дѣвушкѣ, воскликнулъ: «А не поступить ли она и съ другимъ, какъ со мной?»

Я былъ вполнѣ согласенъ съ Гете, и напомнилъ ему объ особенностяхъ этой элегіи, гдѣ онъ кратко и немногими чертами такъ прекрасно обрисовалъ все, что кажется, видишь домашнюю обстановку и всю жизнь дѣйствующихъ лицъ.

— Изображеніе столь правдиво, что кажется, будто вы описали дѣйствительно пережитое.

— Очень радъ, что вамъ такъ кажется, отвѣчалъ Гете.—Только немногіе обладаютъ фантазіей для правдиваго воспріятія реальнаго; охотнѣе пускаются въ необыкновенныя страны и приключенія, о которыхъ не имѣютъ никакого понятія и которыя ихъ фантазія представляетъ довольно странно. За то есть такіе, которые прилѣпляются вполнѣ къ реальному и, по полному отсутствію въ нихъ поэзіи, представляютъ самыя узкія требованія. Такъ, напримеръ, нѣкоторые говорятъ, что въ этой элегіи я

долженъ бы дать Алексису слугу, который несъ бы его узелокъ; они, однако, не подумали, что чрезъ это разрушилось бы все поэтическое и идиллическое въ положеніи Алексиса.

Отъ Алексиса и Доры разговоръ перешелъ къ *Вильгельму Мейстеру*.

«Есть удивительные критики», сказалъ онъ. «Въ этомъ романѣ, по ихъ мнѣнію, герой слишкомъ много находится въ дурномъ обществѣ. Но для меня это такъ называемое дурное общество было, такъ сказать, вмѣстилищемъ, куда я складывалъ все, что хотѣлъ сказать о хорошемъ; чрезъ это я пріобрѣталъ поэтическій матеріалъ, и вдобавокъ разнообразный. Вздумай я рисовать хорошее общество при помощи его самого, никто бы не сталъ читать романа.

«Въ основѣ кажущихся малозначительными подробностей *Вильгельма Мейстера* положено всегда нѣчто высокое; требуется только обладать глазами, знаніемъ свѣта и проницательностью, дабы въ маломъ увидѣть великое».

Гете показалъ мнѣ затѣмъ весьма замѣчательное англійское изданіе съ гравюрами къ сочиненіямъ Шекспира. На каждомъ листѣ было шесть небольшихъ рисунковъ къ отдѣльной пьесѣ; подъ каждымъ было по нѣскольку стиховъ; такимъ образомъ передъ глазами прямо выступала основная идея и главнѣйшія положенія всякой пьесы.

«Когда просматриваешь эти картинки», сказалъ Гете, «то просто становится страшно. Тутъ убѣждаешься, какъ безконечно богатъ и великъ былъ Шекспиръ. Нѣтъ ни одного мотива въ человѣческой жизни, котораго бы онъ не изобразилъ и не выразилъ! И все съ удивительной легкостью и свободой.

«Но о Шекспирѣ нельзя говорить: все окажется недостаточно. Я походилъ около него въ *Вильгельмъ Мейстеръ*; но все это немного значить. Онъ вовсе не сценическій писатель; о сценѣ онъ никогда не думалъ¹⁾. она была черезчуръ узка для его великаго духа; да и весь видимый міръ былъ для него тѣсенъ. Онъ, по-истинѣ, черезчуръ богатъ и могущественъ. Всякій, одаренный творчествомъ, долженъ читать въ годъ не больше одной его пьесы: иначе онъ погибнетъ чрезъ него. Я прекрасно поступилъ, отдѣлавшись отъ него *Гетцемъ* и *Эмонтомъ*, и Байронъ прекрасно дѣлалъ, что не имѣлъ къ нему особенно большого почтенія, а шелъ своей дорогой. Сколько талантливыхъ нѣмцевъ погибло изъ-за него и Кальдерона!

«Шекспиръ подаетъ намъ золотыя яблоки въ серебряныхъ чашахъ. Но бѣда въ томъ, что, изучая его пьесы, мы приобретаемъ серебряныя чаши и валимъ въ нихъ картофель».

Я засмѣялся, восхищаясь этимъ великолѣпнымъ сравненіемъ. Затѣмъ мнѣ Гете прочелъ письмо Целтера о представленіи *Макбета* въ Берлинѣ, причѣмъ музыка вовсе не соотвѣтствовала великому духу и характеру пьесы.

«*Макбетъ*», сказалъ онъ по этому случаю, «по моему, самая сценичная изъ пьесъ Шекспира; въ ней сказалось наибольшее пониманіе сценическихъ условій. Но, если хотите узнать свободу его ума, то прочтите *Троила и Крессиду*, гдѣ онъ на свой ладъ передѣлалъ сюжетъ *Иліады*».

Заговорили о Байронѣ, именно о томъ, какъ онъ теряетъ по сравненію съ невинной ясностью Шекс-

¹⁾ Сравни ниже, подъ 26-мъ іюля 1826 г.

пира, и какъ онъ навлекалъ на себя своими многочисленными отрицательными дѣянiями частыя и, по большей части, не несправедливыя порицанiя.

«Освободись Байронъ, при помощи рѣзкихъ выходовъ въ парламентъ», сказалъ Гете, «ото всего оппозиціоннаго, что было въ немъ, онъ былъ бы гораздо чище, какъ поэтъ. Но ему почти не пришлось говорить въ парламентъ, а потому все, что скопилось у него на сердцѣ противъ Англіи, онъ долженъ былъ носить въ себѣ, и у него не было иного средства, чтобъ освободиться отъ этого, кромѣ поэтической обработки и изложенiя. Поэтому, называя большую часть его отрицательныхъ сочиненiй *невысказанными парламентскими рѣчами*, я обозначаю ихъ довольно подходящимъ терминомъ».

Затѣмъ мы заговорили о Платенѣ, и его отрицательное направленіе также не заслужило похвалы. «Нельзя не сознаться», сказалъ Гете, «онъ обладаетъ многими блестящими качествами, но ему недостаетъ любви. Онъ столь же мало любитъ своихъ читателей и товарищей по поэзіи, какъ и самого себя, и къ нему можно приложить слова апостола: «если я говорю языками человѣческими и ангельскими, а любви не имѣю, то я мѣдъ звенящая, или кимвалъ звучащій»¹⁾. Еще надняхъ читалъ я стихи Платена, и не могъ не признать его богатаго таланта. Но, повторяю, ему недостаетъ любви, а потому онъ никогда не будетъ имѣть того вліянiя, какое долженъ бы имѣть. Его будутъ бояться; онъ станетъ божкомъ для тѣхъ, кто будетъ такъ же охотно, какъ онъ, но безъ его таланта, держаться отрицательнаго направленiя.

¹⁾ Коринѳ. II, гл. 13. ст. I.

1826.

Воскресенье, вечеромъ, 29-го января 1826.

Первый нѣмецкій импровизаторъ, докторъ Вольфъ изъ Гамбурга, уже нѣсколько дней какъ здѣсь и уже ознакомилъ публику со своимъ рѣдкимъ талантомъ. Въ пятницу вечеромъ, онъ блестящимъ образомъ импровизировалъ передъ весьма многочисленной публикой, въ присутствіи всего веймарскаго двора. Въ тотъ же вечеръ онъ получилъ отъ Гете приглашеніе придти къ нему на слѣдующій день утромъ. Я говорилъ съ докторомъ Вольфомъ вчера вечеромъ, послѣ того, какъ онъ днемъ импровизировалъ передъ Гете. Онъ сказалъ, что чувствуетъ себя счастливымъ и что этотъ день составитъ эпоху въ его жизни, потому что Гете въ немногихъ словахъ указалъ ему новый путь и мѣтко осудилъ въ немъ именно то, что слѣдовало.

Нынче вечеромъ, какъ я пришелъ къ Гете, мы тотчасъ заговорили о Вольфѣ. «Докторъ Вольфъ», сказалъ я, «очень счастливъ, что ваше превосходительство дали ему добрый совѣтъ».

— Я былъ съ нимъ искрененъ, сказалъ Гете,—и если мои слова подѣйствовали на него и возбудили его, то это хорошій знакъ. Безо всякаго сомнѣнія, у него рѣшительно есть талантъ, но онъ страдаетъ общей болѣзнью нашего вѣка: субъективностью, и отъ нея-то я хотѣлъ бы его избавить. Для испытанія я задалъ ему тему. Опишите мнѣ, сказалъ я,—ваше возвращеніе въ Гамбургъ. Онъ тотчасъ же съ мѣста началъ говорить звучными стихами. Мнѣ слѣдовало бы имъ восхищаться, но я не могъ по-

хвалить его. Онъ описалъ мнѣ не возвращеніе въ Гамбургъ, а только впечатлѣнія сына, возвращающагося къ родителямъ, роднымъ и друзьямъ, и его стихи годились бы одинаково для описанія возвращенія въ Мерзебургъ или Іену, какъ и въ Гамбургъ. А что за чудесный своеобразный городъ Гамбургъ, и какое богатое поле представлялось для его изображенія, еслибъ Вольфъ только съумѣлъ и посмѣлъ взяться какъ слѣдуетъ за предметъ»¹⁾.

Я замѣтилъ, что публикавиновна въ такомъ субъективномъ направленіи: все чувствительное имѣетъ рѣшительный успѣхъ.

— Можетъ быть, отвѣчалъ Гете;—но, если публикѣ дадутъ что нибудь получше, то она будетъ еще довольнѣе. Я увѣренъ, что, еслибъ такому талантливому импровизатору, какъ Вольфъ, удалось съ правдивой мѣткостью описать жизнь большихъ городовъ, какъ Римъ, Неаполь, Вѣна, Гамбургъ и Лондонъ, и притомъ такъ живо, что казалось бы будто видишь ихъ передъ глазами, то онъ восхитилъ бы и плѣнилъ всѣхъ. Если онъ перейдетъ къ объективному изображенію, то не погибнетъ; онъ къ этому способенъ, ибо онъ не безъ фантазіи. Но онъ долженъ рѣшиться, не медля, и смѣло взяться за дѣло.

— Я опасаюсь, сказалъ я,—что это будетъ для него труднѣе, чѣмъ кажется: для этого надо измѣнить весь образъ мыслей. Если это ему даже и удастся, то во всякомъ случаѣ произойдетъ перерывъ въ его дѣятельности; притомъ для того, чтобъ объективное изображеніе стало для него легко и второй натурой, потребуются долгія упражненія.

— Конечно, отвѣчалъ Гете,—переходъ чудовищ-

¹⁾ Ср. выше подъ 18-мъ сентября 1823.

ный, но онъ долженъ собраться съ духомъ и рѣшиться не медля. Это въ родѣ страха передъ купаньемъ, но стоитъ быстро прыгнуть въ воду, и вы очутитесь въ своей стихіи. Для учащагося пѣтъ тѣ ноты, которыя у него есть, естественны и легки; но другія, которыхъ у него нѣтъ, вначалѣ чрезвычайно трудны. Но, чтобъ стать пѣвцомъ, онъ долженъ ихъ пріобрѣсти, потому что ему необходимо располагать *всѣми* нотами по произволу. Тоже и относительно поэта. Пока онъ выражаетъ только немногія личныя ощущенія, онъ еще не поэтъ; но, какъ скоро онъ усвоитъ себѣ міръ и научится изображать его, онъ станетъ поэтомъ. И тогда онъ будетъ неисчерпаемъ и всегда новъ; субъективная же натура скоро выскажетъ то небольшое, что въ ней заключено, и упадетъ въ манерность. Твердятъ постоянно объ изученіи древнихъ; но это собственно значить: обратись къ дѣйствительности и попытайся изобразить ее; такъ поступали и древніе, когда были живы.

Гете, говоря, ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ; я же, какъ онъ любитъ, сидѣлъ на своемъ стулѣ у стола. Онъ постоялъ немного у печки, потомъ, какъ человѣкъ, о чемъ-то раздумывающій, подошелъ ко мнѣ и, приложивъ палецъ ко рту, сказалъ слѣдующее: «Я вамъ кое-что скажу, и въ теченіе жизни вы увидите не разъ подтвержденіе моихъ словъ. Всѣ эпохи, которыя считаются ретроградными и разлагающимися, — субъективны; всѣ же прогрессивныя эпохи — объективнаго направленія. Наше теперешнее время идетъ назадъ, а потому субъективно. Это видно не только въ поэзіи, но и въ живописи, и во многомъ другомъ. Всякое же важное стремленіе идетъ изнутри кнаружи, въ

міръ, — что можно видѣть во всѣ великія эпохи, которыя всѣ объективны и дѣйствительно характеризуются стремленіемъ и преуспѣяніемъ».

Эти слова послужили приступомъ къ весьма остроумнымъ соображеніямъ, касавшимся особенно великой эпохи пятнадцатаго и шестнадцатаго столѣтій. Затѣмъ рѣчь перешла къ театру, къ слабости, сентиментальности и унылости новѣйшихъ произведеній. «Я теперь утѣшаюсь и укрѣпляюсь Мольеромъ», сказалъ я. «Я перевелъ его *Скупого* и теперь занимаюсь *Лекаремъ по неволѣ* Что за великій, что за чистый человекъ былъ Мольеръ!»

— Да, сказалъ Гете, — именно *чистый*; это самое подходящее къ нему слово; въ немъ не было ничего скрытнаго, ничего извращеннаго. И какое величіе! Онъ господствовалъ надъ нравами своего вѣка, между тѣмъ какъ наши Иффландъ и Котцебу дозволяютъ нравамъ своего вѣка господствовать надъ собою; они ими ограничены, они у нихъ въ плѣну. Мольеръ казнилъ людей правдивымъ ихъ изображеніемъ.

— Я далъ бы не мало, сказалъ я, — чтобы видѣть на сценѣ Мольеровскія пьесы въ ихъ настоящемъ видѣ; но публикѣ, насколько я ее знаю, онѣ покажутся черезчуръ сильными и естественными. Не зависить ли эта переутонченность отъ такъ называемаго идеализма нѣкоторыхъ писателей?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Гете, — это зависить отъ самого общества. Притомъ, зачѣмъ водятъ въ театръ молоденькихъ дѣвушекъ? Имъ тамъ не мѣсто: ихъ мѣсто въ монастырѣ (институтѣ); театръ существуетъ только для мужчинъ и тѣхъ женщинъ, которыя знаютъ мужскія дѣла. Когда писалъ Мольеръ, дѣвушки сидѣли въ монастыряхъ, и ему не зачѣмъ

было принимать ихъ во вниманіе. Но нашихъ молодыхъ дѣвушекъ трудно не водить въ театръ, и его пьесы всегда будутъ давать въ ослабленномъ и, стало-быть, пригодномъ для нихъ видѣ, а потому будьте мудры и поступайте какъ я: не ходите смотрѣть ихъ на сценѣ. Впрочемъ, я питалъ къ театру настоящій интересъ только до тѣхъ поръ, пока могъ дѣйствовать въ немъ практически. Для меня было наслажденіемъ поднять это учрежденіе до высокой степени совершенства, и при представленіяхъ я не столько слѣдилъ за пьесами, сколько за тѣмъ, хорошо ли актеры исполняютъ свои роли. Если приходилось кое-что похвалить, то я писалъ о томъ на другое утро режиссеру, и былъ увѣренъ, что при слѣдующемъ представленіи указанныхъ ошибокъ уже не будетъ. Но теперь, когда я не могу въ театрѣ дѣйствовать практически, я не чувствую потребности ходить туда. Теперь мнѣ пришлось бы смотрѣть на недостатки, не имѣя возможности ихъ исправить, а это не въ моемъ духѣ. То же и съ чтеніемъ пьесъ. Молодые нѣмецкіе поэты шлютъ мнѣ свои трагедіи; но что мнѣ съ ними дѣлать! Я читалъ нѣмецкія пьесы съ постоянной мыслью, можно ли ихъ поставить; въ иномъ отношеніи я былъ къ нимъ равнодушенъ. При нынѣшнемъ же моемъ положеніи, что мнѣ дѣлать съ пьесами этихъ молодыхъ людей? Для меня отъ нихъ пользы нѣтъ, потому что, читая, я вижу, что ихъ слѣдовало не такъ писать; молодымъ же поэтамъ я не могу ничѣмъ помочь, потому что пьесы уже написаны. Если бъ вмѣсто напечатанныхъ пьесъ, они присылали мнѣ ихъ *планы*, то я могъ бы, по крайней мѣрѣ, сказать: пиши, или не пиши, напиши такъ, или иначе; въ этомъ былъ бы нѣкоторый смыслъ и польза. —

Вся бѣда въ томъ, что поэтическая образованность до того распространена въ Германіи, что никто уже не пишетъ дурныхъ стиховъ. Молодые поэты, присылающіе мнѣ свои сочиненія, не ниже своихъ предшественниковъ; видя, что тѣхъ такъ высоко цѣнятъ, они никакъ не могутъ понять, почему и ихъ не хвалятъ. А между тѣмъ не слѣдуетъ и поощрять ихъ, именно потому, что такіе таланты считаются теперь сотнями, и не къ чему допускать перепроизводства въ этомъ отношеніи, когда требуется сдѣлать еще много полезнаго. Найдись между ними одинъ, который возвышался бы надъ остальными, было бы прекрасно, потому что только выдающееся можетъ сослужить службу людямъ.

Пятница, 16-го февраля 1826.

Сегодня, въ семь часовъ вечера, я пошелъ къ Гете; онъ былъ одинъ въ своей комнатѣ. Я подсѣлъ къ столу и рассказалъ, что вчера видѣлъ въ гостиницѣ герцога Веллингтона, который отправляется въ Петербургъ.

— Ну, съ живостью спросилъ Гете, — каковъ же онъ? Рассказывайте. Таковъ ли онъ, какъ на портретѣ?

— Да, отвѣчалъ я, — но лучше, оригинальнѣе. Когда взглянешь на него, то всѣ портреты кажутся ничтожными. И онъ производитъ такое впечатлѣніе, что, увидѣвъ его разъ, уже не забудешь. Глаза у него каріе и съ яснымъ блескомъ; чувствуешь дѣйствіе его глазъ. Ротъ точно говоритъ, даже въ то время, когда закрытъ. Онъ смотритъ, какъ человѣкъ, много думавшій и пережившій все лучшее; теперь поэтому онъ глядитъ на міръ съ большей ясностью и спокойствіемъ, его же ничто больше не безпо-

коитъ. Онъ показался мнѣ твердымъ и упругимъ, какъ дамасскій клинокъ. По виду ему далеко за пятьдесятъ, онъ держится прямо, строенъ, не очень высокъ и скорѣе худощавъ, чѣмъ толстъ. Когда онъ проходилъ между двумя рядами зрителей, то едва кланялся, прикладывая руку къ шляпѣ; но въ его поклонѣ есть что-то необыкновенно привѣтливое.

Гете съ видимымъ интересомъ выслушалъ мое описаніе.

— Вотъ вы видѣли еще одного героя, сказалъ онъ,—а это что нибудь да значить.

Мы заговорили о Наполеонѣ, и я выразилъ сожалѣніе, что не видалъ его.

— Да, сказалъ Гете, — его тоже стоило посмотреть... онъ былъ краткимъ изображеніемъ міра!

— Онъ и на видъ былъ таковъ? спросилъ я.

— Онъ былъ имъ, отвѣчалъ Гете,—потому-то на него и смотрѣли: вотъ и все.

Я принесъ Гете замѣчательное стихотвореніе, о которомъ говорилъ ему нѣсколько дней назадъ; то было его собственное стихотвореніе, котораго онъ вовсе не помнилъ: такъ давно оно было написано. Оно было напечатано въ началѣ 1766 года, въ тогдашней франкфуртской газетѣ *Видящій*; было привезено въ Веймаръ его бывшимъ слугою, и черезъ него попало въ мои руки. Безъ сомнѣнія, это самое раннее изъ всѣхъ извѣстныхъ стихотвореній Гете. Оно написано на сюжетъ *Сошествія Христа въ адъ*, и я подивился, какъ для юнаго автора было вполне доступно изображеніе религіознаго сюжета. Стихотвореніе могло быть внушено Клопштокомъ, но, по исполненію, было совсѣмъ въ другомъ родѣ; оно сильнѣе, свободнѣе, легче, въ немъ больше энергии и движенія. Необыкновенный жаръ свидѣ-

тельствоваль о сильной, кипящей юности. По недостатку матеріала, оно постоянно вращалось около самого себя, и было растянуто.

Я положилъ передъ Гете пожелтѣвшій, едва державшійся газетный листъ; увидѣвъ его, онъ вспомнилъ стихотвореніе.

— Возможно, сказалъ онъ,—что я написалъ эти стихи для дѣвицы фонъ-Клеттенбергъ; подъ заглавіемъ стоитъ: «написано по желанію, заявленному автору»; а я не помню, чтобъ кто нибудь изъ моихъ друзей, кромѣ ея, могъ потребовать отъ меня подобныхъ стиховъ. Тогда у меня было мало сюжетовъ, и я чувствовалъ себя счастливецемъ, когда было чтò воспѣть. Надняхъ попалося мнѣ подъ руки англійское стихотвореніе, которое я написалъ въ тѣ дни; въ немъ я жаловался на недостатокъ поэтическихъ матеріаловъ. Намъ, нѣмцамъ, дѣйствительно, приходится въ этомъ отношеніи плохо: наша первоначальная исторія слишкомъ покрыта туманомъ, а позднѣйшая, за неимѣніемъ одного царствующаго дома, не имѣетъ обще-національнаго интереса. Клопштокъ принимался за Германа, но сюжетъ ужъ слишкомъ отдаленный: съ тѣмъ временемъ у насъ нѣтъ ничего общаго; не знаешь, чтò собственно онъ хотѣлъ сказать, и его изображеніе не произвело впечатлѣнія и не сдѣлалось популярнымъ. Мнѣ удалось напасть на *Гетца фонъ-Берлихингенъ*; но онъ ужъ кость отъ моей кости и плоть отъ моей плоти, и изъ него можно было кой-что сдѣлать.

«Въ *Вертеръ* и *Фаустъ*, напротивъ, я долженъ былъ все почерпнуть изъ своей собственной души; по наслѣдству тутъ мнѣ досталось немного. Я воспользовался чортомъ и вѣдьмами; довольный тѣмъ, что прожилъ свое сѣверное наслѣдство, я обра-

тился къ трапезѣ грековъ. Но, знай я тогда столь же отчетливо, какъ теперь, сколько совершенныхъ произведеній существуетъ у нихъ уже сотни и тысячи лѣтъ, я не написалъ бы ни строчки; я на другое обратилъ бы свою дѣятельность.

Пасха, 26-го марта 1826.

Гете нынче за обѣдомъ былъ въ свѣтломъ, сердечномъ расположеніи духа; онъ получилъ сегодня драгоцѣнную рукопись, именно автографъ Байронова посвященія *Сарданапала*. Онъ показывалъ намъ ее послѣ обѣда, причемъ упрасивалъ свою дочь возвратить ему письмо лорда Байрона изъ Генуи¹⁾. «Видишь ли, милое дитя», сказалъ онъ, «теперь у меня есть все, что касается моихъ сношеній съ лордомъ Байрономъ; этотъ замѣчательный листикъ достался мнѣ сегодня чудеснымъ образомъ, и недостаетъ только того письма».

Но прелестная почитательница Байрона ни за что не хотѣла возвратить письма. «Вы мнѣ его подарили, милый батюшка», сказала она, «и я не отдамъ его назадъ; если же вы хотите, чтобы все было вмѣстѣ, то лучше подарите мнѣ и сегодняшний драгоцѣнный листикъ, и я сохраню и его». Но Гете этого вовсе не хотѣлъ, и они очень мило поспорили еще нѣкоторое время.

¹⁾ Уже въ 1820 г. въ Равеннѣ, лордъ Байронъ хотѣлъ посвятить Гете своего *Марино Фальеро*, но письмо его не было отправлено. Позже онъ посвятилъ ему своего *Вернера*. Въ 1823 г. изъ Генуи онъ написалъ ему нѣсколько словъ, рекомендуя своего соотечественника, отправлявшагося въ Веймаръ. Гете отвѣчалъ стихами, которые Байронъ получилъ въ Ливорно, когда сѣдился на корабль. Онъ, въ свою очередь, отвѣчалъ Гете прочувствованнымъ письмомъ; этимъ и закончились личные сношенія двухъ великихъ поэтовъ.

Когда встали изъ-за стола и женщины ушли, мы остались съ Гете вдвоемъ. Онъ принесъ изъ своего кабинета красный портфель, который открылъ, когда мы подошли къ окну. «Смотрите», сказалъ онъ, «тутъ у меня все вмѣстѣ, что касается моихъ отношеній къ лорду Байрону. Вотъ его письмо изъ Ливорно, вотъ оттискъ его посвященія, вотъ мои стихи, вотъ мои замѣчанія къ *Разговорамъ* Медвина; недостаетъ только письма изъ Генуи, но она не хочетъ возвратить его. Англичане могутъ быть о лордѣ Байронѣ какого имъ угодно мнѣнiя; но прекрасно извѣстно, что они не могутъ указать на другого англійскаго поэта, который могъ бы сравниться съ нимъ. Онъ не похожъ на другихъ и почти во всемъ выше ихъ».

Понедѣльникъ, 15-го мая 1826.

Говорилъ съ Гете о Стефанѣ Шютце, котораго онъ очень хвалитъ ¹⁾.

— На прошлой недѣлѣ, когда мнѣ не здоровилось, сказалъ онъ, — я перечелъ его *Веселые часы*. Они доставили мнѣ большое удовольствiе. Живи Шютце въ Англии, онъ составилъ бы эпоху; при его наблюдательности и умѣнii изображать, ему недостовало только зрѣлища богатой содержанiемъ жизни.

---

¹⁾ Стефанъ Шютце родился въ 1771 г., въ деревнѣ, близъ Магдебурга; съ 1804 г. онъ поселился въ Веймарѣ, гдѣ заслужилъ благосклонность Виланда и Гете; его вообще любили, какъ остроумнаго писателя и скромнаго, сердечнаго человѣка. Его *Веселые часы*, рассказы, собранные изъ записной книжки, появились отъ 1821 до 1823 г. въ трехъ томахъ.

Четвергъ, 1-го іюня 1826.

Гете говорилъ о *Le Globe*¹⁾. «Сотрудники», сказалъ онъ, «люди свѣтскіе, веселые, прямые, смѣлые до послѣдней степени. Осуждая, они вѣжливы и тонки; между тѣмъ, какъ наши нѣмецкіе ученые думаютъ, что должны ненавидѣть тѣхъ, кто думаетъ не такъ, какъ они. Я причисляю *Le Globe* къ самымъ интереснымъ газетамъ и не могу безъ него обойтись».

Среда, 26-го іюля 1826.

Сегодня вечеромъ я имѣлъ счастье выслушать отъ него много замѣчаній насчетъ театра. Я сказалъ ему, что одинъ изъ моихъ друзей имѣетъ намѣреніе приспособить къ сценѣ *Two Foscari* Байрона. Гете сомнѣвался, чтобъ это удалось²⁾.

— Конечно, это соблазнительная вещь, сказалъ Гете. — Когда пьеса производитъ на насъ большое впечатлѣніе въ чтеніи, то намъ кажется, что она произведетъ его и со сцены, и мы воображаемъ, что можно достигнуть этого безъ особаго труда. Но

¹⁾ 27 февраля 1826 г. Гете писалъ Рейнгардту: «Мнѣ прислали газету *Le Globe*; съ сентября 1824 г., то есть съ самаго начала, и теперь я продолжаю получать ее по почтѣ. Каждый вечеръ я посвящаю нѣсколько часовъ на чтеніе старыхъ номеровъ; я отмѣчаю, подчеркиваю, дѣлаю извлеченія, перевожу. Это чтеніе открываетъ для меня любопытную перспективу на состояніе французской литературы, и такъ какъ все въ связи, то и на французскіе жизнь и нравы». Издателемъ газеты былъ Пьеръ Дюбуа, лишившійся профессуры въ 1822 г. за свои политическія мнѣнія. Къ сотрудникам принадлежали изъ молодыхъ: Анперъ, Викторъ Гюго, Вите, Сентъ-Бевъ, изъ стариковъ: Гизо (род. въ 1787 г.), Кузень, Патэнъ Пьеръ Леру, Ремюза и др.

²⁾ Ср. выше, подъ 25 февраля 1825 г.

странная вещь, та пьеса, которую авторъ писалъ, не имѣя въ виду сцены, никогда не удастся въ театрѣ: какъ бы вы ее ни приспособливали, въ ней всегда останется нѣчто неподходящее и неудобное. Сколько я мучился съ моимъ *Гетцемъ фонъ-Берлихиненъ*; а все же онъ пьеса не для театра. Онъ слишкомъ великъ, и его требуется раздѣлить на двѣ части: послѣдняя можетъ произвести впечатлѣніе со сцены, но первая—простая экспозиція. Еслибъ первую часть, ради показанія хода пьесы, можно было дать всего разъ и затѣмъ играть повторительно только вторую, то пьеса могла бы идти. Нѣчто подобное и съ *Валентиненомъ: Пикколомини* не слѣдуетъ повторять, но *Смерть Валентина* всегда будутъ смотрѣть охотно.

Я спросилъ, что требуется отъ пьесы, чтобъ она стала сценичной.

— Она должна быть символична, то есть: каждое дѣйствіе должно быть значительно само по себѣ, и вести къ слѣдующему, еще важнѣйшему. *Тартюфъ* въ этомъ отношеніи великій образецъ. Вспомните только первую сцену, что за экспозиція! Все, съ самаго начала, въ высшей степени значительно и заставляетъ ожидать впереди еще болѣе важнаго. Экспозиція Лессинговой *Мины фонъ-Барнгольмъ* также превосходна, но экспозиція *Тартюфа* единственная въ свѣтѣ; она выше и лучше всего въ этомъ родѣ.

Мы перешли къ пьесамъ Кальдерона.

— У Кальдерона, сказалъ Гете,— вы найдете то же совершенство по отношенію къ сценичности. Всѣ его пьесы вполне сценичны; въ нихъ нѣтъ ни одной черты, которая не была бы рассчитана на извѣстный эффектъ. Кальдеронъ изъ тѣхъ геніевъ,

которые обладают также и большимъ пониманіемъ.

— Странно, сказалъ я,—что шекспировскія пьесы въ сущности не сценичны, хотя Шекспиръ всѣ ихъ писалъ для театра.

— Шекспиръ, возразилъ Гете,—писалъ пьесы по внушенію своей природы; притомъ къ нему не предъявляли никакихъ требованій ни время, ни тогдашнее направленіе сцены; довольствовались тѣмъ, что онъ давалъ. Но, пиши Шекспиръ для мадридскаго двора, или для театра Людовика XIV, онъ, вѣроятно, держался бы болѣе строгой формы. На это, впрочемъ, сѣтовать нельзя: что Шекспиръ потерялъ, какъ сценическій писатель, то онъ выигралъ, какъ поэтъ. Шекспиръ великій психологъ, и изъ его пьесъ узнаешь величіе человѣческаго духа.

Затѣмъ мы говорили о трудности хорошаго управленія театромъ.

«Трудность въ томъ», сказалъ Гете, «чтобъ умѣть справиться съ случайнымъ и не дозволить ему увлечь себя отъ высшихъ принциповъ. Высшіе же принципы заключаются въ слѣдующемъ: надо держаться хорошаго репертуара изъ лучшихъ трагедій, оперъ и комедій, и смотрѣть на него, какъ на неизмѣнную основу. Къ случайному же я отношу: новую пьесу, которую желаютъ видѣть, гастроли и тому подобное. Только не надо дозволить этимъ вещамъ сбивать васъ съ пути и постоянно вновь возвращаться къ репертуару. Наше время, по-истинѣ, такъ богато хорошими пьесами, что знатоку нѣтъ ничего легче, какъ составить хорошій репертуаръ. Зато нѣтъ ничего труднѣе, какъ его поддерживать.

«Когда я вмѣстѣ съ Шиллеромъ управлялъ театромъ, то для насъ было весьма полезно, что лѣ-

томъ мы давали представленія въ Лаухштедтѣ¹⁾. Тамъ у насъ была избранная публика, которая требовала хорошихъ пьесъ; мы возвращались въ Веймаръ уже съ хорошо разученными пьесами и зимою могли повторять лѣтніе спектакли²⁾. Притомъ, веймарская публика имѣла довѣріе къ нашему управленію; даже въ тѣхъ случаяхъ, когда что нибудь приходилось ей не совѣсть по вкусу, она была убѣждена, что мы такъ дѣйствуемъ и поступаемъ на основаніи высшихъ взглядовъ.

«Въ девяностыхъ годахъ уже собственно прошло время, когда я особенно интересовался театромъ; я уже не писалъ для сцены и хотѣлъ вполне обратиться къ эпосу. Шиллеръ пробудилъ во мнѣ уже угасшій интересъ, и изъ любви къ нему и его пьесамъ, я вновь сталъ заниматься театромъ. Во времена моего *Клویی*, мнѣ было легко написать дюжину пьесъ; въ сюжетахъ недостатка не было, а писать мнѣ было легко; я могъ написать пьесу въ недѣлю, и мнѣ досадно, что я этого не дѣлалъ».

Среда, 8-го ноября 1826.

Гете сегодня вновь съ удивленіемъ говорилъ о лордѣ Байронѣ. «Я прочелъ его *Deformed Transformed* (Преображенный уродъ), сказалъ онъ, «и долженъ сознаться, что его талантъ показался мнѣ еще выше. Его чортъ вышелъ изъ моего Мефистофеля, но онъ не подражаніе; онъ вполне оригиналенъ и новъ, и все въ немъ сжато, умно и остро-

¹⁾ Небольшой городокъ съ водами, близъ Мерзебурга; онъ въ то время былъ въ модѣ. Карлъ-Августъ часто жилъ тамъ лѣтомъ.

²⁾ У насъ какъ разъ наоборотъ: лѣтніе красносельскіе спектакли вредятъ зимнему репертуару.

умно. Въ немъ нѣтъ слабаго мѣста, нѣтъ такого кусочка, куда можно бы воткнуть иголку; все полно изобрѣтательности и ума. Не будь въ немъ столько ипохондріи и отрицанія, онъ былъ бы такъ же великъ, какъ Шекспиръ и древніе». Я выразилъ удивленіе. «Ужъ повѣрьте мнѣ», сказалъ Гете, «я его вновь изучалъ, и долженъ признать это за нимъ въ высшей степени».

Раньше, въ одномъ изъ разговоровъ Гете выразился, «что у лорда Байрона черезчуръ много эмпиризма». Я не вполне понялъ, что онъ хотѣлъ сказать этимъ, но удержался отъ вопроса и про себя обдумывалъ это изреченіе. Мои размышленія, впрочемъ, ни къ чему не привели, и мнѣ приходилось ждать, пока мое дальнѣйшее развитіе или счастливый случай разрѣшатъ эту загадку. Послѣдній представился: вечеромъ я видѣлъ *Макбета* въ отличномъ исполненіи, которое произвело на меня впечатлѣніе, а на слѣдующій день взялъ Байрона, чтобъ прочесть *Бенно*. Но послѣ *Макбета*, *Бенно* мнѣ не понравился, и чѣмъ дальше я читалъ, тѣмъ яснѣе мнѣ становилось, что именно хотѣлъ сказать Гете своей фразой.

Въ *Макбетѣ* на меня произвелъ впечатлѣніе великій, сильный и возвышенный духъ, который не могъ изойти ни отъ кого, кромѣ самого Шекспира. Онъ прирожденъ его высокой и глубоко одаренной природѣ; онъ опредѣляетъ его личность и содѣлываетъ его великимъ поэтомъ. Все, что въ этой пьесѣ дано наблюденіемъ и опытомъ, подчинено поэтическому духу и служитъ только для того, чтобъ онъ могъ говорить и дѣйствовать. Великій поэтъ царитъ и подымаетъ насъ на высоту своего воззрѣнія.

При чтеніи *Бенно*, я, напротивъ, чувствовалъ, что

въ немъ господствуетъ нечестивый эмпирическій міръ, которому до извѣстной степени сопричастенъ и духъ, его намъ изображающій. Со мною былъ уже не прирожденный великій и чистый духъ высоко-рожденнаго поэта; казалось, будто образъ мыслей поэта, отъ частаго общенія съ міромъ, сдѣлался однороднымъ съ нимъ. Казалось, что онъ стоитъ на одномъ уровнѣ съ остроумными великосвѣтскими людьми и отличается отъ нихъ только огромной изображательной способностью, и служить для нихъ какъ бы ихъ органомъ.

Такимъ образомъ я понималъ, что «у лорда Байрона черезчуръ много эмпиризма», и вовсе не потому, что онъ изображаетъ во-очію дѣйствительную жизнь, но потому что его высокая поэтическая природа молчитъ и кажется даже, будто заклата эмпирическимъ образомъ мыслей.

Среда, 29-го ноября 1826.

Я также прочелъ *Преображеннаго урода* Байрона и сегодня говорилъ о немъ съ Гете.

— Не правда ли, сказалъ онъ,—первыя сцены велики и притомъ поэтически-велики. Остальныя, гдѣ все расползается въ разныя стороны и гдѣ осаждаютъ Римъ, я не назову поэтическими, хотя нельзя не сознаться, что онѣ остроумны.

— Въ высшей степени, сказалъ я;—но не мудрено быть остроумнымъ, когда ничего не уважаешь. Гете засмѣялся.

— Вы не совсѣмъ неправы, сказалъ онъ;—надо прямо сказать, что поэтъ говорить больше, чѣмъ желательно; онъ говоритъ правду, но не всѣмъ она по нутру, и было бы пріятнѣе, еслибы онъ придержалъ языкъ. Есть на свѣтѣ вещи, которыя поэту

лучше скрывать, чѣмъ открывать; но таково уже свойство Байрона, и желать, чтобъ онъ сталъ другимъ, значитъ желать его уничтоженія.

— Да, подтвердилъ я,—онъ въ высшей степени остроуменъ. Какъ мѣтко, напимѣръ, сказано:

The Devil speaks truth much oftner than he's deemed,
He has an ignorant audience ¹⁾.

— Это такъ же хорошо и свободно, какъ то, что говоритъ мой Мефистофель. Но мы заговорили о Мефистофелѣ, а потому я покажу вамъ нѣчто, что привезъ Кудрэ изъ Парижа. Что вы объ этомъ скажете?

Онъ показалъ мнѣ литографію, изображавшую сцену, гдѣ Фаустъ и Мефистофель, чтобъ освободить Гретхенъ изъ темницы, скачутъ на лошадяхъ мимо висѣлицы. Фаустъ сидитъ на ворономъ конѣ, который скачетъ полнымъ галопомъ и кажется такъ же какъ и всадникъ боится призраковъ подъ висѣлицей. Они скачутъ такъ быстро, что Фаустъ держится съ трудомъ; сильнымъ встрѣчнымъ вѣтромъ у него съ головы сорвало беретъ, который, держась на ремняхъ, вьется далеко у него за спиной. Онъ обратился къ Мефистофелю съ испуганнымъ и вопрошающимъ видомъ, и ждетъ его отвѣта. Мефистофель сидитъ спокойно, и нисколько не испуганъ, какъ существо высшаго порядка. Подъ нимъ не живая лошадь, ибо онъ ничего живого не любитъ. Она ему и не нужна: его воля стремится его съ желаемой быстротой. Подъ нимъ лошадь единственно потому, что требуется, чтобъ онъ представлялся скачущимъ на конѣ; ему достаточно было подхва-

¹⁾ Дьяволъ говоритъ правду чаще, чѣмъ думаютъ: слушатели у него невѣжественны.

титъ на первомъ встрѣчномъ лугу скелетъ, на которомъ еще держится кожа. Лошадь свѣтлой масти и, кажется, отливаешь фосфорическимъ свѣтомъ въ темнотѣ; она не осѣдлана и не взнуздана. Неземной всадникъ сидитъ легко и небрежно, и говоритъ, обратясь къ Фаусту; встрѣчный воздухъ ему ни почемъ: ни онъ, ни его конь его не чувствуютъ, онъ у нихъ не пошевелинетъ и волоска.

Намъ очень понравился этотъ обдуманнй рисунокъ. «Надо сознаться», сказалъ Гете, «что трудно лучше и вообразить себѣ эту сцену. Но вотъ другой листъ,—что вы о немъ скажете?»

Я увидалъ дикую сцену пьяницъ въ погребѣ Ауербаха; именно, какъ квинтъ-эссенція цѣлаго, былъ изображенъ тотъ моментъ, когда пролитое вино превращается въ огонь и животненная природа пьяницъ обнаруживается различнымъ образомъ. Все страсть и движеніе, только Мефистофель остается въ обычномъ веселомъ спокойствіи. Ему ничто—ни проклятія, ни брань, ни поднятый на него ножъ ближайшаго сосѣда. Онъ усѣлся на уголъ стола и свѣсилъ ноги; стоитъ ему поднять палецъ, чтобъ укротить и страсти, и пламя.

Чѣмъ больше смотришь на этотъ превосходный рисунокъ, тѣмъ сильнѣе убѣждаешься въ большомъ умѣ художника: ни одно лицо у него не похоже на другое, и въ каждомъ онъ изобразилъ иную ступень дѣйствія.

«Г. Делакруа большой талантъ», сказалъ Гете, «и въ *Фаустѣ* онъ нашелъ для себя настоящую пищу. Французы упрекаютъ его въ грубости, но тутъ она совершенно уместна. Надѣются, что онъ иллюстрируетъ всего *Фауста*, и я жду съ нетерпѣніемъ кухни вѣдьмъ и сценъ на Брокенѣ. Видно

что онъ основательно изучилъ жизнь, — и такой городъ, какъ Парижъ, доставилъ ему для этого множество случаевъ».

Я замѣтилъ; что подобные рисунки весьма способствуютъ лучшему пониманію поэмы. «Тутъ и вопроса нѣтъ», сказалъ Гете; «удивительная сила воображенія художника принуждаетъ и насъ обдумывать положенія столь же хорошо, какъ онъ самъ. И если я самъ долженъ сознаться, что г. Делакрыа превзошелъ мое собственное представленіе этихъ сценъ, которыя я же и написалъ, то тѣмъ болѣе читатели найдутъ эти рисунки полными жизни и превосходящими все, что имъ рисовало ихъ воображеніе».

Понедѣльникъ, 11-го декабря 1826.

Я засталъ Гете въ очень веселомъ, возбужденномъ настроеніи. «У меня сегодня нѣсколько часовъ просидѣлъ Александръ фонъ-Гумбольдтъ», съ живостью сказалъ онъ при моемъ входѣ; «что за человѣкъ! Я знаю его такъ давно, и онъ снова привелъ меня въ изумленіе. Можно сказать, что нѣтъ человѣка ему равнаго по научнымъ познаніямъ и живымъ свѣдѣніямъ. И какая разносторонность!.. я никогда не встрѣчалъ подобной! О чемъ бы вы ни заговорили, онъ всюду какъ дома, и засыплетъ васъ умственными сокровищами. Онъ похожъ на фонтанъ со многими трубами; куда бы вы ни подставили сосудъ, фонтанъ бьетъ всюду и живительно, и неисчерпаемо. Онъ останется тутъ нѣсколько дней, и я уже чувствую, что мнѣ покажется, будто я прожилъ нѣсколько лѣтъ».

Среда, 13-го декабря 1826.

Послѣ обѣда дамы хвалили портретъ, сдѣланный молодымъ художникомъ. «И, что всего удивитель-

нѣе», добавили онѣ, «онѣ вполне самоучка». Это было особенно замѣтно по рукамъ, которыя были нарисованы неправильно и неискусно.

«Видно, что у молодого человѣка есть талантъ», сказалъ Гете; «но за то, что онѣ самоучка, его слѣдуетъ не хвалить, а бранить. Талантъ родится не для того, чтобъ быть предоставленнымъ самому себѣ; онѣ долженъ обратиться къ искусству и хорошимъ мастерамъ, которые изъ него что нибудь и сдѣлаютъ. Надняхъ я прочелъ письмо Моцарта, который пишетъ одному барону, приславшему ему свои сочиненія, примѣрно, слѣдующее: «Васъ, дилетантовъ, слѣдуетъ бранить, потому что у васъ встрѣчается одно изъ двухъ: либо у васъ нѣтъ своихъ идей, и тогда вы пользуетесь чужими, либо, если у васъ есть свои идеи, то вы не умѣете съ ними обращаться». Развѣ это не божественно? И развѣ это великое слово, сказанное Моцартомъ о музыкѣ, не приложимо ко всѣмъ искусствамъ?»

Гете продолжалъ: «Леонардо да Винчи¹⁾ говорить: «Если вашему сыну не приходится въ умъ, при помощи сильной тушовки, такъ изобразить предметъ, который онѣ рисуетъ, чтобы можно было его схватить руками, то у него нѣтъ таланта». И далѣе Леонардо да Винчи говоритъ: «Если вашъ сынъ не знаетъ вполне перспективы и анатоміи, то сведите его къ хорошему учителю». Теперь же наши молодые художники едва знаютъ и то, и другое, когда уже оставляютъ учителей. Такъ сильно измѣнились времена.

— У нашихъ молодыхъ художниковъ, продол-

---

¹⁾ Въ своемъ «Trattato della pittura», который Гете хотя и читалъ раньше, но вполне понялъ только въ Римѣ.

жалъ Гете, — нѣтъ ни чувства, ни ума; ихъ изобрѣтательность ничего не говоритъ и не производитъ впечатлѣнія; они рисуютъ мечи, которые не рубятъ, и стрѣлы, которыя не попадаютъ въ цѣль, и мнѣ часто кажется, будто умъ исчезъ съ лица земли.

— А между тѣмъ, замѣтилъ я, — слѣдовало бы предполагать, что великія военныя событія послѣднихъ лѣтъ должны были возбудить умы.

— Они возбуждали больше волю, чѣмъ умъ, и больше политическій, чѣмъ художественный духъ; наоборотъ, вполне исчезли наивность и чувствительность. А какимъ образомъ, безъ этихъ двухъ необходимыхъ пособниковъ, живописецъ произведетъ нѣчто способное доставить удовольствіе?

Я замѣтилъ, что прочелъ надняхъ въ его *Итальянскомъ путешествіи* ¹⁾ о картинѣ Корреджіо, гдѣ изображено отнятіе отъ груди Христа; ребенокъ на груди у матери, и не знаетъ, что ему выбрать: грудь или грушу, которую ему подносятъ.

— Да, сказалъ Гете, — это катринка! тутъ и умъ, и наивность, и чувство внѣшней красоты. И божественный сюжетъ сталъ всечеловѣческимъ, и сдѣлался символомъ для извѣстной жизненной ступени, которую всѣ мы переживаемъ. Такая картина вѣчна, потому что она охватываетъ человѣчество и прежнихъ, и будущихъ временъ. Еслибъ вздумали, напротивъ, изобразить Христа, подзывающаго къ себѣ ребенка, то вышла бы картина, ничего не говорящая, по крайности не говорящая ничего значительнаго. Вотъ ужъ пятьдесятъ лѣтъ, какъ я слѣжу за нѣмецкой живописью, и не только слѣжу, но старался оказывать на нее вліяніе, и теперь могу ска-

¹⁾ Въ письмѣ изъ Неаполя отъ 22-го марта 1787 г.

зять, что, при нынѣшнемъ ея состояніи, отъ нея нельзя ждать многого. Долженъ явиться большой талантъ, который сѣумѣлъ бы усвоить себѣ все настоящее, и чрезъ это превзойти всѣхъ. Всѣ средства для этого существуютъ, и дорога указана и проложена. Теперь у насъ передъ глазами и Фидіасъ¹⁾, о чемъ въ юности намъ нельзя было и мечтать. Теперь, повторяю, намъ нуженъ только большой талантъ, и онъ, надѣюсь, появится; онъ, быть можетъ, уже лежитъ въ колыбели и вы доживете до его расцвѣта.

Среда, 20-го декабря 1826.

Послѣ обѣда я сказалъ Гете, что сдѣлалъ открытіе, которое меня весьма порадовало. Именно, на горящей восковой свѣчѣ я замѣтилъ, что нижняя прозрачная часть пламени обнаруживаетъ то же явленіе, вслѣдствіе котораго небо кажется синимъ, именно, когда смотришь въ тьму чрезъ освѣщенный сумракъ.

Я спросилъ Гете—извѣстно ли ему это явленіе и говорить ли онъ о немъ въ своей *Теоріи цвѣтовъ*. «Безъ сомнѣнія», отвѣчалъ онъ. И онъ вынулъ томъ и показалъ мнѣ параграфъ, гдѣ все было описано, какъ я видѣлъ. «Мнѣ очень пріятно», сказалъ онъ, «что вы замѣтили это явленіе, не зная о немъ изъ моей *Теоріи цвѣтовъ*; вы сами его схватили, и можете сказать, что обладаете имъ. При этомъ вы приобрѣли точку зрѣнія, съ которой можете наблюдать и другія явленія. Я сейчасъ вамъ покажу еще одно».

Было около четырехъ часовъ; небо было облачно, только что начинались сумерки. Гете зажегъ свѣчу

¹⁾ Еще въ 1812 г. Гете высказывалъ, что всякій нѣмецкій скульпторъ обязанъ изучить Фидіаса въ Лондонѣ.

и подошелъ съ нею къ столу близъ окна. Онъ поставилъ свѣчу на листъ бѣлой бумаги и помѣстилъ палочку такимъ образомъ, что свѣтъ свѣчи бросалъ тѣнь отъ палочки къ дневному свѣту. «Ну», спросилъ Гете, «что вы скажете объ этой тѣни?» — Тѣнь голубая, отвѣчалъ я. — «Вотъ вамъ снова голубой цвѣтъ», сказалъ Гете; «но по другую сторону палочки, по направленію къ свѣчѣ, что вы видите?» — «Тѣнь красновато-желтая», отвѣчалъ я; «отчего же зависитъ это двойственное явленіе?» — «Ваше дѣло объяснить», отвѣчалъ Гете; «постарайтесь додуматься. Объяснить можно, но трудно. Но не заглядывайте въ мою *Теорію цвѣтовъ*, пока не потеряете надежды найти свое собственное объясненіе». Я съ удовольствіемъ общалъ.

«Явленіе нижней части свѣчи», продолжалъ Гете, «гдѣ прозрачная свѣтлота находится передъ мракомъ и гдѣ образуется синій цвѣтъ, я покажу вамъ теперь въ увеличенномъ масштабѣ». Онъ взялъ ложку, налилъ въ нее спирту и зажегъ его. Тутъ вновь образовалась прозрачная свѣтлота, сквозь которую тьма казалась голубой. Когда онъ обращалъ горящій спиртъ передъ ночью тьмою, то голубой цвѣтъ становился гуще; когда же держалъ его передъ свѣтомъ, то голубой цвѣтъ слабѣлъ или вовсе исчезалъ.

Мнѣ это явленіе доставило удовольствіе. «Да», сказалъ Гете, «въ томъ-то и величіе природы, что она такъ проста, и величайшія свои явленія постоянно повторяетъ въ маломъ видѣ. Тотъ же законъ, въ силу котораго небо кажется голубымъ, обнаруживается и на нижнемъ концѣ горящей свѣчи, и въ горящемъ спиртѣ, а равно на освѣщенномъ дымѣ, который подымается надъ деревней, позади которой находится темная гора».

— Но какъ же объясняютъ ученики Ньютона это въ высшей степени простое явленіе? спросилъ я.

— Этого вамъ незначѣмъ знать, отвѣчалъ Гете.— Объясненіе черезчуръ глупо, а нельзя и представить, какой вредъ приносить хорошей головѣ занятіе чѣмънибудь глупымъ. Не заботьтесь о ньютоنیанцахъ, довольствуйтесь истиннымъ ученіемъ, и благо вамъ будетъ.

— Заниматься ложнымъ въ этомъ случаѣ, сказалъ я,—можетъ быть такъ же непріятно и вредно, какъ изучать плохую трагедію, ради освѣщенія всѣхъ ея частей и обнаруженія ея слабыхъ сторонъ.

— Рѣшительно то же самое, отвѣчалъ Гете,—и безъ нужды не къ чему этимъ заниматься. Я уважаю математику, какъ самую возвышенную и полезнѣйшую науку, пока ее прилагаютъ тамъ, гдѣ она умѣстна; но я не могу восхищаться тѣмъ, что ею злоупотребляютъ, прилагая къ вещамъ, лежащимъ внѣ ея области, и гдѣ эта благородная наука является безсмыслицей. И точно только то и существуетъ, что можно доказать при помощи математики! Было бы глупо, вздумай кто не повѣрить любви своей невѣсты, потому что она не можетъ доказать ея математически! Свое приданое она можетъ ему доказать математически, но никакъ не любовь. И метаморфозу растений открыли не математики! Я открылъ ее безъ математики, и математики должны были признать ее. И для пониманія явленій теоріи цвѣтовъ требуется прямое наблюденіе и здоровая голова; но объ эти вещи встрѣчаются, конечно, рѣже, чѣмъ думаютъ.

— Какъ относятся современные французы и англичане къ теоріи цвѣтовъ? спросилъ я.

— Оба эти народа имѣютъ свои преимущества

и недостатки. У англичанъ хорошо то, что они поступаютъ всегда практически; но они педанты. У французовъ хорошія головы; но для нихъ все должно быть положительно, и, что не положительно, они дѣлаютъ его таковымъ. У нихъ, впрочемъ, теорія цвѣтовъ на хорошей дорогѣ, и одинъ изъ ихъ лучшихъ умовъ близко къ ней подходитъ. Онъ говорить: цвѣта прирождены вещамъ; подобно тому, какъ въ природѣ есть окисляющее средство, есть и красящее. Конечно, явленія этимъ не объясняются; но онъ возвращаетъ природѣ активную роль и освобождаетъ ее отъ математическихъ ограниченій.

Принесли берлинскія газеты, и Гете сталъ ихъ читать. Я взялъ также номеръ, и въ театральныхъ извѣстіяхъ нашелъ, что тамъ въ оперѣ и королевскомъ театрѣ даютъ такія же плохія пьесы, какъ и здѣсь.

— Иначе и быть не можетъ, сказалъ Гете.— Конечно, нѣтъ сомнѣнія, что съ помощію хорошихъ англійскихъ, французскихъ и испанскихъ пьесъ можно составить хорошій репертуаръ и давать каждый вечеръ хорошія пьесы. Но гдѣ же потребность въ публикѣ видѣть постоянно хорошія пьесы? Время, когда писали Эсхилъ, Софокль и Эврипидъ было, конечно, совсѣмъ иное: у того вѣка былъ свой добрый геній, и тогда постоянно желали великаго и лучшаго. Но въ нашъ скверный вѣкъ—гдѣ потребность въ лучшемъ? Гдѣ органъ, способный принять его? И притомъ вѣчно желаютъ чего нибудь новенькаго. И въ Берлинѣ, и въ Парижѣ—публика всюду одна и та же. Въ Парижѣ каждую недѣлю пишется безчисленное множество новыхъ пьесъ, и онѣ ставятся на сцену, и приходится вытерпѣть пять или шесть дурныхъ, пока одна хорошая воз-

наградить за нихъ. Единственное средство поддержать въ настоящее время нѣмецкій театръ на известной высотѣ — гастролы. Будь я еще директоромъ, я всю зиму занялъ бы спектаклями съ хорошими гастролерами. Чрезъ это не только бы снова были поставлены всѣ хорошія пьесы, но и интересъ съ пьесъ былъ бы перенесенъ на игру; можно было бы сравнивать и судить, публика стала бы проникательнѣе, и въ нашихъ артистахъ, при помощи замѣчательной игры какого нибудь превосходнаго гастролера, было бы возбуждено соревнованіе. Повторяю: гастролы и гастролы, и вы изумитесь, какую пользу онѣ принесутъ и театру, и публикѣ.

«Я предвижу время, когда умѣлый и рожденный для такого дѣла человѣкъ станетъ управлять одновременно четырьмя театрами, и будетъ посылать актеровъ на гастролы съ одного на другой, и я увѣренъ, что онъ при четырехъ театрахъ справится съ дѣломъ лучше, чѣмъ при одномъ».

Среда, 27-го декабря 1826.

Я прилежно размышлялъ дома о явленіи голубой и желтой тѣней; при помощи повторенныхъ наблюденій, я наконецъ, какъ мнѣ казалось, достигъ разгадки.

Сегодня за обѣдомъ я сказалъ о томъ Гете. «Это было бы великолѣпно», отвѣчалъ онъ, «послѣ обѣда вы мнѣ сообщите». — Я лучше напишу, сказалъ я: при словесномъ объясненіи у меня не всегда будутъ точныя выраженія. «Послѣ вы можете и написать, но сегодня вы должны при мнѣ повторить опыты и объяснить ихъ словесно; я посмотрю, правы ли вы».

Послѣ обѣда, когда было еще свѣтло, Гете спросилъ меня: «можете ли вы сдѣлать теперъ опытъ?»

—Нѣтъ, отвѣчалъ я.—«Отчего-же?»—Теперь слишкомъ свѣтло; нужно, чтобъ потемнѣло: тогда свѣча станетъ бросать болѣе рѣзкую тѣнь; впрочемъ, должно быть еще настолько свѣтло, чтобъ дневной свѣтъ освѣщалъ эту тѣнь.—«Гм.», сказалъ Гете, «вы не неправы».

Какъ начались сумерки, я сказалъ Гете, что теперь время. Онъ зажегъ восковую свѣчу и далъ мнѣ листъ бѣлой бумаги и палочку. «Ну, дѣлайте опытъ и объясняйте!» сказалъ онъ.

Я поставилъ свѣчу на столъ у окна, положилъ вблизи листъ бумаги, и, когда поставилъ палочку въ серединѣ между свѣтомъ свѣчи и дневнымъ, то явленіе обнаружилось во всей своей красѣ. Тѣнь, которая легла по направленію къ свѣчѣ, была ясно желтаго цвѣта; та, которая упала къ окну, вполне голубая.

— Ну, сказалъ Гете,—какъ вы объясните происхожденіе голубой тѣни?

— Раньше, чѣмъ объяснять это, я изложу основной законъ, изъ котораго вывожу оба явленія. Свѣтъ и тьма не суть цвѣта, но двѣ крайности, между которыми находятся и образуются цвѣта, и притомъ въ силу видоизмѣненія обѣихъ. На предѣлахъ свѣта и тьмы находятся желтый и голубой цвѣта; желтый—на границѣ свѣта, когда я смотрю на него сквозь затемненную среду, а голубой—на границѣ тьмы, когда я смотрю сквозь прозрачную и освѣщенную среду.

«Теперь», продолжалъ я, «обратимся къ объясненію нашего явленія. Палочка, при помощи свѣта отъ свѣчки, бросаетъ рѣзкую тѣнь; она была бы черной, еслибъ запереть ставни и прекратить доступъ дневного свѣта. Но черезъ открытое окно дневной

свѣтъ проникаетъ свободно и образуетъ освѣщенную среду, сквозь которую я смотрю на темную тѣнь, и тутъ, на основаніи закона, образуется голубой цвѣтъ».

Гете засмѣялся. «Это насчетъ голубого», сказалъ онъ; «но какъ вы объясните желтую тѣнь?»

«Изъ закона затемненнаго тѣнью свѣта», отвѣчалъ я. «Горящая свѣчка бросаетъ на бѣлую бумагу свѣтъ, который уже слегка отсвѣчиваетъ желтымъ. Но дневной свѣтъ настолько силенъ, что онъ бросаетъ по направленію отъ палочки къ свѣчѣ легкую тѣнь, которая, насколько хватаетъ, затемняетъ свѣтъ и такимъ образомъ, согласно закону, происходитъ желтый цвѣтъ. Если я ослаблю это затемненіе тѣмъ, что перенесу тѣнь по возможности близко къ свѣту, то образуется чистый свѣтлый желтый цвѣтъ; если же усилить затемненіе, по возможности удаливъ тѣнь отъ свѣта, то желтый цвѣтъ потемнѣетъ и станетъ красноватымъ, даже краснымъ».

Гете опять улыбнулся, и на этотъ разъ весьма таинственнымъ образомъ. «Что же, правъ я?» спросилъ я. «Вы очень вѣрно наблюдали явленіе и прекрасно его описали», отвѣчалъ Гете, «но вы не объяснили его. Ваше объясненіе толково, даже остроумно, но оно не справедливо». «Такъ помогите мнѣ и разъясните загадку», сказалъ я; «меня оно очень беспокоитъ». — Вы должны еще сдѣлать наблюденія, но не сегодня, и въ другомъ родѣ. Придите какъ нибудь въ полдень, когда небо будетъ ясно, и я покажу вамъ явленіе, которое вамъ до очевидности разъяснить законъ. Я очень радъ, что вы заинтересовались цвѣтами: они вамъ доставятъ много удовольствія».

Меня до того заняли эти явленія, что я бредилъ ими во снѣ. Но и во снѣ я не могъ придумать, какъ объяснить ихъ.

Нѣсколько дней тому назадъ Гете сказалъ мнѣ: «Я медленно разбираю мои естественно-историческія замѣтки. Не потому, чтобъ я надѣялся еще послужить значительно наукѣ, но ради многихъ пріятныхъ сношеній, которыя я поддерживаю при ихъ помощи. Занятіе природой принадлежитъ къ числу невиннѣйшихъ. Въ эстетическомъ отношеніи нечего и думать о поддержкѣ связей и корреспонденціи. Вотъ теперь желаютъ знать, въ какомъ прирейнскомъ городѣ происходитъ дѣйствіе моего *Германа и Доротен*. Точно не лучше бы было предпочитать, что въ любомъ. Хотятъ правды, дѣйствительности, и тѣмъ губятъ поэзію».

1827.

Среда, 3-го января 1827.

Сегодня за обѣдомъ говорили о превосходной рѣчи лорда Каннинга за Португалію¹⁾.

«Есть люди», сказалъ Гете, «которые зовутъ такіа рѣчи грубыми; но они сами не знаютъ, чего хотятъ; у нихъ есть зудъ осуждать все великое. Это не оппозиція, а простое фрондерство. Имъ тре-

¹⁾ Каннингъ 12-го декабря 1826 произнесъ въ нижней палатѣ рѣчь, гдѣ защищалъ Португалію противъ угрозъ Испаніи и объяснялъ, какое положеніе должна занимать Англія противъ захватовъ. Англійскія вспомогательныя войска были немедленно отправлены.

буется ненавидѣть нѣчто великое. Когда Наполеонъ былъ еще въ мірѣ, то они ненавидѣли его, и онъ оттягивалъ ихъ фрондерство. Когда Наполеона не стало, они заворчали на Священный союзъ, а между тѣмъ ничего не было болѣе великаго и благодѣтельнаго для человѣчества. Теперь пришелъ чередъ Каннинга. Его рѣчь за Португалію—продуктъ великаго сознанія. Онъ прекрасно чувствуетъ объемъ своей власти и величіе своего положенія, и правъ, говоря какъ чувствуетъ. Но санкюлотты не могутъ понять этого, и то, что намъ является великимъ, для нихъ представляется грубымъ. Величіе ихъ безпокоитъ; оно для нихъ невыносимо: у нихъ нѣтъ жилки уваженія».

Четвергъ, вечеромъ, 4-го января 1827.

Гете очень хвалилъ стихотворенія Виктора Гюго ¹⁾. «У него рѣшительный талантъ, на который имѣла вліяніе нѣмецкая литература», сказалъ Гете. «Его поэтическую юность оскорбляетъ педантизмъ классической партіи; но *Le Globe* на его сторонѣ, и онъ уже выигралъ игру. Я его сравниваю съ Манцони. У него много объективнаго, и онъ мнѣ кажется равнымъ по значенію съ гг. Ламартиномъ и Делавинемъ. Разсматривая его, я вижу, откуда исходитъ онъ и другіе свѣжіе таланты въ его родѣ. Они идутъ отъ Шатобріана, у котораго, конечно, весьма замѣчательный реторико-поэтический талантъ. Чтобъ узнать, въ какомъ родѣ пишетъ Викторъ Гюго, прочтите вотъ эти стихи о Наполеонѣ «*Les deux illes*».

Гете положилъ передо мной книгу и сталъ у

¹⁾ Ero «*Odes et Ballades*».

печки. Я прочелъ. «Развѣ у него не превосходныя картины?» сказалъ Гете, «и развѣ онъ не свободно обработалъ сюжетъ?» Онъ подошелъ ко мнѣ. «Прочтите только это мѣсто; какъ прекрасно!» Я прочелъ мѣсто, гдѣ поэтъ говоритъ, какъ молнія ударила вверхъ, чтобъ сразить героя ¹⁾. «Превосходно! Картина правдива. Ее можно видѣть въ горахъ, гдѣ часто гроза ниже васъ и гдѣ молнія бьетъ снизу вверхъ».

— Я хвалю французовъ за то, сказалъ я,—что ихъ поэзія никогда не оставляетъ твердой почвы дѣйствительности. Стихи можно переложить въ прозу, и ихъ сущность не измѣнится.

— Это зависитъ отъ того, сказалъ Гете,—что французскіе поэты обладаютъ знаніями; напротивъ, наши нѣмецкіе дураки боятся, что лишатся таланта, если потрудятся надъ приобрѣтеніемъ знаній; между тѣмъ, всякій талантъ долженъ питаться знаніемъ, и только при его помощи онъ овладѣетъ своими силами. Но оставимъ ихъ,—имъ не поможешь,—а истинный талантъ всегда найдетъ дорогу. Многіе изъ молодыхъ поэтовъ, которые теперь влачатъ свое существованіе, не настоящіе таланты: они просто немощные, въ которыхъ высокое развитіе нѣмецкой литературы возбудило стремленіе къ производительности. — Нѣтъ ничего удивительнаго, что французы возвы-

---

¹⁾ Вотъ это мѣсто въ подлинникѣ:

Il a bâti si haut son aire impériale
Qu' il nous semble habiter cette sphère idéale
Où jamais on n'entend un nuage éclater!
Ce n'est plus qu' à ses pieds que gronde la tempête;
Il faudrait, pour frapper sa tête,
Que la foudre pût remonter!
La foudre remonta! Renversé de son aire...

шаются отъ педантизма къ свободному роду поэзіи. Дидро и умы, подобные ему, еще до революціи старались проложить эту дорогу. Сама революція и наполеоновское время тому способствовали. Если годы войны и не дозволяли развиваться чисто поэтическимъ интересамъ, а, стало быть, были не благопріятны для музъ, то за это время развилось много свободныхъ умовъ, и теперь, въ мирное время, они пришли въ сознаніе и обнаружались, какъ замѣчательные таланты.

Я спросилъ Гете, относились ли классики враждебно и къ превосходному Беранже. «Родъ, въ которомъ пишетъ Беранже», отвѣчалъ онъ, «старинный національный родъ; къ нему давно привыкли. Но во многихъ отношеніяхъ онъ оказался свободнѣе своихъ предшественниковъ, и за это противъ него враждовала педантическая партія».

Разговоръ перешелъ къ живописи и недостаткамъ школы подражателей стариннымъ мастерамъ (прерафаэлитовъ). «Вы не претендуете на званіе знатока», сказалъ Гете, «но я вамъ покажу картину, гдѣ, не смотря на то, что она нарисована однимъ изъ лучшихъ нѣмецкихъ современныхъ живописцевъ, вы сейчасъ же замѣтите значительные промахи противъ первыхъ законовъ искусства. Вы увидите, что отдѣльныя части сдѣланы хорошо, но цѣлое вамъ не понравится; вы не будете знать, что съ нимъ дѣлать. И не потому вовсе, чтобъ авторъ картины не былъ выдающимся талантомъ, но потому, что умъ, который долженъ бы руководить талантомъ, у него столь же помраченъ, какъ и у другихъ прерафаэлитовъ; они не хотятъ знать совершенныхъ мастеровъ и, возвратясь къ ихъ несовершеннымъ предшественникамъ, взяли ихъ за образецъ.

«Рафаэль и его современники отъ ограниченной манеры живописи пробились къ природѣ и на свободу. А нынѣшніе художники вмѣсто того, чтобъ благодарить Бога и, пользуясь такимъ преимуществомъ, идти впередъ по отличной дорогѣ, снова возвращаются къ ограниченности. Это ужъ слишкомъ; почти нельзя понять такого помраченія умовъ. На этомъ пути у нихъ нѣтъ опоры въ искусствѣ, и потому-то они и ищутъ ея въ религіи и партійности; безъ нихъ они не могли бы и существовать, при своей слабости. — Во всемъ искусствѣ есть преемственность. Возьмите любого великаго мастера, и вы всегда увидите, что онъ воспользовался добромъ своихъ предшественниковъ, и чрезъ то именно и сталъ великимъ. Люди, какъ Рафаэль, не вырастаютъ подобно грибамъ. Они коренятся въ древности, въ лучшемъ, что было до нихъ сдѣлано. Еслибъ они не воспользовались преимуществами своего времени, то о нихъ нечего было бы и говорить».

Разговоръ обратился къ старонѣмецкой поэзіи; я вспомнилъ о Флемингѣ¹⁾. «У Флеминга», сказалъ Гете, «былъ очень милый талантъ, немного прозаическій и мѣщанскій; теперь онъ ни къ чему не пригоденъ. Странно», добавилъ онъ, «я писалъ самыя разнообразныя вещи, а между тѣмъ ни одного изъ моихъ стихотвореній нельзя помѣстить въ лютеранскую книгу духовныхъ пѣсенъ».

Я засмѣялся, сказавъ, что его правда, и прибавивъ, что это любопытное замѣчаніе имѣетъ болѣе значеніе, чѣмъ кажется.

---

¹⁾ Поэтъ изъ школы Опица. Его «религіозныя и свѣтскія поэмы» (1642) весьма уважаются, но ихъ никто не читаетъ.

Воскресенье, вечеромъ, 12-го января 1827.

Сегодня у Гете былъ музыкальный вечеръ, устроенный для него семействомъ Эбервейновъ при участіи нѣкоторыхъ музыкантовъ изъ оркестра. Между многими приглашенными находились: генераль-суперинтендентъ Рэръ¹⁾, придворный совѣтникъ Фогель²⁾ и нѣсколько дамъ. Гете пожелалъ услышать квартетъ знаменитаго молодого композитора. Двѣнадцатилѣтній Карлъ Эбервейнъ прекрасно исполняетъ фортепьянную партію; Гете остался имъ очень доволенъ. Вообще квартетъ былъ отлично исполненъ во всѣхъ отношеніяхъ.

«Удивительно», сказалъ Гете, «куда увлекаетъ новѣйшихъ композиторовъ высокое развитіе техники и механизма; въ ихъ сочиненіяхъ нѣтъ уже никакой музыки; они переходятъ уровень человѣческихъ чувствъ; ихъ нельзя объяснить ни умомъ, ни сердцемъ. Какъ вамъ это понравилось? У меня квартетъ просто застрялъ въ ушахъ.—Я отвѣчалъ, что и на меня онъ произвелъ не лучшее впечатлѣніе.—«Но *allegro* характерно», продолжалъ Гете. «Слушая это вѣчное дребезжанье и верченье, я видѣлъ передъ глазами пляски вѣдьмъ на Блоксбергѣ; такимъ образомъ, у меня нашелся образъ, который *подходилъ* къ этой странной музыкѣ».

¹⁾ Рэръ былъ назначенъ генераль-суперинтендентомъ въ 1820 г. (род. въ 1777). Онъ былъ человѣкомъ свободнаго направленія, которое обнаруживалось и въ его ученыхъ сочиненіяхъ, и въ его проповѣдяхъ; Гете весьма цѣнилъ его «за ясную основательность и просвѣщенную послѣдовательность». Рэру пришлось говорить рѣчь при погребеніи Гете. Самъ онъ умеръ въ 1848 г. въ Веймарѣ.

²⁾ D-г Карлъ Фогель былъ приглашенъ лейбъ-медикомъ на мѣсто скоропостижно скончавшагося Рэбейна.

Послѣ антракта подавали угощеніе; Гете попросилъ м-ме Эбервейнъ спѣть нѣсколько романсовъ. Она спѣла прекрасный романсъ Цельтера *Um Mitternacht* (Въ полночь), который произвелъ глубокое впечатлѣніе. «Сколько ни слушаешь эту пѣсню, она всегда кажется прекрасной», сказалъ Гете. «Въ мелодіи есть нѣчто вѣчное, неразрушимое». Затѣмъ слѣдовали нѣсколько пѣсенъ изъ *Рыбачки*, музыка Макса Эбервейна. *Лѣсной царь* былъ исполненъ съ большимъ успѣхомъ; затѣмъ послѣдовали пѣсни, взятые изъ *Дивана* Гете и пр.

Когда всѣ разошлись, я еще нѣсколько минутъ остался съ Гете. «Нынче вечеромъ», сказалъ онъ, «я замѣтилъ, что эти пѣсни на слова *Дивана* не имѣютъ уже ко мнѣ никакого отношенія. Все, что въ нихъ есть восточнаго и страстнаго, уже прожито мною; онѣ точно старая змѣиная шкура, брошенная на дорогѣ. Напротивъ, пѣсня *Um Mitternacht* еще сохранила ко мнѣ живыя отношенія; она еще живая часть меня самого и живетъ во мнѣ. Впрочемъ, мои вещи часто становятся для меня вполне чуждыми. Сегодня я читалъ по-французски, и при чтеніи подумалъ: онъ говоритъ довольно толково: ты самъ высказалъ бы это точно такъ же. Присмотрѣвшись внимательнѣе, я увидѣлъ, что это мѣсто переведено изъ моихъ сочиненій».

Понедѣльникъ, вечеромъ, 15-го января 1827.

Окончивъ *Елену*, Гете прошлымъ лѣтомъ принялся за продолженіе *Годовъ странствія*. Онъ мнѣ не разъ говорилъ о родѣ этой работы. «Чтобъ лучше воспользоваться наличнымъ матеріаломъ», сказалъ онъ мнѣ однажды, «я передѣлалъ всю первую часть, которая, съ новыми добавленіями, составитъ теперь

двѣ части. Я приказалъ переписать все напечатанное; я отмѣтилъ мѣста, гдѣ надо сдѣлать вставки, и когда писецъ доходитъ до этихъ знаковъ, то я ему диктую продолженіе и такимъ образомъ при-
нужденъ не откладывать работы въ долгій ящикъ».

Въ другой разъ онъ сказалъ мнѣ: «Все напечатанное изъ *Годовъ странствія* теперь переписано; въ мѣстахъ, гдѣ надо сдѣлать вставки, вшита синяя бумага, и теперь я уже прямо вижу—что мнѣ осталось сдѣлать. При теперешнемъ родѣ работы, синіе листы исчезаютъ постепенно, и я весьма тому радъ».

Нѣсколько недѣль назадъ я услышалъ отъ его секретаря, что Гете работаетъ надъ новой повѣстью¹⁾; поэтому я не хожу къ нему теперь по вечерамъ и вижу его только разъ въ недѣлю, за обѣдомъ. Нѣсколько времени назадъ повѣсть была окончена, и нынче онъ далъ мнѣ первые листы. Я былъ въ восторгѣ, и прочелъ до замѣчательнаго мѣста, гдѣ всѣ собрались около убитаго тигра и сторожъ приходитъ съ извѣстіемъ, что левъ улегся въ развалинахъ на солнцѣ.

Во время чтенія я дивился необыкновенной отчетливости, съ которой изображены всѣ предметы, до мельчайшихъ описаній мѣстности. Выѣздъ охоты, старые развалины замка, ярмарка, дорога къ развалинамъ—все вставало передъ глазами, и ихъ иначе ужъ нельзя было представить, какъ въ томъ видѣ, какъ они изображены поэтомъ. Притомъ все было описано съ такими вѣрностью, обдуманностью и владѣніемъ предметомъ, что не возможно было себѣ

---

¹⁾ Повѣсть предназначалась для *Годовъ странствія*.

представить, что будетъ дальше той строки, которую читаемъ.

— Ваше превосходительство, вѣроятно, работали на основаніи весьма опредѣленнаго плана, сказалъ я.

— Весьма опредѣленнаго; я уже тридцать лѣтъ задумалъ эту повѣсть, и съ тѣхъ поръ носилъ ее въ головѣ ¹⁾). Но работа шла престраннымъ образомъ. Тотчасъ, по окончаніи *Германа и Доротен*, я хотѣлъ обработать сюжетъ въ эпической формѣ, въ гекзаметрахъ, и составилъ весьма подробный планъ. Теперь, вздумавъ приняться вновь за этотъ сюжетъ, я не могъ отыскать прежняго плана и былъ принужденъ составить новый и притомъ въ соотвѣтствіи съ новой формой, въ которой желалъ изложить сюжетъ. По окончаніи работы, вдругъ нашелся прежній планъ, и теперь я радъ, что у меня его не было раньше подъ руками, потому что онъ только спуталъ бы меня. Общій ходъ и развитіе дѣйствія въ обоихъ планахъ одни и тѣ же, но подробности совершенно иныя; но первый былъ задуманъ для эпической обработки въ гекзаметрахъ, а потому былъ бы вовсе непригоденъ для прозаическаго изображенія.

Разговоръ перешелъ къ содержанію повѣсти.

— Прекрасное положеніе, сказалъ я, — когда Гоноріо стоитъ противъ принцессы близъ распростертаго мертваго тигра, и приходитъ съ плачемъ и жалобами женщина съ мальчикомъ, и къ этой странной группѣ присоединяется принцъ со всею охотой. Выходитъ прекрасная картина, и я желалъ бы, чтобъ она была нарисована.

¹⁾ Гете излагалъ планъ этой повѣсти еще въ 1797 г., въ Іенѣ, Шиллеру и В. фонъ-Гумбольдту.

— Конечно, вышла бы прекрасная картина, сказалъ Гете, но послѣ небольшого раздумья добавилъ: — только сюжетъ слишкомъ богатъ и фигуръ такъ много, что группировка и распредѣленіе свѣта и тѣней затруднили бы художника. Но предыдущій моментъ, когда Гоноріо стоитъ на колѣняхъ около тигра, а принцесса напротивъ его, на лошади, — вотъ что мнѣ представлялось въ видѣ картины; и ее стоило бы нарисовать.

Я чувствовалъ, что Гете правъ, и высказалъ, что именно этотъ моментъ и составляетъ узелъ положенія, изъ котораго истекаетъ все дальнѣйшее. Далѣе, я замѣтилъ, что эта повѣсть совсѣмъ иного характера, чѣмъ всѣ остальные повѣсти *Годовъ странствія*, потому что въ ней изображено одно внѣшнее, реальное.

— Ваша правда, сказалъ Гете; — внутреннихъ ощущеній вы въ ней почти не найдете, а въ другихъ моихъ вещахъ ихъ слишкомъ много.

— Мнѣ любопытно знать, сказалъ я, — какъ они овладѣютъ львомъ; я предчувствую, что какимънибудь особымъ способомъ, но какимъ именно — не могу придумать.

— Было бы нехорошо, еслибъ вы смогли придумать; я вамъ сегодня и не скажу какъ. Въ четвергъ вечеромъ я дамъ вамъ конецъ, а до тѣхъ поръ пусть левъ лежитъ на солнцѣ.

Я заговорилъ о второй части *Фауста*, именно о *Классической Вальпуріевой ночи*, которая была только набросана; Гете, нѣсколько времени назадъ, сказалъ мнѣ, что хочетъ напечатать ее въ видѣ наброска. Теперь мнѣ пришло въ голову посоветовать Гете не дѣлать этого; я боялся что, будучи напечатана, она навсегда останется въ неотдѣлан-

номъ видѣ. Вѣроятно, въ этотъ промежутокъ времени Гете самъ передумалъ, потому что онъ прямо сказалъ, что рѣшилъ не печатать этого наброска.

— Мнѣ это очень пріятно, сказалъ я;—теперь я надѣюсь, что вы его отдѣлаете.

— Все можно кончить въ три мѣсяца, отвѣчалъ онъ,—только откуда взять спокойствія! Всякій день что нибудь отъ меня да требуется; для меня было бы трудно слишкомъ уединиться и жить особнякомъ. Сегодня утромъ былъ у меня великій герцогъ; завтра хотѣла посѣтить великая герцогиня. Я считаю эти посѣщенія за высокую милость, они украшаютъ мою жизнь; но они взволновываютъ меня, я долженъ подумать о томъ, чтобъ предложить этимъ высокимъ лицамъ что нибудь новое и о достойномъ ихъ предметѣ для бесѣды.

— Но прошлую зиму вы окончили же *Елену*, хотя у васъ отымали времени не меньше теперяшняго.

— Конечно, отвѣчалъ Гете;—дѣло идетъ и поидеть, но только трудно.

— Хорошо, что у васъ имѣется такой выработанный планъ.

— Планъ-то есть, но осталось самое трудное; при томъ, при исполненіи все слишкомъ зависитъ отъ удачи. *Классическую Вальпуріеву ночь* надо написать съ приемами, а она должна носить на себѣ античный характеръ. Не легко найти подходящій размѣръ, а затѣмъ діалогъ!

— Но развѣ онъ не содержится въ планѣ?

— Относительно *что*,—да, но не относительно—*какъ*. И потомъ, подумайте, чего только не приходится на языкъ въ такую безумную ночь! Рѣчь Фауста къ Прозерпинѣ, чтобы подвигнуть ее на выдachu Елены; что это должна быть за рѣчь, когда

сама Прозерпина тронута до слезъ! Все это не легко сдѣлать, и все слишкомъ зависить отъ удачи; да, почти вполнѣ отъ настроенія и силы въ данную минуту.

Среда, 17-го января 1827.

Въ послѣднее время Гете чувствовалъ себя не по себѣ, а потому мы обѣдали въ его кабинетѣ, окнами въ садъ. Сегодня столъ былъ вновь накрытъ въ такъ называемой комнатѣ Урбино¹⁾, что я почелъ хорошимъ признакомъ. Войдя, я увидѣлъ въ ней Гете съ сыномъ; оба дружески поздоровались со мною со свойственной имъ наивной любезностью; Гете, казалось, былъ въ очень веселомъ настроеніи, что видно было по его въ высшей степени оживленному лицу. Въ сосѣдней, такъ называемой плафонной комнатѣ стоялъ, склонясь надъ гравюрой, г. канцлеръ фонъ-Мюллеръ; онъ вскорѣ подошелъ къ намъ, и я порадовался, что онъ будетъ нашимъ сослуживкомъ. Ждали еще г-жу фонъ-Гете, но мы сѣли за столъ. Говорили съ восторгомъ о гравюрѣ, и Гете сказалъ мнѣ, что она работы знаменитаго парижскаго Жерара²⁾, который надняхъ прислалъ ее ему въ подарокъ. «Ступайте-ка поскорѣй, и взгляните на нее, пока не подали супъ», добавилъ онъ.

¹⁾ Небольшая боковая комната подлѣ гостиной; на стѣнѣ висѣлъ портретъ герцога Урбино работы Бароччіо и другіе дорогія масляныя картины; тутъ же стояли античныя бронзы, лампы и чаши.

²⁾ Баронъ Франсуа Жераръ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ учениковъ Давида, первый живописецъ короля. Гете говорилъ въ «Kunst und Alterthum» объ изданіи Пьера Адама «Collection des portraits historiques de M. le baron Gérard». Жераръ, при посредствѣ Буассерэ, прислалъ ему гравюру на мѣди, работы Тоски, со своей картины «Вѣздъ Генриха IV въ Парижѣ».

Я исполнилъ его и свое желаніе; взглянувъ на гравюру, я прочелъ подъ ней посвященіе автора. Я не могъ ее разсмотрѣть, потому что вскорѣ вошла г-жа фонъ-Гете, и я поспѣшилъ на свое мѣсто.

— Не правда ли, спросилъ Гете, — великая вещь? Ее можно изучать цѣлые дни и недѣли, пока замѣтишь всѣ ея богатая идеи и совершенства. Вы въ другой разъ разсмотрите ее какъ слѣдуетъ.

Обѣдъ прошелъ очень весело. Канцлеръ разсказалъ о письмѣ изъ Парижа одного высокопоставленнаго лица¹⁾, которое во время французской оккупациі исполняло трудныя обязанности посла и съ тѣхъ поръ сохранило дружественныя отношенія съ Веймаромъ. Въ письмѣ говорилось о великомъ герцогѣ и Гете, и Веймаръ назывался счастливымъ городомъ, потому что въ немъ гений и высшая власть находятся въ такихъ дружественныхъ отношеніяхъ.

Г-жа фонъ-Гете придавала особую прелесть разговору. Рѣчь шла о нѣкоторыхъ покупкахъ, причемъ она подсмѣивалась надъ молодымъ Гете, который притворялся, что не понимаетъ, въ чемъ дѣло. «Хорошенькимъ женщинамъ не слѣдуетъ позволять слишкомъ много», сказалъ Гете, «онѣ легко переступаютъ границы. Наполеонъ даже на островѣ Эльбѣ получалъ счета модистокъ, по которымъ долженъ былъ платить. Между тѣмъ ему легче было въ подобныхъ вещахъ дѣлать слишкомъ мало, чѣмъ слишкомъ много. Раньше, въ Тюльери, его супругѣ въ его присутствіи, однажды, торговецъ моднымъ товаромъ принесъ дорогія вещи. Наполеонъ не показывалъ никакого расположенія купить что нибудь, и торго-

¹⁾ Saint Aignan.

вещь намекнулъ ему, что онъ недостаточно щедръ по отношенію къ своей супругѣ. Наполеонъ не отвѣчалъ ни слова, но такъ взглянулъ на него, что тотъ мигомъ сложилъ свои вещи и больше ужъ не показывался.—«Онъ былъ тогда консуломъ»?спросила г-жа фонъ-Гете. «Вѣроятноѣ, что императоромъ», отвѣчалъ Гете, «иначе его взглядъ не былъ бы такъ страшенъ. Но нельзя не посмѣяться надъ человѣкомъ, у котораго отъ взгляда душа ушла въ пятки, и который, вѣроятно, видѣлъ себя уже обезглавленнымъ, или разстрѣляннымъ».

Мы были въ веселомъ расположеніи духа и продолжали говорить о Наполеонѣ. «Я хотѣлъ бы», сказалъ молодой Гете, «имѣть изображенія всѣхъ его дѣяній въ картинахъ или гравюрахъ, и обвѣсить ими большую комнату».—«Потребовалась бы очень большая комната», замѣтилъ Гете, «и все-таки его великія дѣянія оставили бы далеко за собою картины».

Канцлеръ заговорилъ объ *Исторіи нѣмцевъ* Лудена¹⁾; я подивился съ какой ловкостью и проницательностью молодой Гете объяснялъ указанныя въ газетахъ недостатки книги, временемъ, когда она была написана, и національными чувствами и взглядами, которыми тогда жилъ авторъ. Было замѣчено, что Наполеоновскія войны разъяснили походы Цезаря. «До того», замѣтилъ Гете, «книга Цезаря, конечно, служила только для школьныхъ упражненій въ латинскомъ языкѣ».

Разговоръ перешелъ ко временамъ готики. Говорили о новѣйшей модѣ устраивать комнаты въ

---

¹⁾ Профессоръ исторіи въ Гейсскомъ университетѣ. Умеръ въ 1847 г.

древне-нѣмецкомъ и готическомъ вкусѣ и жить, такимъ образомъ, въ обстановкѣ минувшихъ вѣковъ.

— Въ домѣ, гдѣ очень много комнатъ, сказалъ Гете, — такъ что нѣкоторыя могутъ стоять пустыми и въ нихъ заглядываютъ въ теченіе года три-четыре раза, можно позволить себѣ такую забаву; можно завести и готическую комнату, какъ, по моему, очень мило, что у г-жи Панкукъ ¹⁾ въ Парижѣ есть китайская комната. Но я не могу похвалить охоты убирать жилища комнаты столь чуждой или старинной обстановкой. Это своего рода маскарадъ, который, въ концѣ концовъ, не можетъ оказаться благопріятнымъ ни въ какомъ отношеніи; скорѣе на человѣка, который этимъ занимается, онъ произведетъ дурное вліяніе. Все это находится въ противорѣчій съ нашей современной жизнью, происходитъ отъ пустого и порожняго образа мыслей, и можетъ только укрѣпить его. Можно въ веселый зимній вечеръ одѣться туркой и пойти въ маскарадъ; но что бы мы подумали о человѣкѣ, который круглый годъ сталъ бы ходить въ такомъ нарядѣ? Мы подумали бы, что онъ или съ ума сошелъ, или у него большое расположеніе къ сумасшествію.

Мы нашли эти слова относительно житейскаго обихода вполне убѣдительными и чувствовали ихъ справедливость тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что изъ насъ никто не могъ принять ихъ даже за легкій намекъ.

Разговоръ перешелъ къ театру, и Гете посмѣялся надо мною, что я принесъ его ему въ жертву въ прошлый понедѣльникъ.

— Онъ здѣсь уже три года, сказалъ онъ, обра-

---

¹⁾ Жена книгопродавца.

щаясь къ прочимъ,—и только въ первый разъ опустил спектакль изъ любви ко мнѣ; я цѣню это очень высоко. Я пригласилъ его, и онъ обѣщалъ придти, но я сомнѣвался, что онъ сдержитъ слово, особенно, какъ пробило половина седьмого, а его все еще не было. Я былъ бы доволенъ, еслибъ онъ и вовсе не пришелъ; я могъ бы тогда сказать: вотъ вполнѣ сумасшедшій человѣкъ, онъ предпочитаетъ театръ своему любезнѣйшему другу, и ничто не можетъ отвлечь его отъ его жестоковѣйной страсти. Но вѣдь я и вознаградилъ же васъ? Не правда ли? Развѣ я не показалъ вамъ хорошей вещи?

Гете намекалъ на свою повѣсть.

Затѣмъ мы стали говорить о *Фіеско* Шиллера, котораго давали въ прошлое воскресенье.

— Я видѣлъ пьесу въ первый разъ, сказалъ я,—и меня очень безпокоило, неужто нельзя было смягчить черезъ чуръ грубыя сцены; затѣмъ я пришелъ къ заключенію, что врядъ ли это можно сдѣлать, не измѣнивъ характера цѣлаго.

— Ваша правда,—нельзя, отвѣчалъ Гете.—Шиллеръ очень часто говорилъ со мной объ этомъ, потому что самъ не выносилъ своихъ первыхъ пьесъ, и пока мы были при театрѣ, онъ не позволялъ ихъ играть. Намъ, однако, не хватало пьесъ, и мы охотно бы приняли въ репертуаръ его трехъ жестокихъ первенцовъ. Но передѣлки были невозможны; въ нихъ все срослось одно съ другимъ; самъ Шиллеръ усомнился въ возможности и былъ принужденъ отказаться отъ своего намѣренія, и оставить пьесы въ прежнемъ видѣ.

— Очень жаль, сказалъ я,—потому что, не смотря на всѣ ихъ грубости, онѣ мнѣ нравятся въ тысячу разъ больше, чѣмъ слабыя, рыхлыя, форсированныя

и неестественныя пьесы нашихъ новѣйшихъ трагиковъ. У Шиллера всегда чувствуешь величественный духъ и характеръ.

— И я того же мнѣнія, сказалъ Гете.—Шиллеръ могъ являться въ какомъ ему угодно видѣ, но онъ не могъ написать ничего, что бы въ концѣ концовъ не было выше, чѣмъ лучшія пьесы этихъ новыхъ писателей; да, когда Шиллеръ стригъ себѣ ногти, то и тогда онъ былъ выше всѣхъ этихъ господъ.

Мы посмѣялись этому жестокому сравненію.

— Впрочемъ, я зналъ господъ, которымъ вовсе не нравились первыя пьесы Шиллера, продолжалъ Гете.— Какъ то лѣтомъ на водахъ я шелъ по очень узкой, закрытой съ обѣихъ сторонъ дорогѣ, которая вела къ мельницѣ. Я встрѣтился съ княземъ Н. Н.¹⁾ какъ разъ въ то мгновеніе, когда взадъ и впередъ по дорогѣ шли навьюченные мѣшками мулы. Намъ пришлось, чтобъ разминуться съ ними, зайти въ какой-то домишко. Здѣсь, въ крошечной комнатѣ, по обычаю князя, мы тотчасъ же вступили въ глубокія разсужденія о небесныхъ и земныхъ вещахъ; мы коснулись также *Разбойниковъ* Шиллера, и князь выразился слѣдующимъ образомъ: «Будь я Богомъ, сказалъ онъ,—и имѣй я намѣреніе создать міръ, и еслибъ я въ это мгновеніе предвидѣлъ, что *Разбойники* Шиллера будутъ написаны, то я не создалъ

---

¹⁾ Князь Н. Н., по Римеру, былъ русскій князь и тайный совѣтникъ Путятинъ, впавшій въ немилость въ своемъ отечествѣ. Съ начала столѣтія онъ былъ владѣльцемъ имѣнія Шапвицъ близъ Пилльница, и былъ извѣстенъ своей необыкновенной благотворительностью. Онъ былъ необычайно заботливъ относительно своего здоровья и безопасности, причемъ впадалъ въ разныя странности, дававшія поводъ къ насмѣшкамъ. Онъ умеръ 13-го января 1830 года.

бы міра». Мы невольно расхохотались.—Что вы скажете объ этомъ? Вотъ отвращеніе, которое хватало черезъ край, и его почти нельзя себѣ объяснить.

— У нашихъ молодыхъ людей, особенно у студентовъ, нѣтъ и слѣда такого отвращенія, сказалъ я.—Напротивъ, когда даютъ лучшія и самыя зрѣлыя пьесы Шиллера и другихъ писателей, то молодыхъ людей и студентовъ въ театрѣ очень мало, или вовсе нѣтъ; но стоитъ дать *Разбойниковъ* или *Фіеско*, и почти одни студенты наполняютъ театр.

— То же было и пятьдесятъ лѣтъ назадъ, сказалъ Гете,—и, вѣроятно, будетъ продолжаться еще пятьдесятъ. Что написано молодымъ человѣкомъ, то и будетъ особенно нравиться молодымъ людямъ. И потому не думайте, что міръ такъ преуспѣваетъ по части образованности и развитія хорошаго вкуса, что ужъ и юность пережила эти грубыя эпохи. Даже еслибы міръ во всемъ шелъ впередъ, то и тогда молодости все же пришлось бы начинать съ начала,—и, какъ отдѣльнымъ лицамъ, переживать эпохи мировой культуры. Меня это не возмущаетъ, и я давно уже ¹⁾ написалъ стихи, которые гласятъ:

Johannisteur sei unverwehrt,
Die Freude nie verloren!
Besen werden immer stumpf gekehrt
Und Jungens immer geboren²⁾

Мнѣ стоитъ только выглянуть изъ окна, чтобъ

¹⁾ Въ 1804 г.

²⁾ «Не запрещайте костровъ подъ Ивановъ-день: пусть не исчезаетъ радость; всегда будутъ переворачивать низомъ вверхъ метлы, и всегда будутъ рождаться дѣти». Подъ Ивановъ-день дѣти раскладываютъ костры и зажигаютъ въ нихъ всѣ старыя метлы, которыя только успѣютъ подхватить; затѣмъ они бѣгаютъ по полямъ, размахивая горящими метлами.

въ образѣ метель, которыми подметають улицы, и бѣгающихъ дѣтей—видѣть символъ того, что міръ постоянно ветшаетъ и постоянно обновляется. Дѣтскія игры и юношескія забавы сохраняются и передаются изъ столѣтій въ столѣтія; какъ бы глупы онѣ ни казались взрослымъ, но дѣти всегда остаются дѣтьми и одинаковы во всѣ времена. Вотъ почему не слѣдуетъ запрещать и костровъ въ Ивановъ-день и отымать удовольствіе у милыхъ дѣтокъ.

Въ такихъ и подобныхъ веселыхъ разговорахъ скоро прошелъ обѣдъ. Мы, молодежь, поднялись въ верхнія комнаты, а канцлеръ остался съ Гете.

Четвергъ, вечеромъ, 18-го января 1829.

Гете обѣщалъ мнѣ дать сегодня окончаніе своей повѣсти. Въ половинѣ седьмого я отправился къ нему; онъ былъ въ своемъ кабинетѣ, открытомъ только для короткихъ знакомыхъ. Я сѣлъ у стола; мы сперва поговорили о новостяхъ, затѣмъ Гете всталъ и далъ мнѣ желанные послѣдніе листы. «Прочтите конецъ», сказалъ онъ. Я сталъ читать. Гете ходилъ тѣмъ временемъ взадъ и впередъ по комнатѣ, останавливаясь порой у печки. Я, по обыкновенію, читалъ про себя.

Повѣсть кончается тѣмъ, что левъ лежитъ внѣ обводной стѣны развалинъ на солнцѣ, у подножія столѣтняго бука; составляютъ планы, какъ имъ овладѣть. Принцъ хочетъ послать на него охотниковъ, но чужеземецъ проситъ пощадить льва, увѣряя, что его можно вновь заманить въ желѣзную клѣтку при помощи кроткихъ средствъ. Этотъ ребенокъ, говоритъ онъ, устроить все при помощи пѣсенокъ и сладостныхъ звуковъ флейты. Принцъ соглашается и, распорядившись насчетъ предохранительныхъ мѣръ,

уѣзжаетъ со своими въ городъ. Гоноріо съ нѣсколькими охотниками становится на дорогѣ къ ложбинѣ, чтобъ прогнать льва при помощи костра, еслибъ онъ вышелъ. Мать и ребенокъ, въ сопровожденіи замковаго сторожа, всходятъ на развалины, по другую сторону которыхъ лежитъ левъ.

Мать и сторожъ прячутся вверху, въ полуразвалившейся рыцарской залѣ; только ребенокъ входитъ сквозь темную расщелину въ стѣнѣ во дворъ ко льву. Настаетъ полная ожиданія пауза; не знаютъ, что стало съ ребенкомъ; звуки флейты прервались. Сторожъ упрекаетъ себя, зачѣмъ онъ не пошелъ за ребенкомъ; мать спокойна.

Наконецъ вновь раздаются звуки флейты; они все приближаются; ребенокъ снова входитъ черезъ расщелину на дворъ, за нимъ тяжелою походкой плетется левъ. Затѣмъ ребенокъ садится на солнцѣ; левъ мирно ложится подлѣ него и кладетъ ребенку на грудь свою тяжелую лапу. Онъ занозилъ ее терновой иглой; ребенокъ вынимаетъ занозу и, снявъ съ шеи шелковый платокъ, перевязываетъ лапу.

Мать и сторожъ, видѣвшіе всю сцену сверху изъ рыцарской залы, чувствуютъ себя счастливыми. Левъ въ безопасности и укрощенъ; ребенокъ поетъ слѣдующую пѣсенку, которой и заканчивается повѣсть:

Свѣтлый ангелъ помогаетъ
Добрымъ дѣтямъ въ ихъ дѣлахъ;
Онъ отъ зла ихъ охраняетъ,
Имъ внушаетъ Божій страхъ.
За ребенкомъ слабосильнымъ
Левъ идетъ: онъ сталъ ручной,
Очарованный умильнымъ
Звукомъ пѣсенки простой.

Не безъ волненія прочелъ я это окончаніе. Но я не зналъ, что сказать о немъ; я былъ пораженъ,

но неудовлетворенъ. Конечъ мнѣ показался слишкомъ идеальнымъ, лирическимъ и мало оживленнымъ; хотѣлось, чтобъ и другія лица повѣсти появились снова.

Гете замѣтилъ, что у меня есть сомнѣніе въ душѣ, и старался его разсѣять. «Выведи я въ концѣ», сказалъ онъ, «нѣкоторыхъ изъ другихъ лицъ, развязка вышла бы прозаичной. И что бы они стали дѣлать и говорить, когда все уже кончено? Принцъ со своими воротился въ городъ, гдѣ его помощь необходима; Гоноріо, услышавъ что левъ въ безопасности, послѣдуетъ туда же со своими охотниками; владѣлецъ льва увезетъ его въ желѣзной клѣткѣ. Все это вещи, которыя всякій предвидитъ, и которыхъ поэтому нѣтъ нужды рассказывать и изображать. Сдѣлавъ это, я сталъ бы прозаиченъ. Идеальный, лирическій конецъ былъ необходимъ, и притомъ настоятельно; послѣ патетической рѣчи владѣльца льва, которая сама по себѣ уже патетическая проза, необходимъ былъ подъемъ тона, и я долженъ былъ перейти къ лирической поэзіи, къ пѣснѣ. Ходъ этой повѣсти можно сравнить съ зеленымъ росткомъ, вышедшимъ изъ корня; спустя нѣкоторое время, онъ выпускаетъ по сторонамъ крѣпкаго ствола зеленые листья и наконецъ заканчиваетъ цвѣткомъ. Цвѣтокъ былъ неожиданъ, поразилъ своимъ появленіемъ, но онъ долженъ былъ появиться; вся зеленая листва распускалась ради его, и, не будъ его, не стоило бы ей и распускаться».

При этихъ словахъ я вздохнулъ легче, у меня спала пелена съ глазъ, и во мнѣ начало зарождаться предчувствіе совершенства этого страннаго произведенія.

Гете продолжалъ: «Задачей этой повѣсти было

показать, что часто необузданное и неодолимое легче побѣждаются любовью и благочестіемъ, чѣмъ силой; эта прекрасная цѣль, получившая образъ въ ребенкѣ и львѣ, и подвигнула меня къ исполненію. Въ этомъ—идеалъ, въ этомъ—цвѣтокъ. Зеленая же листва вполнѣ реальной экспозиціи служить только для нея, и ради ея имѣетъ нѣкоторую цѣну. И что такое реальность сама по себѣ? Намъ доставляетъ удовольствіе ея правдивое изображеніе, которое можетъ дать намъ болѣе отчетливое знаніе о нѣкоторыхъ вещахъ; но собственно польза для высшаго, что въ насъ есть, заключается въ идеалѣ, который исходитъ изъ сердца поэта».

Я живо чувствовалъ, какъ глубоко правъ Гете; впечатлѣніе развязки повѣсти еще оставалось во мнѣ, и возбудило во мнѣ сильное, благочестивое настроеніе, какого я давно не чувствовалъ. Какъ чисты и глубоки, думалъ я, должны быть и въ столь маститой старости чувства поэта, что онъ смогъ создать нѣчто столь прекрасное. Я не могъ удержаться, чтобъ не высказать этого Гете, и не замѣтить, что эта повѣсть единственное въ своемъ родѣ сочиненіе.

«Я очень радъ», сказалъ онъ, «что вы довольны, и радуюсь самъ, что освободился наконецъ отъ сюжета, который носилъ въ себѣ въ теченіе тридцати лѣтъ. Шиллеръ и Гумбольдтъ, которымъ я тогда же сообщилъ свое намѣреніе, отговаривали меня, потому что не знали, что именно заключается въ сюжетѣ; вѣдь только поэтъ и знаетъ, какую прелесть онъ можетъ придать своему сюжету. Поэтому никогда не слѣдуетъ спрашивать другихъ, когда хочешь написать что нибудь. Спроси меня Шиллеръ насчетъ своего *Валленштейна*, слѣдуетъ ли ему его

писать, я-бъ ему навѣрное отсовѣтоваль, потому что никогда не могъ себѣ представить, что на этотъ сюжетъ можно написать такую отличную пьесу. Шиллеръ былъ противъ того, чтобъ я обработаль сюжетъ повѣсти въ гекзаметрахъ, какъ мнѣ хотѣлось тогда, вслѣдъ за *Германомъ и Доротеей*; онъ совѣтоваль писать восьмистрочными стансами. Теперь вы видите, что лучше всего оказалась проза. Требовалось точное описаніе мѣстностей, а такой размѣръ затруднилъ бы это. Затѣмъ въ прозѣ удобнѣе всего было придать началу повѣсти вполнѣ реальный, а концу вполнѣ идеальный характеръ; при томъ теперь хорошо выдаются пѣсенки, а при гекзаметрахъ или октавахъ этого бы не было».

Мы заговорили о другихъ разсказахъ и повѣстяхъ, вставленныхъ Гете въ *Годы странствія*, и было сдѣлано замѣчаніе, что всѣ они различаются между собою по характеру и тону.

«Я вамъ объясню, отчего это зависитъ», сказалъ Гете. «Я поступаль, какъ живописцы, которые, при извѣстныхъ сюжетахъ, избѣгаютъ нѣкоторыхъ красокъ и допускаютъ преобладаніе другихъ. Напримѣръ, рисуя утренній ландшафтъ, они берутъ много голубой краски на палитру и очень мало желтой. Рисуя же вечеръ, берутъ много желтой и чуть-чуть голубой. Такимъ же образомъ поступаль и я въ моихъ многообразныхъ словесныхъ произведеніяхъ; отъ этого, можетъ быть, и зависитъ та разнообразность, которую имъ приписываютъ».

Мнѣ это показалось весьма мудрымъ правиломъ, и я радовался, слыша его отъ Гете. Затѣмъ я замѣтилъ, что въ послѣдней повѣсти я особенно удивлялся подробностямъ, съ какими описаны мѣстности.

«Я никогда не изучаль природы ради поэтиче-

скихъ цѣлей», сказалъ Гете. «Но меня привели къ постоянному и точному наблюденію природы сперва упражненія въ пейзажной живописи, а затѣмъ мои естественно-научныя занятія; такимъ образомъ, я могъ затвердить природу наизусть до мельчайшихъ подробностей, и когда мнѣ приходится рисовать ее, какъ поэту, то она въ полномъ моемъ распоряженіи, и мнѣ не легко погрѣшить противъ правды. У Шиллера не было этой наблюдательности. Все, что есть у него въ *Телль* относительно пейзажа Швейцаріи, все это я ему рассказалъ; но у него была удивительная способность: онъ могъ на основаніи такихъ разсказовъ создать нѣчто реальное».

Тутъ разговоръ обратился вполне къ Шиллеру, и Гете продолжалъ такъ:

«Настоящее творчество Шиллера лежало въ области идеала, и можно сказать, что подобнаго ему поэта нѣтъ не только въ нѣмецкой, но и въ другихъ литературахъ. Больше всѣхъ онъ похожъ на лорда Байрона, но тотъ превосходилъ его знаніемъ свѣта. Я желалъ бы, чтобъ Шиллеръ и лордъ Байронъ жили въ одно время, и было бы любопытно знать, что сказалъ бы Шиллеръ о столь родственномъ ему геніи. А что, напечаталъ ли Байронъ что нибудь еще при жизни Шиллера?»

Я не могъ отвѣчать съ увѣренностью. Гете взялъ «Conversations Lexikon» и прочелъ статью о Байронѣ, дѣлая повременамъ бѣглыя замѣчанія. Онъ нашель, что до 1807 г. лордъ Байронъ ничего не печаталъ, а, стало быть, Шиллеръ не могъ читать его.

«Черезъ всѣ произведенія Шиллера», сказалъ Гете, «проходитъ идея свободы, и эта идея измѣняла свой образъ по мѣрѣ того, какъ Шиллеръ самъ развивался и становился другимъ. Въ юности его

заставляла творить и проходила чрезъ всѣ его сочиненія идея физической свободы, въ позднѣйшіе годы — свободы идеальной.

«Странная вещь свобода; всякій могъ бы имѣть ея достаточно, еслибъ только умѣлъ находить ее, и довольствоваться наличнымъ. И къ чему намъ излишекъ свободы, когда мы имъ не можемъ воспользоваться? Посмотрите на эту комнату и на другую, поменьше, гдѣ въ отворенную дверь видна моя постель; обѣ онѣ не велики и, сверхъ того, заставлены мебелью, книгами, рукописями и произведеніями искусства, — но для меня ихъ достаточно, я въ нихъ прожилъ всю зиму, почти не заглядывая въ переднія комнаты. Къ чему-же мнѣ послужили и, мой обширный домъ, и свобода перехода изъ одной комнаты въ другую, когда я не чувствовалъ потребности ими воспользоваться?

«Имѣй человѣкъ настолько свободы, чтобъ онъ могъ жить въ здоровьи и заниматься своимъ дѣломъ, и у него будетъ ея достаточно, а столько-то всякій легко можетъ добыть. Притомъ, всѣ мы свободны только при нѣкоторыхъ условіяхъ, которыя требуется выполнить. Мѣщанинъ столь же свободенъ, какъ дворянинъ, пока держитъ себя въ извѣстныхъ, предназначенныхъ ему Богомъ предѣлахъ, по состоянію, въ которомъ родился. Дворянинъ такъ же свободенъ, какъ государь; какъ скоро онъ соблюдаетъ при дворѣ извѣстный этикетъ, онъ можетъ чувствовать себя равнымъ государю. Свободнымъ дѣлаетъ насъ не то, что мы не хотимъ признавать ничего надъ собою; но именно уваженіе къ тому, что выше насъ. Потому что, уважая это, мы возвышаемъ самихъ себя до него и такимъ признаніемъ показываемъ, что носимъ въ самихъ себѣ

то, что считаемъ высшимъ, а также, что мы достойны быть ему равными. Во время путешествій я встрѣчалъ сѣверно-нѣмецкихъ кушцовъ, которые думали что стануть моею ровней, если грубо сядутъ подлѣ меня за столомъ. Но чрезъ это они не стали равными мнѣ; они были бы равны мнѣ, еслибъ съумѣли цѣнить меня и обходиться со мною.

«Если Шиллера въ юности такъ сильно занимала мысль о физической свободѣ, то это отчасти зависѣло отъ свойства его духа, но гораздо болѣе отъ того гнета, который ему пришлось вытерпѣть въ военной школѣ. Но въ зрѣломъ возрастѣ, когда у него было достаточно физической свободы, онъ перешелъ къ идеальной, и я почти готовъ сказать, что эта идея и убила его, потому что онъ подъ вліяніемъ ея насилывалъ свою физическую природу выше силъ.

«Великій герцогъ, когда Шиллеръ пріѣхалъ сюда, назначилъ ему тысячу таллеровъ въ годъ содержанія¹⁾ и обѣщалъ давать ему вдвое, въ случаѣ еслибъ болѣзнь не дозволила ему работать. Шиллеръ отклонилъ послѣднее предложеніе и никогда имъ не пользовался. «У меня есть талантъ», говорилъ онъ, «и я долженъ самъ зарабатывать на себя». Но въ послѣдніе годы, съ умноженіемъ семейства, онъ, ради увеличенія средствъ, былъ принужденъ

¹⁾ Слова Гете не вполне точны. Шиллеръ пріѣхалъ въ Веймаръ въ іюль 1787 г. и на Пасхѣ 1789 г. отправился въ Іену, въ качествѣ профессора безъ жалованья; въ концѣ года, впрочемъ, великій герцогъ назначилъ ему содержаніе въ 200 таллеровъ, черезъ нѣсколько лѣтъ оно было удвоено. Въ 1799 г., при переездѣ въ Веймаръ, содержаніе Шиллера было возвышено до 570 талл. Только въ 1804 г., когда Шиллеру предлагали переѣхать въ Берлинъ, великій герцогъ сталъ выдавать ему по 1,000 талл. въ годъ.

писать по двѣ пьесы въ годъ, а потому приходилось писать и въ такіе дни и недѣли, когда ему нездоровилось; его таланту приходилось быть готовымъ къ его услугамъ во всякое время.

«Шиллеръ никогда много не пилъ и былъ очень умѣренъ; но въ такія минуты тѣлесной слабости онъ подкрѣплялъ себя ликеромъ или другими спиртными напитками. Это, однако, отзывалось на его здоровьѣ и было вредно для самого творчества. Этому я приписываю тѣ недостатки, которые умные люди находятъ въ его произведеніяхъ. Всѣ мѣста, о которыхъ вы говорите, что они не вѣрны, я готовъ назвать патологическими, потому что они были написаны именно въ тѣ дни, когда онъ чувствовалъ упадокъ силъ и не могъ найти подходящихъ и правдивыхъ мотивовъ. Я чувствую великое уваженіе къ категорическому императиву; я знаю, что отъ него можетъ произойти много хорошаго, но не слѣдуетъ чрезчуръ злоупотреблять имъ, ибо въ такомъ случаѣ эта идея идеальной свободы навѣрно не приведетъ ни къ чему хорошему».

Въ подобныхъ интересныхъ замѣчаніяхъ и разговорахъ о лордѣ Байронѣ и знаменитыхъ нѣмецкихъ писателяхъ, причемъ было упомянуто, что Шиллеръ говорилъ, что Котцебу для него пріятнѣе другихъ, потому что хоть что-нибудь да дѣлаетъ — быстро прошелъ вечеръ, и Гете далъ мнѣ повѣсть, чтобъ я на досугъ перечелъ ее еще разъ.

Воскресенье вечеромъ, 21-го января 1827.

Сегодня вечеромъ, въ половинѣ осьмого, я пошелъ къ Гете и просидѣлъ у него часокъ. Онъ показалъ мнѣ томъ новыхъ французскихъ стихотвореній

m-lle Gay ¹⁾), и говорилъ о нихъ съ великой похвалой. «Французы нынче развиваются», сказалъ онъ, «и за ними стоитъ слѣдить. Я стараюсь составить себѣ понятіе о состояніи новѣйшей французской литературы, и, если удастся, то напишу о ней. Въ высшей степени интересно видѣть, что у нихъ начинаютъ дѣйствовать тѣ же элементы, которые у насъ уже давно прошли. Средніе таланты всегда ограничены своимъ временемъ и принуждены питаться заключающимися въ немъ элементами. У французовъ все, включая и новѣйшее благочестіе, то же,—что и у насъ; разница въ томъ только, что у нихъ оно выражается нѣсколько галантнѣе и остроумнѣе.

— Но что вы, ваше превосходительство, скажете о Беранже и авторѣ театра Клары Газюль? ²⁾

— Они составляютъ исключеніе; основа ихъ большихъ талантовъ—въ нихъ самихъ, и они свободны отъ обиходнаго образа мыслей.

Разговоръ обратился къ нѣмецкой литературѣ.

— Я покажу вамъ нѣчто, что васъ заинтересуетъ, сказалъ Гете.—Позвольте мнѣ одну изъ книжекъ, что лежатъ передъ вами. Знаете ли вы Зольгера?

— Разумѣется, отвѣчалъ я;—я даже люблю его. У меня есть его переводъ Софокла и, благодаря ему, а равно его предисловію, у меня составилось о немъ высокое мнѣніе.

— Вы знаете, что онъ умеръ нѣсколько лѣтъ назадъ; теперь издано собраніе его посмертныхъ сочиненій и писемъ. Его философскія изслѣдованія,

¹⁾ *Nouveaux Essais poétiques*. Paris. 1826.

²⁾ Просперъ Мериме. «*Théâtre de Clara Gazul, comédienne espagnole*» вышелъ въ 1825 г.

изложенныя въ формѣ платоновскихъ разговоровъ, не вполнѣ удачны; но его письма превосходны. Въ одномъ изъ писемъ къ Тику онъ говоритъ объ *Избирательномъ сродствѣ*, и я прочту вамъ это мѣсто; не легко сказать что нибудь лучшее объ этомъ романѣ.

Гете прочелъ мнѣ это прекрасное разсужденіе, и мы подробно разбирали его, удивляясь взлядамъ, свидѣтельствовавшимъ о великомъ характерѣ автора и послѣдовательности его выводовъ и разсужденій. Зольгеръ признавалъ, что событія въ романѣ проистекали изъ характеровъ лицъ, но онъ осуждалъ характеръ Эдуарда.

— Я не могу осуждать его за то, что онъ терпѣть не можетъ Эдуарда, сказалъ Гете;—я самъ его терпѣть не могу, но я долженъ былъ изобразить его именно такимъ, дабы сдѣлать возможнымъ самое событіе. Въ немъ, впрочемъ, много правды, ибо въ высшихъ классахъ есть много людей, у которыхъ упрямство замѣняетъ характеръ.

Зольгеръ ставилъ очень высоко архитектора, потому что, когда всѣ другія лица романа оказываются влюбленными и слабыми, онъ одинъ остается сильнымъ и свободнымъ. Въ его натурѣ прекрасно собственно не то, что онъ свободенъ отъ заблужденій другихъ лицъ, но что авторъ сдѣлалъ его настолько великимъ, что онъ и *не можетъ* впасть въ нихъ.

Намъ очень понравилось это замѣчаніе.

— Въ самомъ дѣлѣ, замѣчаніе прекрасное, сказалъ Гете.

— Я всегда находилъ, сказалъ я, характеръ архитектора замѣчательнымъ, и онъ мнѣ нравился; но мнѣ, конечно, и въ голову не приходило, что онъ прекрасенъ именно потому, что, благодаря своей

натурѣ, онъ не могъ запутаться въ любовныхъ интригахъ.

— Не удивляйтесь этому, замѣтилъ Гете; — когда я писалъ его, и мнѣ это не приходило въ голову. Но Зольгеръ правъ; это именно въ немъ есть. Эта замѣтка написана уже въ 1809 году, и въ то время мнѣ было бы очень пріятно услышать такой хорошей отзывъ объ *Избирательномъ сродствѣ*, потому что, какъ въ то время, такъ и позже, мнѣ не приходилось встрѣчать пріятныхъ отзывовъ о романѣ. Зольгеръ, какъ я вижу по этому письму, очень любилъ меня; въ одномъ изъ писемъ онъ даже жалуется, что я ничего ему не отвѣчалъ, когда онъ прислалъ мнѣ Софокла. Боже мой — но со мной всегда такъ бываетъ. Тутъ удивляться нечему. Я зналъ важныхъ господъ, которые получали множество подобныхъ посылокъ, и у нихъ были извѣстные формы и образцы, по которымъ они всѣмъ отвѣчали; они писали сотни писемъ, которыя всѣ были одинаковы и заключали въ себѣ однѣ и тѣ же фразы. Но я не умѣлъ поступать такъ. Если я не умѣлъ сказать чего нибудь особеннаго и прямо относящагося къ дѣлу, то предпочиталъ не отвѣчать. Ничего незначащія фразы я считалъ недостойными себя; оттого случалось, что многимъ почтеннымъ людямъ, кому я охотно бы отвѣчалъ, я не писалъ ни слова. Вы знаете, что ко мнѣ изъ всѣхъ угловъ и со всѣхъ концовъ ежедневно приходятъ посылки, и что для того, чтобы отвѣчать на нихъ бѣглымъ образомъ, потребовалась бы цѣлая жизнь. Но мнѣ жаль, что такъ случилось относительно Зольгера; онъ былъ прекраснѣйшій человѣкъ и стоилъ больше, чѣмъ многіе другіе, любовнаго отвѣта.

Я свелъ разговоръ на повѣсть, которую перечелъ дома. «Все начало», сказалъ я, «только экспозиція; но въ ней всякая мелочь необходима и такъ прелестна, что кажется, будто все начало существуетъ само по себѣ и не нуждается въ дополненіи». — Очень радъ, что оно вамъ кажется такимъ; отвѣчалъ Гете. — Но мнѣ надо исправить одну вещь. По законамъ хорошей экспозиціи, мнѣ слѣдовало бы раньше выставить владѣльца звѣрей. Когда принцесса съ дядей проѣзжаетъ мимо балагана, то изъ него долженъ выйти хозяинъ и просить ихъ зайти въ балаганъ. — «Конечно», сказалъ я, «ваша правда; этихъ лицъ надо выставить съ начала, какъ и другихъ; притомъ, такіе люди всегда думаютъ о сборѣ, и не естественно, чтобъ они пропустили безъ вниманія принцессу». — Вы видите, сказалъ Гете, — что при подобныхъ работахъ, когда все уже готово, многое еще остается додѣлывать въ отдѣльных мѣстахъ.

Затѣмъ Гете разсказалъ объ одномъ иностранцѣ, который въ послѣднее время не разъ заходилъ къ нему и постоянно говорилъ о переводѣ то той, то другой его вещи. «Онъ добрый человѣкъ», сказалъ Гете, «но относительно литературы ведетъ себя какъ истый дилетантъ. Онъ еще не знаетъ по-нѣмечки, а уже говоритъ о переводахъ, которые сдѣлаетъ, и о томъ, какіе къ нимъ приложить портреты. Такъ всегда поступаютъ дилетанты, потому что не знаютъ трудностей, сопряженныхъ съ дѣломъ: они всегда берутся за то, на что у нихъ не хватаетъ силъ».

Четвергъ, вечеромъ, 29-го января 1827.

Съ рукописью повѣсти и новымъ изданіемъ Беранже ¹⁾, я около семи часовъ отправился къ Гете. У него былъ г. Сорэ; они говорили о новѣйшей французской литературѣ. Я слушалъ съ интересомъ; было, между прочимъ, замѣчено, что по отношенію къ фактурѣ стиха молодые таланты во многомъ обязаны Делилю. Г. Сорэ, какъ природный женевецъ, не свободно говорилъ по-нѣмецки, Гете же довольно свободно объяснялся по-французски, а потому разговоръ шелъ на французскомъ языкѣ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда я вставлялъ свои замѣчанія. Я вынулъ изъ кармана Беранже и передалъ его Гете, который хотѣлъ перечестъ эти чудесныя пѣсни. Г. Сорэ нашелъ, что приложенный къ стихотвореніямъ портретъ не похожъ. Гете доставляло удовольствіе видѣть красивое изданіе. «Эти пѣсни совершенство въ своемъ родѣ», сказалъ онъ, «особенно если пропускать припѣвъ, потому что, какъ пѣсни собственно, онѣ слишкомъ серьезны, остроумны и эпиграмматичны. Читая Беранже, я всегда вспоминаю Горація и Гафиза; они также возвышались надъ своимъ вѣкомъ и, шутя и играя, описывали нравы. Беранже въ такомъ же отношеніи къ окружающей его средѣ. Но онъ происходитъ изъ низшаго класса, а потому ему не совсѣмъ противны неблагопристойности и пошлости: онъ чувствуетъ къ нимъ даже нѣкоторую слабость».

Говорили еще о Беранже и о другихъ французахъ; затѣмъ г. Сорэ отправился ко двору, а я остался съ Гете.

¹⁾ Первое полное собраніе пѣсенъ Беранже вышло въ 1826 г.

На столѣ лежалъ запечатанный пакетъ. Гете положилъ на него руку. «Что это такое?» спросилъ я. — Это *Елена* отправляется къ Котта для печати. — Я не могу выразить, что почувствовалъ, сознавая важность этого момента. Когда вновь построенный корабль отходить въ первый разъ въ море, неизвѣстно—какая судьба ожидаетъ его; то же можно сказать о произведеніи ума великаго мастера, которое впервые появляется въ свѣтъ, чтобъ въ немъ дѣйствовать долгое время, породить и пережить разнообразную судьбу.

— До сихъ поръ, сказалъ Гете, —я все находилъ, что слѣдуетъ кое-что прибавить и передѣлать. Но надо было съ этимъ покончить, и теперь я радъ, что отправляю рукопись, и съ облегченной душой могу приняться за что нибудь иное. Пусть *Елена* испытаетъ свою судьбу! Меня утѣшаетъ то обстоятельство, что теперь въ Германіи образованность невѣроятно поднялась, а потому нечего бояться, что такое произведеніе останется долго непонятнымъ и не произведетъ впечатлѣнія.

— Въ немъ заключена вся древность, сказалъ я.

— Да, для филологовъ найдется работа, отвѣчалъ онъ.

— За древнюю часть, продолжалъ я, —я не опасаюсь; въ ней много подробностей и основательно развиты отдѣльныя части; всякій тутъ сразу пойметъ, что оно значить. Но новѣйшая, романтическая, часть очень тяжела; въ нее втиснута половина всемірной исторіи; въ ней все говорится намеками, и она предъявляетъ большія требованія къ читателю.

— Но все въ ней ясно для чувствъ, сказалъ Гете, — и при сценическомъ исполненіи прямо бросится въ глаза. А я больше ничего и не желалъ. Когда боль-

шинство зрителей наслаждается зрѣлищемъ, то отъ посвященныхъ не скроется высшій смыслъ пьесы, какъ то случилось съ *Волшебной флейтой* и съ другими вещами.

— На сценѣ, сказалъ я,—произведетъ необыкновенный эффектъ, что пьеса начинается, какъ трагедія, а оканчивается, какъ опера. Не легко изобразить величіе дѣйствующихъ лицъ и произносить въ стихахъ возвышенныя рѣчи.

— Первая часть, сказалъ Гете,—требуетъ первоклассныхъ трагическихъ артистовъ, а въ оперной части роли должны исполняться первыми пѣвцами и пѣвицами. Роль Елены должна быть поручена не одной, а двумъ отличнымъ артисткамъ; весьма рѣдко случается, чтобъ пѣвица была въ то же время и хорошей трагической артисткой.

— Все въ совокупности, сказалъ я,—потребуется богатыхъ и разнообразныхъ декораций и костюмовъ; не скрою, я заранѣе радуюсь возможности увидѣть ее на сценѣ. Только бы найти настоящаго композитора!

— Тутъ требуется композиторъ, который, какъ Мейерберъ, долго бы жилъ въ Италіи, чтобъ у него нѣмецкая природа соединилась съ итальянской методой и манерой. Но такой найдется, я въ этомъ ни мало не сомнѣваюсь; теперь же я радъ, что отдѣлался отъ этой вещи. Я ставлю себѣ въ заслугу ту мысль, что хоръ не хочетъ идти въ подземный міръ, а желаетъ слиться со стихіями на веселой поверхности земли.

— Это новый родъ безсмертія, сказалъ я.

— Ну, спросилъ Гете,—а какъ на счетъ повѣсти?

— Я ее принесъ съ собою, отвѣчалъ я.—Перечитай еще разъ, я нахожу, что вашему превосходи-

тельству не слѣдуетъ дѣлать тѣхъ измѣненій, которыя вы хотѣли. Тѣ, что люди въ своихъ странахъ необычныхъ одеждахъ впервые появляются, какъ вполне чуждые, новыя существа уже тогда, когда тигръ убить, производить отличное впечатлѣніе. Если же вы ихъ выведете раньше въ экспозицію, то это впечатлѣніе будетъ ослаблено, даже уничтожено.

— Ваша правда, сказалъ Гете;—надо оставить все, какъ есть. И спора нѣтъ, что вы вполне правы. И при первоначальномъ планѣ я не хотѣлъ ихъ выставить раньше, а потому и не выставилъ. Это измѣненіе было задумано по требованію ума, и я легко могъ чрезъ это впасть въ ошибку. Но вотъ любопытный случай: тутъ требуется пренебречь эстетическимъ правиломъ именно для того, чтобъ не впасть въ ошибку.

Затѣмъ мы заговорили, какъ назвать повѣсть; мы сдѣлали нѣсколько предположеній, но одни названія соотвѣтствовали началу, другія концу, и ни одно не подходило къ цѣлому, а потому ни одно не годилось. «Знаете ли что, назовемъ просто «повѣстью»¹⁾; потому что—что такое «новелла», какъ не приключеніе, о которомъ еще не слышали? Это прямое опредѣленіе, и многое, что въ Германіи извѣстно подъ именемъ «новеллъ», вовсе не «новеллы», а простые рассказы, или что вамъ угодно. Въ *Избирательномъ сродствѣ* новелла упоминается также въ первоначальномъ смыслѣ еще неизвѣстнаго приключенія.—Если хорошенько подумать, сказалъ я,—то стихотвореніе всегда пишется безъ заглавія, и можно даже сказать, что заглавія не идутъ къ этому

---

¹⁾ Собственно «новеллой».

роду.—«Такъ оно и есть», отвѣчалъ Гете, «въ древности стихотворенія были безъ заглавій; это обычай новыхъ, которые придали заглавія древнимъ стихотвореніямъ въ позднѣйшее время. Такой обычай произошелъ, однако, изъ необходимости: при расширеніи литературы, потребовалось озаглавливать отдѣльныя стихотворенія, чтобъ различать ихъ другъ отъ друга».

— Вотъ вамъ новость, сказалъ Гете,—прочтите!

Съ этими словами онъ подаль мнѣ переводъ сербскаго стихотворенія, сдѣланный г. Гергардтомъ¹⁾. Я прочелъ его съ большимъ удовольствіемъ; стихотвореніе было прекрасно, а переводъ такъ простъ и ясенъ, что все отчетливо рисовалось передъ глазами. Стихотвореніе называлось *Ключъ отъ темницы*. Я не стану говорить здѣсь о ходѣ дѣйствія; но заключеніе мнѣ показалось оборваннымъ и неудовлетворительнымъ.

«Конецъ-то и хорошъ», сказалъ Гете. «Такимъ образомъ въ сердцѣ читателя остается жало; возбужденіе его возбуждено, и онъ можетъ представить себѣ всѣ возможныя случайности. Заключение даетъ матеріалъ для цѣлой трагедіи; но, впрочемъ, такихъ окончаній было уже много. Напротивъ, изображенное въ стихотвореніи и ново, и прекрасно, и поэтъ поступилъ очень умно, описавъ только это и предоставивъ остальное читателю. Я охотно напечаталъ бы поэму въ *Искусство и Древность*, но она слишкомъ длинна; поэтому я выпросилъ у Гергардта вотъ эти три римованныя вещицы, которыя

---

¹⁾ Гергардтъ, веймарскій уроженецъ, былъ лейпцигскимъ купцомъ. Гете говорилъ о его прежнихъ переводахъ въ *Kunst und Alterthum*. Они были изданы въ Лейпцигѣ въ 1828 г.

и напечатаю въ слѣдующей тетради. Что вы о нихъ скажете? Слушайте».

Гете прочелъ сперва пѣсню старика, влюбленнаго въ молодую дѣвушку, затѣмъ застольную пѣсню женщинъ, и наконецъ энергическую: *Пропляши намъ, Теодоръ*. Каждую онъ прочелъ въ особомъ тонѣ и съ особой силой; трудно вообразить болѣе совершенное чтеніе.

Мы невольно похвалили г. Гергардта за удачный выборъ разныхъ размѣровъ и припѣвовъ, и за столь легкое и превосходное исполненіе, что нельзя было себѣ вообразить, чтобъ онъ могъ лучше справиться съ дѣломъ. «Изъ этого видно», сказалъ Гете, «что значитъ большое техническое упражненіе при такомъ талантѣ, какъ у Гергардта. Ему помогаетъ и то, что у него нѣтъ ученой профессіи, и онъ занимается практическимъ дѣломъ. Онъ много путешествовалъ по Англіи и другимъ странамъ, и это, при его направленномъ на реальное умѣ, даетъ ему большое преимущество передъ нашими молодыми учеными поэтами. Если онъ будетъ постоянно обрабатывать хорошія преданія, то не легко ему будетъ написать что либо неудачное. Напротивъ, всѣ собственныя изобрѣтенія требуютъ слишкомъ многого, и очень трудны».

Говоря о произведеніяхъ нашихъ новѣйшихъ поэтовъ, мы пришли къ заключенію, что ни одинъ изъ нихъ не пишетъ хорошей прозой.

«Дѣло простое», сказалъ Гете. «Чтобъ писать прозой, надо что нибудь да сказать; кому же сказать нечего, тотъ еще можетъ писать стихи и подбирать приемы, причемъ одно слово подсказываетъ другое, и наконецъ будто что-то и выходитъ; и хотя оно

ровно ничего не значить, но кажется будто что-то и значить».

Среда, 31-го января 1827.

Обѣдалъ у Гете. «Надняхъ, съ тѣхъ поръ какъ я васъ не видѣлъ», сказалъ онъ, «я много читалъ, въ разномъ родѣ, особенно же китайскій романъ ¹⁾», который и сейчасъ меня занимаетъ и кажется мнѣ въ высшей степени замѣчательнымъ». — Китайскій романъ? сказалъ я. Должно быть, что нибудь вполне намъ чуждое. — «Не настолько, насколько кажется», отвѣчалъ Гете. «Люди думаютъ, дѣйствуютъ и чувствуютъ почти такъ же, какъ мы, и вскорѣи самъ чувствуешь, что похожъ на нихъ; но у нихъ все идетъ яснѣе, чище и нравственнѣе. У нихъ все разумно, по-мѣщански, безъ большихъ страстей и поэтическаго полета; оттого это весьма похоже на мою *Герману и Доротею*, а также на англійскіе романы Ричардсона. Разница въ томъ, что у нихъ всегда и внѣшняя природа живетъ подлѣ человѣческихъ фигуръ. Всегда слышны всплески золотыхъ рыбокъ въ прудахъ; птицы, не устывая, поютъ на вѣтвяхъ; день всегда ясный и солнечный, ночь всегда свѣтлая; много говорится о мѣсяцѣ, но онъ никогда не измѣняетъ пейзажа: онъ свѣтитъ такъ ярко, что кажется, будто день. И внутри домовъ все такъ же чисто и мило, какъ на китайскихъ картинахъ. Напримѣръ: «я слышалъ, какъ смѣялись милыя дѣвушки, и когда я увидѣлъ ихъ, то онѣ сидѣли на тростниковыхъ стульяхъ». Такимъ обра-

¹⁾ По мнѣнію однихъ *Влюбленная пара*, переведенный въ 1820 г. Томсомъ. Другіе указываютъ, что въ 1826 г. въ *Le Globe* появился подробный анализъ китайскаго романа Ю-Кiao-Ли, или *Дѣя сестры*, пер. Абеля Ремюза.

зомъ тотчасъ же получается прелестная ситуація: нельзя представить себѣ тростниковыхъ стульевъ, безъ мысли о легкости и нарядности. Затѣмъ, къ разсказу примѣшивается безчисленное множество легендъ и онѣ приводятся также въ видѣ пословицъ. Напримѣръ, о дѣвушкѣ говорится, что у нея были такія легкія и нѣжныя ножки, что она могла стать на цвѣтокъ и не согнуть его. О молодомъ человѣкѣ,—что онъ былъ такой нравственный и храбрый, что въ тридцать лѣтъ удостоился чести говорить съ императоромъ. Или овлюбленной парочкѣ,—что они, будучи долго знакомы, были такъ сдержаны, что, когда имъ пришлось однажды провести ночь въ одной комнатѣ, то они провели ее въ разговорахъ, не коснувшись другъ друга. И множество такихъ легендъ: всѣ онѣ имѣютъ въ виду нравственность, или благоприличіе. Но именно такой умѣренностью во всемъ и продержалась тысячелѣтія китайская имперія, и ею же продержится и дальше.—Въ высшей степени замѣчательную противоположность этому китайскому роману я нахожу въ пѣсняхъ Беранже; почти всѣ онѣ основаны на безнравственныхъ и распутныхъ мотивахъ и были бы для меня въ высшей степени противны, не будь онѣ обработаны такимъ большимъ талантомъ, какъ Беранже,—теперь же онѣ переносны, и почти прелестны. Но, скажите сами, развѣ не въ высшей степени замѣчательно, что сюжеты китайскаго поэта исполнѣ нравственны, а перваго французскаго поэта нашего времени—составляютъ ему противоположность?

—Такой талантъ, какъ Беранже, сказалъ я,—врядъ ли бы что сдѣлалъ изъ нравственнаго сюжета.

—Ваша правда, отвѣчалъ Гете,—именно благо-

даря испорченности нашего времени, раскрылись и развились въ Беранже его лучшія стороны.

— Быть можетъ, замѣтилъ я,—этотъ китайскій романъ считается у нихъ однимъ изъ лучшихъ?

— Ничуть, отвѣчалъ Гете,—у китайцевъ тысячи такихъ романовъ, и они были у нихъ еще тогда, какъ наши предки жили въ лѣсахъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше я убѣждаюсь, продолжалъ Гете,—что поэзія есть достояніе всего человѣчества, и что она всюду, во всѣ времена, выражается сотнями и сотнями людей. Одинъ пишетъ нѣсколько лучше другихъ и дольше держится на поверхности,—вотъ и вся разница. Г. фонъ-Матиссенъ поэтому не долженъ думать, что ему выпадетъ такая судьба, и я не долженъ думать, что мнѣ; но всякій долженъ сознавать, что поэтический даръ вовсе не такая рѣдкая вещь, и что, написавъ хорошее стихотвореніе, нѣтъ особой причины слишкомъ гордиться этимъ. Мы, нѣмцы, держась въ узкомъ кругу того, что насъ окружаетъ, весьма легко впадаемъ въ дикое педантическое высокомеріе. Поэтому я охотно поглядываю на другія національности, и совѣтую всякому дѣлать то же. Национальная литература нынче ничего не значитъ: настало время міровой литературы, и всякій долженъ заботиться, чтобъ ускорить приближеніе этой эпохи. Но при такой оцѣнкѣ иностраннаго, не слѣдуетъ держаться чего нибудь особенно, и считать его за образецъ. Мы не должны думать, что найдемъ образецъ въ китайской или сербской литературѣ, въ Кальдеронѣ или Нибелунгахъ; нѣтъ, за образцами слѣдуетъ обращаться къ древнимъ грекамъ, въ произведеніяхъ которыхъ всегда изображается прекрасный человѣкъ. На всѣхъ остальныхъ надо смотрѣть съ исторической точки

зрѣнія и брать изъ нихъ хорошее, насколько оно пригодится.

Я радовался, слыша отъ Гете такое послѣдовательное развитіе важнаго вопроса. Звонъ бубенчиковъ проѣзжавшихъ мимо саней¹⁾ заставилъ насъ подойти къ окну: мы думали, что возвращается большой поѣздъ, отправившійся утромъ къ Бельведеру. Затѣмъ Гете продолжалъ развивать свои мысли. Рѣчь зашла объ Александрѣ Манцони. Гете сказалъ, что графъ Рейнгардтъ видѣлъ его незадолго передъ тѣмъ въ Парижѣ, гдѣ онъ былъ хорошо принятъ въ обществѣ, какъ молодой авторъ съ именемъ, и что теперь онъ вновь поселился со своимъ семействомъ и матерью въ своемъ помѣстьѣ близъ Милана.

«Манцони не достаетъ одного», сказалъ Гете: «онъ самъ не знаетъ, какой онъ прекрасный поэтъ и какія права онъ имѣетъ, какъ таковой. Онъ слишкомъ почтителенъ къ исторіи, а потому любитъ прилагать къ своимъ вещамъ добавленія, въ которыхъ доказываетъ, какъ вѣренъ онъ былъ мелочнымъ историческимъ обстоятельствамъ. Его факты могутъ быть и историческими, но его характеры не таковы, и столь же мало историческіе, какъ и мои—Тоась и Ифигенія. Ни одинъ поэтъ никогда не зналъ изображаемыхъ имъ историческихъ характеровъ: знай онъ ихъ, ему трудно было бы ими воспользоваться. Поэтъ долженъ знать, какое впечатлѣніе онъ долженъ произвести и, согласно тому,

¹⁾ Въ Веймарѣ катанье на саняхъ одно изъ любимыхъ удовольствій; сани небольшія, двумѣстныя; молодые люди сами правятъ, и каждый затѣзжаетъ за знакомой дѣвушкой; такимъ образомъ составляютъ пикники; въ награду за прогулку молодые люди получаютъ поцѣлуй отъ своей дамы.

измѣнять характеръ своихъ героевъ¹⁾. Еслибъ я вздумалъ выставить Эгмонта такимъ, какъ его изображаетъ исторія, отцомъ двѣнадцати дѣтей, то его легкомысленные поступки показались бы весьма нелѣпыми. Поэтому мнѣ требовался другой Эгмонтъ, болѣе соотвѣтствующій его дѣйствіямъ, и такой, чтобъ онъ находился въ гармоніи съ моими поэтическими намѣреніями. И этотъ-то Эгмонтъ, какъ говоритъ Клерхенъ, — мой Эгмонтъ.

«И зачѣмъ были бы поэты, еслибъ они только повторяли рассказы историковъ! Поэтъ долженъ идти дальше и, гдѣ возможно давать намъ нѣчто высшее и лучшее. Во всѣхъ характерахъ Софокла есть частица высокой души поэта; точно также и у Шекспира. И это такъ и должно быть; такъ и слѣдуетъ писать. Шекспиръ идетъ еще дальше — и превращаетъ своихъ римлянъ въ англичанъ, и опять онъ правъ: иначе его не поняли бы его современники²⁾.

«Тѣмъ греки и были велики», продолжалъ Гете, «что они обращали меньше вниманія на вѣрность историческому факту, чѣмъ на то, какъ обработать ихъ поэтъ. По счастью, у насъ есть превосходный примѣръ этого въ *Филоклетѣ*; всѣ три великіе трагика писали на этотъ сюжетъ, Софоклъ позже

¹⁾ Замѣчаніе, которое недурно имѣть въ виду чрезмѣрнымъ любителямъ историческо-характернаго и исторически вѣрнаго. У насъ готовы извинить любую несообразность, если она основана на историческомъ фактѣ; но дѣло поэта изобразить историческій фактъ такъ, чтобъ онъ сталъ фактомъ всечеловѣческимъ и сдѣлался понятенъ его современникамъ. Д. А.

²⁾ Нынѣ господа, воображающіе, что вся суть искусства въ «характерности», впрочемъ, изъ любви къ Шекспиру, впадаютъ въ явную нелѣпость, увѣряя, что онъ необыкновенно вѣрно изображалъ римскіе нравы. Д. А.

и лучше всѣхъ. Превосходная пьеса послѣдняго поэта, по счастью, дошла до насъ въ цѣлости; напротивъ, отъ пьесъ Эсхила и Эврипида остались только отрывки, изъ которыхъ, однако, можно видѣть, какъ они обработали сюжетъ. Если у меня будетъ время, то я возстановлю эти пьесы, какъ возстановилъ Эврипидовскаго *Фаэтона*, и это будетъ для меня не непріятная и не бесполезная работа. Задача при этомъ сюжетѣ была весьма проста; именно: увезти Филоктета вмѣстѣ съ его лукомъ съ острова Лемноса. Но дѣло поэта состояло въ томъ, какъ это устроить; тутъ каждый могъ показать силу своей изобрѣтательности и превзойти другого. Его долженъ увезти Одиссей; но долженъ ли Филоктетъ узнать его или нѣтъ, и что ему сдѣлать, чтобъ не быть узаннымъ? Долженъ ли Одиссей отправиться одинъ или у него долженъ быть спутникъ, и кто именно долженъ сопровождать его? У Эсхила спутникъ неизвѣстенъ, у Эврипида онъ—Диомедъ, у Софокла—сынъ Ахиллеса. Далѣе, въ какомъ состояніи найдутъ они Филоктета? Долженъ ли быть островъ населенъ или нѣтъ, и если населенъ, то должна ли принимать участіе въ Филоктетѣ какая нибудь сострадательная душа, или нѣтъ? Исотни подобныхъ вещей, которыя вполнѣ зависятъ отъ произвола поэта; ихъ принятіе или отверженіе могло выказать большую или меньшую мудрость поэта. Вотъ въ чемъ суть. И такъ должны поступать и нынѣшніе поэты, а не справляться—былъ или не былъ обработанъ данный сюжетъ, и не отыскивать на сѣверѣ и югѣ неслыханныхъ приключеній, которыя часто бываютъ довольно варварскими, и производить впечатлѣнія развѣ просто какъ приключенія. Конечно, требуется умъ и большой та-

лантъ для того, чтобъ простой сюжетъ, при помощи мастерской обработки, превратить въ нѣчто, — но ихъ-то и недостасть¹⁾.

Проѣзжавшія мимо сани вновь заставили насъ подойти къ окну; однако то не былъ поѣздъ, котораго мы ожидали. Мы шутя говорили о незначащихъ вещахъ; затѣмъ я спросилъ Гете насчетъ повѣсти.

— Я оставилъ ее на нѣсколько дней въ покоѣ, сказалъ онъ;—но въ экспозиціи надо кой-что прибавить. Именно, левъ долженъ зарычать, когда принцесса ѣдетъ мимо балагана; причемъ я прибавлю нѣсколько замѣчаній объ ужасѣ, который наводитъ страшный звѣрь.

— Это очень счастливая мысль, сказалъ я;—такимъ образомъ экспозиція станетъ хороша и необходима не только на своемъ мѣстѣ, сама по себѣ, но, благодаря ей, и все послѣдующее произведетъ большее впечатлѣніе. До сихъ поръ левъ являлся ужъ черезчуръ нѣжнымъ, потому что не обнаруживалъ никакихъ слѣдовъ дикости. Зарычавъ же, онъ заставитъ насъ, по крайней мѣрѣ, догадываться, какъ онъ страшенъ, и когда затѣмъ онъ послушно послѣдуетъ за флейтой ребенка, то это произведетъ большее впечатлѣніе.

— Только такой способъ передѣлки и исправленийъ правиленъ, сказалъ Гете, —когда несовершенное, при помощи послѣдующихъ придумываній, становится совершеннымъ. Но я не могу похвалить, когда сдѣланное передѣлываютъ за-ново и добавляютъ къ оконченному, какъ, напримѣръ, Вальтеръ Скоттъ

¹⁾ Ср. ниже подъ 28-мъ марта 1827 г.

поступилъ съ моею Миньоной¹⁾, сдѣлавъ ее, вдобавокъ, глухонѣмой.

Четвергъ, вечеромъ, 1-го февраля 1827.

Гете рассказывалъ мнѣ о посѣщеніи его прусскимъ наслѣднымъ принцемъ въ сопровожденіи великаго герцога. «Были у меня также нынче утромъ принцы Карлъ и Вильгельмъ прусскіе», сказалъ онъ. «Кронпринцъ съ великимъ герцогомъ пробыли у меня около трехъ часовъ; мы говорили о многомъ, и я составилъ высокое мнѣніе объ умѣ, вкусѣ, знаніяхъ и образѣ мыслей кронпринца».

Гете положилъ передъ собою томъ *Теоріи цвѣтовъ*. «Я обѣщалъ вамъ объяснить явленія цвѣтныхъ тѣней», началъ Гете. «Но оно многое предполагаетъ извѣстнымъ и связано со многимъ другимъ, а потому я и не стану давать объясненія сейчасъ же: оно окажется какъ бы вырваннымъ изъ цѣлаго; по-моему, лучше намъ въ тѣ вечера, когда мы сходимся, прочесть вмѣстѣ *Теорію цвѣтовъ*. Такимъ образомъ, у насъ всегда найдется серьезный предметъ для разговоровъ, и вы, сами того не замѣчая, усвоите себѣ всю теорію. То, что вы уже знаете, начинаетъ жить въ васъ, и становится продуктивнымъ; изъ этого я заключаю, что эта наука скоро станетъ вашей собственностью. Прочтите теперь первый отдѣлъ».

Съ этими словами Гете положилъ предо мною открытую книгу. Я порадовался его благорасположенію ко мнѣ. Я прочелъ первый параграфъ о психологическихъ цвѣтахъ.

«Вы видите», сказалъ Гете, «что внѣ насъ нѣтъ

¹⁾ Ср. выше стр. 148.

ничего, чего не было бы въ насъ самихъ; что подобно тому, какъ во внѣшнемъ мірѣ есть свои цвѣта, нашъ глазъ обладаетъ своими собственными. Въ этой наукѣ необходимо строго различать объективное отъ субъективнаго, а потому я и началъ съ цвѣтовъ, составляющихъ принадлежность нашего глаза, дабы, при всѣхъ воспріятіяхъ, мы умѣли отличать: дѣйствительно ли данный цвѣтъ существуетъ внѣ насъ, или онъ только кажущійся цвѣтъ, возникшій въ нашемъ собственномъ глазѣ. Думаю, что началъ изложеніе науки съ того, съ чего слѣдуетъ, именно—съ изученія органа, при помощи котораго производятся всѣ воспріятія и наблюденія».

Я прочелъ дальше, до любопытнаго параграфа о вызванныхъ цвѣтахъ, гдѣ излагается, что глазъ чувствуетъ потребность въ перемѣнѣ, причемъ никогда не любить долго останавливаться на одномъ цвѣтѣ, но тотчасъ же требуетъ другого, и съ такимъ напряженіемъ, что, не находя его въ дѣйствительности, производитъ его самъ.

Это привело насъ къ разговору о великомъ законѣ, который проникаетъ всю природу, и на чемъ основана и жизнь, и всѣ ея радости.

— Это относится не только къ нашимъ другимъ чувствамъ, сказалъ Гете,—но къ нашей высшей духовной сущности; глазъ есть органъ важнѣйшаго чувства, и потому-то этотъ законъ вызванныхъ перемѣнъ столь ясно обнаруживается на цвѣтахъ, и его можно изучить тутъ отчетливѣе, чѣмъ въ другихъ случаяхъ. Есть танцы, которые намъ нравятся въ высшей степени потому, что въ нихъ чередуются дурный и мольный тоны; танцы же, гдѣ господствуетъ одинъ изъ нихъ, тотчасъ же насъ утомляютъ.

— Кажется, сказалъ я,—на этомъ основывается и хорошій слогъ, при которомъ избѣгаютъ звука, только что бывшаго въ употребленіи. Въ театрѣ можно также многое сдѣлать при достоудожномъ приложеніи этого закона. Пьесы, особенно трагедіи, въ которыхъ безъ измѣненія господствуетъ одинъ и тотъ же тонъ, тяжелы и утомительны; если же въ антрактахъ пьесы съ печальнымъ содержаніемъ, вдобавокъ, и музыка печальная и удручающая, то васъ начинаетъ мучить невыносимое чувство, отъ котораго хочется отдѣлаться во что бы то ни стало.

— Быть можетъ, замѣтилъ Гете,—на этомъ законѣ необходимой перемѣны основываются и веселыя вставочныя сцены въ Шекспировскихъ трагедіяхъ; но кажется однако, что онъ не приложимъ къ высшимъ греческимъ трагедіямъ: скорѣй въ нихъ проходитъ черезъ всю пьесу извѣстный основной тонъ.

— Греческія трагедіи, сказалъ я,—не на столько длинны, чтобы стать утомительными при одномъ, проходящемъ чрезъ всю пьесу тонѣ; при томъ, въ нихъ діалогъ смѣняется хоромъ и возвышенная мысль такова, что не можетъ утомить, ибо она основана на нѣкоторой важной дѣйствительности, которая всегда ясна по природѣ.

— Можетъ быть, вы и правы, сказалъ Гете,—и стоило бы изслѣдовать, насколько и греческія трагедіи подлежатъ общему закону необходимой перемѣны. Но вы видите, какъ все связано одно съ другимъ и какимъ образомъ законъ теоріи цвѣтовъ можетъ повести къ изслѣдованію въ области греческой трагедіи. Но слѣдуетъ быть осторожнымъ, не заходить далеко и не брать этого закона за

основу всего другого; вѣрнѣе—прилагать его въ видѣ аналогіи или примѣра.

Затѣмъ мы говорили о томъ, какимъ образомъ Гете изложилъ свою теорію цвѣтовъ; именно, онъ все выводитъ изъ основныхъ законовъ и приводитъ къ нимъ всѣ отдѣльныя явленія, отчего проистекаютъ ясность и удобопонятность изложенія. «Можетъ быть, такъ оно и есть», сказалъ Гете, «и въ правѣ похвалить меня за это; но эта метода требуетъ такихъ учениковъ, которые не вели бы разсѣянной жизни, а были бы способны постоянно соображать предметъ съ основанія. Моей теоріей цвѣтовъ занимались прекрасные люди, но, къ несчастію, они не держались прямой дороги, и раньше, чѣмъ я замѣчалъ, уклонялись отъ нея и увлекались какой нибудь идеей, вмѣсто того, чтобъ постоянно имѣть въ виду предметъ. Но хорошая голова, которая заботится о правдѣ, можетъ все-таки много сдѣлать».

Мы говорили о профессорахъ, которые все еще преподають теорію Ньютона, между тѣмъ какъ открыта лучшая. «Этому нечего удивляться», сказалъ Гете, «эти люди держатся ошибки, потому что, благодаря ей, поддерживаютъ свое существованіе. Имъ пришлось бы переучиваться, а это безпокойная вещь». — Но какимъ образомъ, спросилъ я, опыты могутъ подтверждать истину ученія, когда основы его ложны? — «Они и не доказываютъ истины: это вовсе не въ ихъ намѣреніяхъ; они просто высказываютъ свое мнѣніе. Поэтому, они скрываютъ тѣ опыты, которые могутъ обнаружить истину и показать несостоятельность ихъ теоріи. А что до учениковъ, то кто изъ нихъ заботится объ истинѣ! Они такіе же люди, какъ всѣ, и вполне довольны,

когда эмпирическимъ образомъ могутъ болтать о вещахъ. Вотъ и все. Люди вообще престранные существа; стоитъ замерзнуть озеру, и они сотнями набѣгутъ туда и станутъ забавляться на гладкой поверхности; но кому же придется въ голову изслѣдовать, глубоко ли оно и что за рыбы плаваютъ подо льдомъ?.. Нибуръ теперь открылъ торговый договоръ между Римомъ и Кареагеномъ, заключенный въ очень раннее время, откуда явствуетъ, что всѣ рассказы Ливія о первоначальномъ состояніи римскаго народа простыя басни, потому что изъ сказаннаго договора видно, что Римъ весьма рано обладалъ гораздо высшимъ состояніемъ культуры, чѣмъ утверждаетъ Ливій. Но вы ошибетесь, если подумаете, что этотъ вновь открытый трактатъ повлечетъ за собою большое измѣненіе въ преподаваніи римской исторіи. Не забывайте о замерзшемъ озерѣ: таковы люди; я научился понимать ихъ; таковы-то они, а не иные.

— Но вамъ нечего раскаяваться, сказалъ я,—что вы написали *Теорію цвѣтовъ*; вы этимъ не только соорудили крѣпкое зданіе этой прекрасной науки, но дали образецъ научной обработки предмета, котораго всегда можно будетъ держаться при изложеніи подобныхъ предметовъ.

— Я ничуть и не раскаиваюсь, сказалъ Гете,—хотя я трудился надъ этимъ полъ-жизни. Быть можетъ, я написалъ бы лишнюю полъ-дюжину трагедій,—вотъ и все; но на это и послѣ меня найдутся люди. Но вы правы, я и самъ думаю, что обработка хороша; въ ней есть метода. Въ томъ же родѣ я изложилъ и ученіе о звукѣ; равно и моя *Метаморфоза растений* основана на подобной же методѣ воззрѣній и выводовъ. Съ моею *Метаморфозой растений*

случилась престранная вещь: я пришелъ къ ней, какъ Гершель къ своимъ открытіямъ. Именно, Гершель былъ настолько бѣденъ, что не могъ купить себѣ телескопа; ему пришлось самому его устроить. Но то было къ счастью; самодѣльный телескопъ оказался лучше другихъ, и при помощи его онъ совершилъ свои великія открытія. Въ ботаникѣ я шелъ эмпирическимъ путемъ. Я помню очень хорошо, что изученіе родовъ мнѣ показалось черезчуръ скучнымъ, и у меня не хватило терпѣнія одолѣть его. Я былъ принужденъ изучать ботанику особымъ образомъ и отыскивать общее для всѣхъ безъ различія растений; такимъ образомъ я открылъ законъ метаморфозы. Изучать отдѣльныя ботаническія факты не мое дѣло, я предоставляю это другимъ, которые пойдутъ дальше меня въ этомъ направленіи. Мое же дѣло было подвести отдѣльныя явленія подъ одинъ общій законъ.

«Минералогія также интересовала меня только въ двоякомъ отношеніи: во-первыхъ, по причинѣ ея великой практической пользы, и еще тѣмъ, что она давала возможность отыскать документъ относительно образованія земли, на что позволяло надѣяться ученіе Вернера. Но, со смертію этого превосходнаго человѣка, все въ этой наукѣ перевернулось вверхъ дномъ, и я пересталъ заниматься ею открыто, и держу про себя свое мнѣніе. Въ теоріи цвѣтовъ мнѣ остается объясненіе радуги, чѣмъ я и займусь. Это въ высшей степени трудная задача, но я надѣюсь разрѣшить ее. Поэтому-то мнѣ и хочется перечестъ съ вами *Теорію цвѣтовъ*; притомъ, благодаря вашей любознательности, во мнѣ все ожило.

«Въ естественныхъ наукахъ, продолжалъ Гете,—

я испытывалъ себя почти во всѣхъ отрасляхъ; но я всегда устремлялъ вниманіе на предметы, которые окружаютъ меня на землѣ и могутъ быть восприняты непосредственно, при помощи чувствъ; вотъ почему я никогда не занимался астрономіей: для нея органовъ чувствъ не достаточно: надо прибѣгать къ инструментамъ, вычисленіямъ и механикѣ; на ея изученіе требуется цѣлая жизнь, а это не мое дѣло.

«Если я успѣлъ нѣсколько въ тѣхъ предметахъ, которые были мнѣ доступны, то этому помогло то, что мнѣ пришлось жить въ болѣе богатое естественно-научными открытіями время. Еще ребенкомъ я узналъ ученіе Франклина объ электричествѣ, законъ котораго онъ только что открылъ тогда. И такъ во всю мою жизнь, до нынѣшняго часа, одно открытіе слѣдовало за другимъ; такимъ образомъ, не только въ юности меня влекло къ изученію природы, но и позже это влеченіе постоянно возбуждалось во мнѣ въ значительной степени. Теперь и на тѣхъ путяхъ, которые я проложилъ, сдѣланы такіе успѣхи, какихъ я не могъ и предчувствовать; со мной случилось то же, что съ чело-вѣкомъ, который пошелъ навстрѣчу зори, и изумился блеску солнца, когда оно взошло».

При этомъ Гете упомянулъ съ чувствомъ удивленія о нѣмецкихъ ученыхъ, Карусѣ, д'Альтонѣ, Мейерѣ изъ Кенигсберга.

«Я былъ бы доволенъ, если-бъ люди, открывъ истину, вновь не уклонялись отъ нея и не затемняли ея; чело-вѣчеству необходимо передавать отъ поколѣнія къ поколѣнію нѣчто положительное, и было бы хорошо, если-бъ это положительное было съ тѣмъ вмѣстѣ и правильно, и истинно. Съ этой

точки зрѣнія я порадовался бы, если-бъ въ естественныхъ наукахъ, придя къ яснымъ выводамъ, твердо держались добытой истины, и, приобрѣтая отчетливое знаніе, не пускались бы въ трансцендентальность. Но люди не могутъ жить въ покоѣ, и раньше, чѣмъ ждешь, все снова приходитъ въ замѣшательство. Такъ, теперь набросились на Моисеево пятикнижіе, и если гдѣ всеуничтожающая критика вредна, то именно въ религіозныхъ предметахъ; въ нихъ все основано на вѣрѣ, къ которой нельзя ужъ вернуться, когда ее потеряешь. Въ поэзіи подобная критика не приноситъ такого вреда. Вольфъ уничтожилъ Гомера, но поэмѣ онъ повредить не можетъ; въ этой поэмѣ та же чудодѣйственная сила, что у героев Вальгалы, которые утромъ разрубаются на куски, а въ обѣдъ опять цѣлые сидятъ за столомъ».

Гете былъ въ отличномъ расположеніи, и я былъ счастливъ, слыша еще разъ его разсужденія о важныхъ вещахъ. «Теперь мы станемъ втихомолку крѣпко держаться настоящей дороги», сказалъ онъ, «а остальные пусть бредутъ, какъ хотятъ; такъ лучше».

Среда, 7-го февраля 1827.

Гете сердился нынче на нѣкоторыхъ критиковъ, которые недовольны Лессингомъ и предъявляютъ къ нему чрезмѣрные требованія.

«Сравниваютъ пьесы Лессинга съ древними», сказалъ онъ, «и находятъ ихъ дурными и жалкими; но что-жъ изъ того? Скорѣй слѣдуетъ пожалѣть необыкновеннаго человѣка, жившаго въ такое жалкое время, что у него не было лучшихъ сюжетовъ, чѣмъ тѣ, которые онъ обработалъ въ своихъ пьесахъ».

сахъ! Пожалѣйте, что въ *Миннѣ фонъ-Барниолмѣ* ему пришлось интересоваться, за неимѣніемъ лучшаго, подвигами пруссаковъ и саксонцевъ! Отъ гадости его вѣка зависѣло и то, что онъ постоянно дѣйствовалъ полемически, и не могъ поступать иначе. Въ *Эмилиі Галлоті* онъ преломлялъ копья съ князьями, а въ *Натанѣ* съ попами».

Пятница, 16-го февраля 1827.

Я сказалъ Гете, что надняхъ прочелъ сочиненіе Винкельмана *Ueber die Nachahmung griechischer Kunstwerke*, и сознался, что мнѣ не разъ приходило въ голову, что Винкельманъ въ то время не вполне ясно понималъ предметъ. «Вы совершенно правы», сказалъ Гете, «онъ порою идетъ какъ бы ошупью, но важно то, что онъ шупаетъ всегда тамъ, гдѣ что нибудь да есть; онъ похожъ на Колумба, когда тотъ еще не открывалъ Новаго Свѣта, но носилъ его въ видѣ предчувствія въ своемъ умѣ. Читая его, ничему не обучаешься, но становишься чѣмъ-то. Мейеръ пошелъ дальше, и довелъ знаніе искусства до вершины. Его *Исторія искусства*¹⁾ вѣчная вещь; но она не была бы тѣмъ, что есть, еслибъ авторъ въ юности не образовался на Винкельманѣ и не пошелъ дальше по его дорогѣ. Изъ этого видно, что значитъ великій предшественникъ, и что выходитъ, когда умѣютъ имъ пользоваться».

Среда, 21-го февраля 1827.

Обѣдалъ у Гете. Онъ много и съ удивленіемъ говорилъ объ Александрѣ фонъ-Гумбольдтѣ; онъ

¹⁾ *Geschichte der bildenden Künste bei der Griechen*. Книга доселѣ не потеряла своего значенія.

началъ читать его сочиненіе о Кубѣ и Колумбіи¹⁾ и, повидимому, необыкновенно заинтересовался проектомъ прорытія Панамскаго перешейка. «Гумбольдтъ», сказалъ Гете, «съ великимъ знаніемъ дѣла указалъ также другіе пункты, гдѣ, при помощи нѣкоторыхъ текущихъ въ Мексиканскій заливъ рѣкъ, можно еще лучше достигнуть цѣли, чѣмъ въ Панамѣ. Все это, однако, приходится оставить будущему, великому и предприимчивому уму. Теперь же можно сказать, что, удайся каналъ такого рода, чтобъ корабли всякой величины и съ любой нагрузкой могли проходить по нему изъ Мексиканскаго залива въ Тихій океанъ, то это имѣло бы неисчислимые результаты для всего, какъ цивилизованнаго, такъ и нецивилизованнаго человѣчества. Я буду удивленъ, если Соединенные Штаты упустятъ случай и отдадутъ дѣло въ чужія руки. Можно предвидѣть, что это молодое государство, при своемъ рѣшительномъ стремленіи на Западъ, черезъ тридцать-сорокъ лѣтъ овладѣетъ обширной страной по ту сторону Скалистыхъ горъ и населитъ ихъ. Далѣе, можно предвидѣть, что по всему берегу Тихаго Океана, гдѣ природа образовала самыя обширныя и безопаснѣйшія гавани, мало-по-малу возникнутъ значительные торговые города, и что они станутъ посредниками въ торговлѣ Китая и Остѣ-Индіи съ Соединенными Штатами. Въ такомъ случаѣ, стало бы не только желательнымъ, но почти необходимымъ, чтобъ какъ торговля, такъ и военныя суда поддерживали болѣе быстрое сношеніе между восточными и западными берегами, чѣмъ теперешнее долгое, затруднительное и дорогое плаваніе вокругъ мыса Горна. Повторяю: для

¹⁾ Essai politique sur l'île de Cuba.

Соединенныхъ Штатовъ рѣшительно необходимо установить проходъ между Мексиканскимъ заливомъ и Тихимъ океаномъ, и я увѣренъ, что они достигнутъ этого. Я желалъ бы дожить до этого; но не доживу. Далѣе, мнѣ хотѣлось бы дожить до времени, когда установится сообщеніе между Рейномъ и Дунаемъ¹⁾. Это то же исполинское предпріятіе, и я сомнѣваюсь, чтобъ оно удалось, особенно, принимая во вниманіе бѣдность нашихъ нѣмецкихъ средствъ. Наконецъ, въ-третьихъ, я желалъ бы видѣть англичанъ владѣльцами какого нибудь канала черезъ Суэцъ. Я хотѣлъ бы дожить до осуществленія этихъ трехъ вещей, и изъ любви къ нимъ стоило бы прожить еще лѣтъ пятьдесятъ».

Среда, 21-го марта 1827.

Гете показалъ мнѣ нынче книжку Гинрихса²⁾ о существѣ древней трагедіи. «Я прочелъ ее съ большимъ интересомъ», сказалъ онъ. — «Гинрихсъ для развитія своихъ взглядовъ взялъ въ основу *Эдина* и *Антиону* Софокла. Книжка очень любопытна; я дамъ вамъ ее: прочтите, и потомъ мы поговоримъ о ней. Я отнюдь не раздѣляю его мнѣній; но въ высшей степени любопытно прослѣдить, какъ такой вполне философски образованный человѣкъ разсматриваетъ поэтическое произведеніе со специальной точки зрѣнія своей школы. Я больше ничего не скажу вамъ сегодня, чтобъ не предупредить

¹⁾ Ср. подъ 29 февр. 24 г.

²⁾ Ординарный профессоръ философіи въ Галле. Полное заглавіе его книги слѣдующее: «*Das Wesen der antiken Tragödie in ästhetischen Vorlesungen durchgeführt an den beiden Oedipus des Sophokles im allgemeinen und an der Antigone insbesondere*».

ашего мнѣнія. Прочтите, и вы увидите, что книжка возбуждаетъ множество идей».

Среда, 28-го марта 1827.

Я возвратилъ Гете книжку Гинрихса, которую прочелъ съ большимъ рвеніемъ. Я просмотрѣлъ также пьесы Софокла, чтобъ вполнѣ владѣть предметомъ.

— Ну, какъ она вамъ показалась? спросилъ Гете. — Не правда ли, онъ добирается до глубины вещей?

— На меня эта книга произвела странное впечатлѣніе, отвѣчалъ я. — Ни одна книга не возбуждала во мнѣ столько идей, и въ то же время противорѣчій.

— Именно такъ, сказалъ Гете. — Чтò намъ подобно, къ тому мы относимся спокойно; но что намъ противорѣчить, то заставляетъ насъ думать.

— Его намѣренія, сказалъ я, — показались мнѣ въ высокой степени почтенными; нельзя также сказать, что онъ скользитъ по поверхности предмета. Но онъ часто до того теряется въ тонкостяхъ и подробностяхъ отношеній, и притомъ столь субъективнымъ образомъ, что упускаетъ изъ виду и подробности, и цѣлое разсматриваемаго предмета; приходится дѣлать насиліе и надъ собою, и надъ предметомъ, чтобъ думать такъ, какъ онъ. Мнѣ также казалось, что мой умъ слишкомъ грубъ, чтобъ схватить необычайныя тонкости его опредѣленій.

— Еслибъ вы были такъ же философски образованы, какъ онъ, вамъ было бы легче читать его книгу. Но, говоря правду, я не могу безъ жалости видѣть, что уроженецъ сѣверо-нѣмецкаго морского побережья и человѣкъ, безъ сомнѣнія, отъ природы здоровый, какъ Гинрихсъ, до того пропитался гегелевской философіей, что въ немъ совершенно вытра-

влены природныя свободныя воззрѣнія и мысли; онъ до того усвоилъ себѣ искусственный и тяжелый образъ мыслей и выраженій, что въ его книгѣ натыкаешься на такія мѣста, гдѣ умъ становится въ тупикъ, и уже не понимаешь—что читаешь.

— Я чувствовалъ то же самое, отвѣчалъ я.—Но я радовался, когда попадалъ на мѣста, которыя казались мнѣ и человѣческими, и ясными, какъ, напри-
мѣръ, его изложеніе фабулы *Эдина*.

— Тутъ ему приходилось близко держаться предмета, сказалъ Гете.—Но въ его книгѣ не мало мѣстъ, гдѣ мысль не двигается и не идетъ впередъ, и гдѣ туманныя выраженія вертятся все на одномъ и томъ же мѣстечкѣ и въ одномъ и томъ же кругу, совершенно какъ вѣдъмы въ моемъ *Фаустѣ*, когда онѣ считаютъ. Я также ничего не понялъ въ его шестой лекціи о хорѣ. Что вы, напри-
мѣръ, скажете объ этомъ мѣстѣ: «Эта дѣйствительность (именно народная жизнь), какъ истинное ея значеніе, есть истинная дѣйствительность, которая, будучи въ то же время сама по себѣ истиной и увѣренностью, составляетъ поэтому общую духовную увѣренность, которая въ то же время есть примирительная увѣренность хора, такъ что только въ этой увѣренности, которая является какъ результатъ совокупнаго движенія трагическаго дѣйствія, хоръ поступаетъ впервые вполнѣ соразмѣрно съ общимъ народнымъ сознаніемъ, и въ качествѣ такого уже не только представляетъ народъ, но существуетъ самъ по себѣ и для себя, ради своей увѣренности»... Кажется, довольно! Что должны думать англичане и французы о нашемъ философскомъ языкѣ, когда мы сами его не понимаемъ!

— И, не смотря на это, сказалъ я,—мы согласны,

что авторъ имѣетъ благородныя намѣренія и его книга способна возбуждать мысли.

— Его мысль о семьѣ и государствѣ, сказалъ Гете, — и о трагическихъ столкновеніяхъ, которыя могутъ проистекать изъ нихъ, вполне хороша и плодотворна; я не могу, однако, согласиться, будто она лучшая для трагического искусства, или даже единственно правильная. Конечно, мы всѣ живемъ въ семьѣ и государствѣ, и насъ не легко можетъ постигнуть трагическая судьба, которая не касалась бы насъ, какъ членовъ той и другого. Но мы можемъ быть также трагическими лицами, будучи членами только семьи, или только государства. Необходимо лишь неразрѣшимое столкновеніе, а оно можетъ возникнуть изъ противорѣчія какихъ угодно отношеній; требуется единственно, чтобъ оно проистекало изъ природы вещей и было по-истинѣ трагическимъ. Такъ, Аяксъ погибаетъ отъ демона оскорбленнаго самолюбія, и Геркулесъ — отъ демона любящей ревности¹⁾. Въ обоихъ случаяхъ нѣтъ ни малѣйшаго столкновенія чувства семейной почтительности съ государственной добродѣтелью, что, по мнѣнію Гинрихса, составляетъ элементъ греческой трагедіи.

— Ясно, сказалъ я, — что онъ, составляя свою теорію, имѣлъ въ виду только Антигону. Равно онъ, кажется, имѣлъ въ виду единственно характеръ и образъ дѣйствія этой героини, когда утверждаетъ, будто чувство семейной привязанности является въ наиболѣе чистомъ видѣ у женщинъ, и особенно у сестеръ, и что только сестры могутъ любить братьевъ вполне чисто и безъ плотскаго чувства.

¹⁾ У Софокла: въ *Аяксъ* и *Бѣшеномъ Геркулесѣ*. Д. А.

— По моему, сказалъ Гете, — любовь сестры къ сестрѣ еще чище и ужъ безо всякаго плотскаго чувств! Притомъ, намъ приходится забыть, что встрѣчалось множество случаевъ, когда между сестрой и братомъ, сознательно или безсознательно, возникало чувственное влеченіе. Вообще же, вы, вѣроятно, замѣтили, что у Гинрихса разсмотрѣніе греческой трагедіи исходитъ отъ идеи, и что онъ полагаетъ, будто и Софокль, при изобрѣтеніи и распредѣленіи дѣйствія трагедій, также исходилъ отъ идеи, и на этомъ основывалъ и характеръ, и полъ, и состояніе дѣйствующихъ лицъ. Софокль же въ своихъ трагедіяхъ отнюдь не исходилъ отъ идеи; скорѣе, онъ бралъ какое нибудь давно извѣстное народное преданіе, въ которомъ уже была на лицо извѣстная идея, и думалъ только о томъ, какъ лучше изложить ее для сценическаго представленія, чтобы оно произвело впечатлѣніе. Атриды не хотятъ погребенія Аякса, но какъ въ *Антигонѣ* сестра погибаетъ ради брата, такъ въ *Аякскѣ* братъ погибаетъ ради брата. И то, что сестра принимаетъ участіе въ непогребенномъ Полиникѣ, а братъ въ погибшемъ Аяксѣ — вовсе не изобрѣтеніе поэта, а преданіе, которому поэтъ слѣдовалъ, и долженъ былъ слѣдовать.

— Точно также мало основательно все то, что онъ говоритъ объ образѣ дѣйствія Креона, сказалъ я. — Онъ старается доказать, будто Креонъ, воспрещая погребеніе Полиника, дѣйствуетъ изъ чисто государственныхъ причинъ. Креонъ не простой человѣкъ, но государь, и изъ этого онъ выводитъ заключеніе, будто, когда человѣкъ представляетъ собою трагическую мощь государства, то онъ можетъ быть только такимъ лицомъ, которое представляетъ личность самого государства, то-есть государемъ

и что государь болѣе всѣхъ способенъ выражать нравственную доблесть государства.

— Все это мнѣнія, которымъ никто не повѣритъ, съ усмѣшкой отвѣчалъ Гете. — Креонъ поступалъ такъ отнюдь не изъ чувства государственной доблести, а изъ ненависти къ покойнику. Въ томъ, что Полиникъ старался возратить отцовское наслѣдство, которое было у него насильственно отнято, вовсе не заключалось столь неслыханнаго государственнаго преступленія, чтобъ ради возмездія было недостаточно одной его смерти, но требовалось еще наказать и его невинный трупъ. Притомъ, нельзя назвать государственной доблестью поступка, который вообще противенъ добродѣтели. Креонъ запрещаетъ предать землѣ Полиника; выброшенный трупъ не только заражаетъ воздухъ, но куски его растаскиваютъ собаки и хищныя птицы, причемъ оскверняются алтари. Такой оскорбительный и для людей, и для боговъ образъ дѣйствія никакъ нельзя назвать государственной доблестью; скорѣй это государственное преступленіе. Притомъ всѣ противъ Креона: противъ него старцы, составляющіе хоръ; противъ него весь народъ; противъ него Терезій и его собственная семья. Но онъ никому не внемлетъ; онъ безумно упорствуетъ, и чрезъ это губить семью, да и отъ него самого въ концѣ-концовъ остается только тѣнь.

— А знаете, сказалъ я, — слушая рѣчи Креона, думаешь будто онъ одинъ правъ.

— Въ этомъ Софоклъ мастеръ, отвѣчалъ Гете, — и въ этомъ-то и состоитъ жизнь драматическаго произведенія. Всѣ его лица одарены такимъ краснорѣчіемъ и умѣютъ такъ убѣдительно объяснять образъ своихъ дѣйствій, что зритель почти всегда

на сторонѣ того, кто говорилъ послѣднимъ. Видно, что въ юности Софокль получилъ весьма рачительное риторическое образованіе и пріучился такимъ образомъ отыскивать всѣ истинные и кажущіеся доводы ради оправданія извѣстнаго дѣйствія. Порой эта способность приводила его къ ошибкамъ; иногда онъ въ этомъ перехватывалъ черезъ край. Такъ, въ *Антигонѣ* есть мѣсто, которое мнѣ всегда казалось пятномъ, и я дорого бы далъ, еслибъ дѣльный филологъ доказалъ, что оно испорчено или неподлинно. Именно, героиня, выразивъ, въ теченіе пьесы, возвышеннѣйшія причины своего образа дѣйствія и показавъ благородство чистѣйшей души,—въ ту минуту, когда идетъ на смерть, высказываетъ мотивъ дурного свойства и почти комическій. Она говоритъ, что то, что она совершила ради брата, она никогда не сдѣлала бы ради умершихъ дѣтей, будь она матерью, ни ради своего усопшаго супруга. И потому, добавляетъ она,—что, умри у меня мужъ, я вышла бы за другого; умри у меня дѣти, я бы воспитала дѣтей отъ другого супруга. Но иное дѣло брать. Другого брата у меня быть не можетъ, ибо отецъ и мать у меня умерли, и не отъ кого ему родиться. Таковъ, по крайней мѣрѣ, неукрашенный смыслъ ея словъ, и по моему въ устахъ идущей на смерть героини онъ нарушаетъ трагическое настроеніе; онъ мнѣ кажется чрезвычайъ изысканнымъ, представляется чрезмѣрнымъ діалектическимъ разчетомъ. Повторяю, я очень бы желалъ, чтобъ хорошій филологъ доказалъ неподлинность этого мѣста.

Мы продолжали говорить о Софоклѣ и о томъ, что онъ въ своихъ пьесахъ обращалъ меньшее вниманіе на нравственную тенденцію, чѣмъ на досто-

должную обработку даннаго предмета, особенно на его впечатлѣніе со сцены.

— Я не противъ того, чтобъ драматическій писатель обращалъ вниманіе на нравственное впечатлѣніе, сказалъ Гете;—но когда дѣло идетъ о томъ, чтобъ предъ очами зрителей изобразить сюжетъ ясно и такъ, чтобъ онъ произвелъ впечатлѣніе, то ему мало помогутъ конечныя нравственныя цѣли; для того, чтобъ рѣшить, что слѣдуетъ оставить и что выпустить, онъ скорѣе долженъ обладать большой способностью къ изобразительности и знаніемъ сцены.

— Если сюжетъ самъ по себѣ можетъ произвести нравственное впечатлѣніе, то онъ его произведетъ и тогда, когда поэтъ будетъ имѣть въ виду только художественное впечатлѣніе. Когда у поэта такая высокая душа, какъ у Софокла, то его дѣйствіе будетъ всегда нравственно—думалъ ли онъ объ этомъ, или нѣтъ. Но никто не зналъ такъ, какъ Софоклъ, сцены и своего ремесла. Лучшимъ доказательствомъ его знанія сцены и того, что онъ постоянно имѣлъ въ виду впечатлѣніе на зрителей, для меня служить его *Филоклетъ* и то великое сходство, которое, и по распорядку дѣйствія, и по его ходу, эта пьеса имѣетъ съ его *Эдипомъ въ Колонѣ*. Въ обѣихъ пьесахъ мы видимъ героевъ въ безпомощномъ состояніи; оба стары и страдаютъ отъ тѣлесныхъ недостатковъ. Помощницей Эдипа является дочь, которая его водитъ; помощникомъ Филоклета — его лукъ. Сходство идетъ дальше. Оба страдальца изгнаны; но оракулъ предсказалъ относительно обоихъ, что побѣда будетъ достигнута только при ихъ помощи, а потому обоими ими стараются овладѣть. Къ Филоклету отправляется Одиссей; къ Эдипу—Креонтъ. Оба начинаютъ рѣчь лестью и сладкими словами;

но оба страдальца ничего не боятся, а потому относительно ихъ прибѣгаютъ къ насилію, и у Филоклетета отнимаютъ лукъ, а у Эдипа — дочь. Эти насильственные дѣйствія даютъ поводъ къ превосходнымъ діалогамъ, и подобныя безпомощныя состоянія возбуждали чувство зрителей и слушателей; вотъ почему поэтъ, желая произвести впечатлѣніе на публику, любилъ воспроизводить подобныя положенія. Чтобъ усилить это впечатлѣніе въ *Эдипѣ*, Софокль выставляетъ его хилымъ старикомъ, хотя тотъ, по всѣмъ обстоятельствамъ, въ это время долженъ былъ быть человѣкомъ въ полномъ цвѣтѣ силъ. Но поэтъ не могъ его изобразить въ возрастѣ, полномъ крѣпости, потому что онъ не произвелъ бы никакого впечатлѣнія; поэтому онъ и изобразилъ его хилымъ, безпомощнымъ старикомъ.

— Сходство съ Филоклетомъ, добавилъ я, — идетъ еще дальше. Оба героя не дѣйствуютъ, а только страдаютъ. Вотъ почему около каждаго изъ этихъ двухъ пассивныхъ лицъ поставлено по два дѣйствующихъ; близъ Эдипа Креонъ и Полиникъ, близъ Филоклетета — Неоптолемъ и Одиссей. И два такія противодѣйствующія лица были необходимы, дабы изложить въ разговорахъ сюжетъ со всѣхъ сторонъ и придать пьесамъ необходимую полноту и...

— Вы могли бы прибавить, подхватилъ Гете, — что обѣ пьесы схожи еще тѣмъ, что въ обѣихъ есть положеніе, производящее впечатлѣніе счастливой перемѣны: одному герою въ его безнадежности возвращается любимая дочь, а другому — не менѣе любимый лукъ. Похожи также примиряющія развязки обѣихъ пьесъ; оба героя освобождаются отъ своихъ страданій; Эдипъ возносится къ богамъ, и божественное предсказаніе даетъ возможность предвидѣть

исцѣленіе Филоктета, при помощи Эскулапа, подѣстѣнами Иліона. Но, если мы желаемъ научиться, какъ намъ, новымъ, слѣдуетъ работать для театра, то мы должны обратиться къ Мольеру, какъ къ единственному человѣку въ этомъ дѣлѣ. Знаете ли вы его *Malade imaginaire*? Тамъ есть сцена, которая мнѣ всякій разъ, какъ я перечитываю пьесу, кажется символомъ совершеннаго знанія сцены. Я разумѣю сцену, когда мнимый больной допрашиваетъ маленькую Луизону, не видала ли она въ комнатѣ своей старшей сестры молодого человѣка. Всякій другой, меньше Мольера разумѣющій свое дѣло, заставилъ бы Луизону тотчасъ же рассказать все, и тѣмъ бы и кончилъ. Но—сколько жизни и движенія вноситъ Мольеръ въ этотъ допросъ! Сначала онъ заставляетъ Луизону не понимать своего отца; затѣмъ она вреть, будто ничего не знаетъ; затѣмъ, когда ей грозятъ розгами, она будто падаетъ въ обморокъ; затѣмъ, когда отецъ приходитъ въ отчаяніе, она съ плутовской веселостью оправляется отъ своего мнимаго обморока и, наконецъ, мало-по-малу рассказываетъ все. Мой рассказъ даетъ вамъ только тощее понятіе объ этой сценѣ; но прочтите ее сами, и вы увидите, что въ ней заключается больше практическихъ уроковъ, чѣмъ во всѣхъ теоріяхъ. Я съ юности знаю и люблю Мольера, и всю жизнь учился у него. Я не устаю ежегодно перечитывать по нѣскольку его пьесъ, чтобъ быть всегда въ общеніи съ совершенствомъ¹⁾. Меня восторгаетъ въ немъ не только опытность удивительнаго художника, но особенно достойныя любви природныя свойства и высокообразованная душа поэта. Въ немъ есть и грація, и тактъ,

¹⁾ Ср. подъ 12-мъ мая 1825.

и благопристойность, и тонъ тонкаго обращенія,—чего его природенно-прекрасная натура могла достигнуть только при ежедневномъ общеніи съ замѣчательнѣйшими людьми своего вѣка. Менандра я знаю только по немногимъ отрывкамъ, но и по нимъ составилъ о немъ столь высокое понятіе, что считаю этого великаго грека единственнымъ человекомъ, котораго можно сравнивать съ Мольеромъ.

— Я очень радъ, слыша отъ васъ такой отзывъ о Мольерѣ, сказалъ я. — Онъ звучитъ нѣсколько иначе, чѣмъ мнѣніе г. Шлегеля. Еще надняхъ, я съ большимъ отвращеніемъ проглотилъ то, что онъ говоритъ о Мольерѣ въ своихъ *Чтеніяхъ о драматической поэзіи*. Онъ, какъ вы знаете, смотритъ на него свысока, какъ на пошлаго сочинителя фарсовъ, который только издали видѣлъ хорошее общество и чье ремесло состояло въ томъ, чтобъ изобрѣтать всякаго рода шутовства для потѣхи своего господина. Ему-де еще удавались подобныя шутки въ низкомъ родѣ, но все лучшее въ нихъ краденое. Для высокой комедіи онъ долженъ былъ принуждать себя, и она никогда-де ему не удавалась.

— Для человека въ родѣ Шлегеля, сказалъ Гете, — такая настоящая натура, какъ Мольеръ, была спицей въ глазу; онъ чувствуетъ, что въ немъ самомъ нѣтъ и капли такой крови, и это ему невыносимо. Ему противенъ *Мизантропъ*, котораго я постоянно перечитываю, какъ любимую мою пьесу; *Тартюфа* онъ хвалитъ слегка, хотя и принужденно; но слѣдомъ унижаетъ его, насколько возможно. Шлегель не можетъ простить Мольеру того, что онъ осмѣялъ аффектацію ученыхъ женщинъ; онъ, вѣроятно, чувствуетъ, какъ замѣтилъ одинъ изъ моихъ друзей, что, живи онъ въ мольеровское время, то и онъ

былъ бы осмѣянъ. Нельзя отрицать, что Шлегель обладаетъ безконечными свѣдѣніями; его чрезвычайныя знанія и великая начитанность просто пугаютъ. Но со всѣмъ этимъ ничего не подѣлаешь. Ученость еще не сужденіе. Его критика сплошь односторонняя, потому что онъ почти во всѣхъ пьесахъ имѣетъ въ виду только скелетъ фабулы и распорядокъ дѣйствія; всегда указываетъ на мелкія сходства съ пьесами великихъ предшественниковъ, нисколько не заботясь о томъ, много ли внесъ авторъ въ произведеніе жизненной прелести и свойствъ высокой души. Но что значитъ все искусство таланта, если изъ-за пьесы не встаетъ передъ нами милая или великая личность автора,—единственное, что переходитъ въ народную культуру¹⁾. Въ тонѣ и манерѣ, съ которыми Шлегель отдѣлываетъ французскій театръ, я вижу рецептъ для плохихъ рецензентовъ, у которыхъ не имѣется органа для оцѣнки прекраснаго и для кого и сильная натура, и великій характеръ—обжинки и мякина.

— О Шекспирѣ и Кальдеронѣ, напротивъ, судитъ онъ вѣрно, замѣтилъ я,—и съ видимымъ сочувствіемъ.

— Оба принадлежатъ къ такого рода людямъ, что о нихъ нельзя сказать слишкомъ много хорошаго, но я не удивился бы, еслибы Шлегель и ихъ осыпалъ бранью. Онъ справедливъ также къ Эсхилу и Софоклу; но это, кажется, происходитъ не отъ того, что онъ проникнутъ живымъ чувствомъ удивленія къ ихъ по-истинѣ необычайнымъ достоинствамъ, но потому, что у филологовъ принято ста-

---

¹⁾ Ср. выше подъ 30-мъ марта 1824, 15-мъ октября 1825 и ниже, подъ 1-мъ апрѣля 1827 г.

вить ихъ обоихъ очень высоко. Въ сущности, личность Шлегеля слишкомъ мелка, чтобъ понять столь высокія натуры и оцѣнить ихъ какъ слѣдуетъ. Иначе, онъ былъ бы справедливъ и къ Эврипиду, и не поступилъ бы относительно его такъ, какъ теперь. Но онъ знаетъ, что Эврипида филологи ставятъ не такъ-то высоко, а потому, на основаніи столь важнаго авторитета, онъ съ немалымъ удовольствіемъ чувствуетъ, что ему не воспрещено нападать самымъ мерзкимъ образомъ на этого великаго грека и обращаться съ нимъ, какъ со школьникомъ. Я не спорю, что у Эврипида есть недостатки; но онъ всегда былъ весьма достойнымъ соперникомъ Софокла и Эсхила. Если онъ не обладалъ высокой важностью и строгой художественностью обоихъ своихъ предшественниковъ, и въ сравненіи съ ними, какъ драматургъ, обрабатывалъ свои сюжеты нѣсколько нерадиво и человѣчнѣе, то онъ навѣрно настолько зналъ своихъ аѳинянъ, чтобъ чувствовать, что взятый имъ тонъ вполне подходитъ для его современниковъ. Но поэтъ, котораго Сократъ называлъ своимъ другомъ и Аристотель ставилъ высоко, которому удивлялся Менандръ и при вѣсти о смерти котораго Софокль и всѣ Аѳины надѣли трауръ, такой поэтъ, дѣйствительно, что нибудь да значилъ. Когда человѣкъ новаго времени, какъ Шлегель, указываетъ на недостатки подобнаго великаго грека, то онъ долженъ дѣлать это не иначе, какъ стоя предъ нимъ на колѣняхъ ¹⁾).

1) «Я радъ, что ты внялъ моимъ настояніямъ и занимаешься Мольеромъ. Наши милые нѣмцы думаютъ выказать остроуміе, высказывая пародоксы, то-есть несправедливости. Сказанное Шлегелемъ въ его *Чтеніяхъ* о Мольерѣ глубоко меня оскорбило; я много лѣтъ хранилъ молчаніе, но теперь я вновь за-

Воскресенье, 1-го апрѣля 1827.

Вечеромъ у Гете. Я рассказывалъ ему о вчерашнемъ представленіи его *Ифигеніи*, въ которомъ г. Крюгеръ, артистъ берлинскаго королевскаго театра, съ большимъ успѣхомъ исполнялъ роль Ореста.

— Пьеса трудна для исполненія, сказалъ Гете.— Она богата *внутренней* жизнью, но бѣдна *внѣшней*. Требуется, чтобъ внутренняя жизнь была выдвинута на первый планъ. Основу пьесы составляютъ разнообразныя ужасы, и изъ нихъ проистекають охватывающія впечатлѣнія. Напечатанныя слова, право, только блѣдный отблескъ той жизни, которая кипѣла во мнѣ при замыслѣ. Актеръ же долженъ вновь передать тотъ первичный жаръ, который вдохновлялъ поэта. Мы должны видѣть грековъ, которыхъ еще недавно обвѣвало морскимъ вѣтромъ,

говорю и, оспаривая эти ошибки, принесу утѣшеніе великому числу умныхъ людей всѣхъ временъ.—Сами французы не согласны насчетъ *Мизантропа*: то Мольеръ изобразилъ характеръ нѣкотораго придворнаго, извѣстнаго своей непреклонной строгостью; то онъ нарисовалъ самого себя. Онъ, конечно, черпалъ въ своемъ сердцѣ; онъ нарисовалъ свои отношенія къ свѣту. Но какія отношенія?—Только самыя простыя. Я бьюсь о закладъ, что ты не въ одномъ мѣстѣ понялъ намеки. Развѣ ты не играешь той же роли относительно окружающихъ? Что касается меня, то хотя я и достаточно старъ, а мнѣ не удалось помѣститься подлѣ боговъ Эпикура». (Письмо къ Цельтеру, отъ 27-го іюля 1828 г.).—Въ письмѣ отъ 26 го октября 1831 г. онъ говоритъ о Шлегеляхъ слѣдующее: «Братья Шлегели, обладающіе прекрасными способностями, были всю свою жизнь и остались несчастными созданіями. Они желали показать, что имѣютъ большее значеніе, чѣмъ какое могли имѣть; они хотѣли оказывать большее, чѣмъ могли, вліяніе; чрезъ это они надѣлали вреда и искусству, и литературѣ. Художники и любители еще не излѣчились отъ ихъ ложныхъ доктринъ, ко-

сильныхъ героевъ; ихъ преслѣдовали и имъ угрожали разныя бѣды и опасности, и теперь они въ сильной рѣчи высказываютъ, что повелѣваетъ имъ сердце. Но мы вовсе не желаемъ видѣть слабосильныхъ актеровъ, не умѣющихъ чувствовать, которые кое-какъ затвердили роли наизусть, а еще менѣе — актеровъ, вовсе не знающихъ ролей. Я долженъ сознаться, что мнѣ еще ни разу не удавалось видѣть хорошаго исполненія *Ифигеніи*. Вотъ почему я и вчера не пошелъ въ театръ. Я нестерпимо страдаю, когда принужденъ бороться съ этими призраками, которые не могутъ стать тѣмъ, чѣмъ должны быть.

— Вы, вѣроятно, остались бы довольны такимъ Орестомъ, какимъ явился г. Крюгеръ, сказалъ я. — Его игра была такъ ясна, что въ его роли не осталось ничего непонятнаго, ничего темнаго. Онъ

торья, проповѣдую союзъ эгоизма съ разслабленіемъ, выставляли его чѣмъ-то достойнымъ. Нѣкоторое время слѣдуетъ замалчивать объ этой ошибкѣ, дабы не повергнуть въ отчаяніе тѣхъ, кому придется открыть глаза. А пока намъ приходится покровительствовать художникамъ, произведеній коихъ никто не хочетъ покупать, потому что они никому ничего не говорятъ. Такимъ образомъ наши превосходныя Общества искусствъ честно подсмѣиваются надъ нами, пуская въ лотерею картины, которыхъ никто не купилъ бы; выигравшій не знаетъ хорошенько, радоваться ли ему... Фридрихъ Шлегель и задохся отъ постоянного пережевыванія этихъ вздорныхъ мнѣній о религіи и морали, которыя, въ теченіе своего несчастнаго существованія, онъ такъ охотно сообщалъ и распространялъ; тогда онъ обратился въ католицизмъ, и въ этомъ крушеніи увлекъ за собою Адама Мюллера... См. также «Переписку Шиллера и Гете». Оба друга были согласны въ этомъ отношеніи. Шиллеръ, по живости своего характера, даже порицалъ терпимость, порой даже почти благосклонность Гете по отношенію къ романтическимъ Діоскурамъ.

вполнѣ проникся ролью, и я не забуду ни его жестовъ, ни его рѣчи. Все что Орестъ видитъ въ бреду, всѣ эти призраки, онъ такъ выражалъ своими жестами и чередующимися измѣненіями тона и голоса, что казалось, будто видишь ихъ во-очію. Видя такого Ореста, Шиллеръ, конечно, не пожелалъ бы присутствія фурій; онѣ были и сзади, и вокругъ него. Всѣхъ сильно поразило то важное мѣсто роли, когда Орестъ, пробуждаясь отъ обморка, думаетъ, что онъ въ Аидѣ. Казалось, видишь ряды предковъ, которые бродятъ, разговаривая между собою; видишь, какъ Орестъ подходитъ къ нимъ, спрашиваетъ ихъ и, наконецъ, сливается съ ними. Казалось, будто самъ умеръ и очутился среди блаженныхъ тѣней; такъ чисто и глубоко чувствовалъ артистъ, и такъ великъ его талантъ, что онъ заставлялъ какъ бы видѣть во-очію то, что трудно представить.

— О, вы еще изъ тѣхъ, на которыхъ можно произвести впечатлѣніе! смѣясь сказалъ Гете.—Но продолжайте. Онъ, кажется, въ самомъ дѣлѣ былъ хорошъ. Что-жъ, у него богатые физическія средства?

— Голосъ у него чистый и звучный; онъ его много упражнялъ, и достигъ высокой степени гибкости и разнообразія. Онъ легко побѣждалъ трудности, благодаря физической силѣ и подвижности; казалось, что онъ всю жизнь не пренебрегалъ тѣлесными упражненіями.

— Актеру, по настоящему, сказалъ Гете,—слѣдуетъ также учиться у скульптора и живописца. Такъ, для исполненія роли греческаго героя, ему необходимо хорошо изучить всѣ дошедшія до насъ античныя статуи и воспринять въ себя безыскусственную грацію ихъ посадки, стоянія и походы.

Но ему не достаточно однихъ тѣлесныхъ упражненій. Онъ долженъ образовать свой умъ прилежнымъ изученіемъ лучшихъ древнихъ и новыхъ писателей; это пригодится ему не только для пониманія ролей, но все его существо и его осанка получатъ благородный оттѣнокъ. Но рассказывайте дальше! Чтò хорошаго вы еще въ немъ замѣтили?

— Мнѣ показалось, что онъ очень любитъ свое дѣло. Старательнымъ изученіемъ онъ уяснилъ себѣ всѣ подробности; онъ вполнѣ свободно жилъ и двигался въ образѣ своего героя; въ немъ не было ничего, чего бы онъ не усвоилъ. Отсюда проистекали вѣрное выраженіе и вѣрный акцентъ каждаго отдѣльнаго слова, и такая увѣренность, что для него суфлеръ былъ совершенно излишенъ.

— Меня это радуетъ; такъ оно и слѣдуетъ, скажаль Гете.—Нѣтъ ничего ужаснѣе, когда артистъ не владѣетъ своей ролью, и при всякой новой фразѣ долженъ слушать суфлера, отчего вся игра превращается въ ничто и становится безсильна и безжизненна. Пьеса можетъ имѣть успѣхъ только тогда, когда все идетъ увѣренно, безъ запинки и живо. Ну, ну, я очень радъ, что у Крюгера все такъ хорошо сошло. Цельтеръ рекомендовалъ его мнѣ, и мнѣ было бы досадно, еслибъ онъ не справился съ ролью. Я съ своей стороны откину маленькій фарсъ; я подарю ему экземпляръ *Ифигеніи* въ хорошемъ переплетѣ и напишу въ посвященіи стихи въ честь его игры.

Разговоръ обратился къ *Антигонѣ* Софокла и господствующему въ ней высокому нравственному чувству; затѣмъ перешелъ къ вопросу: какъ появилось нравственное чувство въ мірѣ?

— Отъ самого Бога, какъ и все доброе, сказалъ Гете.—Нравственность не есть продуктъ человѣческаго размышленія, но она создана съ нами и прирождена намъ. Она болѣе или менѣе прирождена всякому человѣку, но въ высокой степени—только отдѣльнымъ, особенно богато одареннымъ душамъ. Онѣ, при помощи великихъ дѣлъ или ученія, раскрыли свою божественную сущность, которая полюбилась людямъ въ силу красоты своего проявленія и сильно возбудила въ нихъ почтеніе къ себѣ и соревнованіе. Сознаніе достоинства нравственной красоты и добра могло быть также приобрѣтено при помощи опыта и мудрости, потому что дурное оказывалось такимъ по своимъ послѣдствіямъ, разрушая счастье, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и общее; напротивъ, благородное и справедливое признавалось таковымъ потому, что оно и влекло за собою, и утверждало частное и общее счастье. Такимъ образомъ нравственно-прекрасное могло стать предметомъ поученія и, будучи выражено, распространиться въ народахъ.

— Я недавно гдѣ-то прочелъ мнѣніе, сказалъ я,—будто нравственная красота собственно и была предметомъ греческой трагедіи.

— Не столько нравственное, какъ чисто-человѣское во всемъ его объемѣ, возразилъ Гете;—особенно же въ тѣхъ случаяхъ, когда, приходя въ столкновеніе съ грубыми властью или учрежденіями, оно принимало трагическій оттѣнокъ. Къ этой области, конечно, принадлежит и нравственное чувство, какъ главная составная часть человѣческой природы. Нравственное же значеніе *Антигоны* зависитъ не отъ изобрѣтательности Софокла; оно заключается въ самомъ сюжетѣ, въ которомъ, кромѣ нравствен-

ной красоты, много такого, что способно произвести драматическое впечатлѣніе.

Гете затѣмъ заговорилъ о характерахъ Креона и Исмены и о необходимости обоихъ этихъ лицъ для раскрытія прекрасной души героини.

— Все благородное, сказалъ онъ, — тихо по природѣ и, повидимому, спитъ, пока его не разбудитъ и не вызоветъ наружу какое нибудь противорѣчіе. Такое противорѣчіе и представляетъ Креонъ: онъ выведенъ отчасти ради Антигоны, дабы обнаружить ея благородную натуру и правоту ея дѣла; отчасти ради самого себя, дабы явить намъ свое несчастное заблужденіе, какъ нѣчто ненавистное. Но Софокль желалъ показать намъ высокую душу своей героини еще до начала дѣйствія, а потому требовалось еще противорѣчіе для обнаруженія ея характера, и его-то представляетъ Исмена. Въ ней поэтъ желалъ дать намъ мѣру обыкновенной женщины, и высота Антигоны, превышающая эту мѣру, поэтому является болѣе наглядной.

Затѣмъ мы говорили о драматическихъ писателяхъ вообще и о томъ, какое вліяніе они оказываютъ и могутъ оказывать на множество людей.

— Великій драматическій писатель, сказалъ Гете, — когда онъ многоплоденъ и когда его произведенія проникнуты присущимъ ему благороднымъ настроеніемъ, можетъ достигнуть того, что душа его творенія станетъ душою народа. И по-моему ради этого стоитъ потрудиться. Отъ Корнеля исходила сила, способная образовать геройскія души. И Наполеонъ, которому нуженъ былъ героическій народъ, цѣнилъ это; поэтому-то онъ и говорилъ, что, будь живъ Корнель, онъ сдѣлалъ бы его княземъ. Драматическій писатель, сознающій свое призваніе, дол-

женъ поэтому неуклонно трудиться надъ своимъ развитіемъ, дабы дѣйствіе, которое онъ оказываетъ на народъ, было благородно и благотворно. Слѣдуетъ изучать не сверстниковъ и соперниковъ, а великихъ писателей былыхъ временъ, чьи произведенія уже цѣлыя вѣка имѣютъ все ту же важность и значеніе. Человѣкъ, дѣйствительно высокоодаренный, самъ по себѣ чувствуетъ въ томъ потребность, и именно эта потребность общенія съ великими предшественниками есть признакъ высокаго призванія. Изучайте Мольера, изучайте Шекспира, но особенно древнихъ грековъ и постоянно грековъ.

— Для высокоодаренныхъ натуръ, замѣтилъ я,— конечно, изученіе произведеній древности окажется неопѣненнымъ; но, кажется, что вообще оно не оказываетъ большого вліянія на личный характеръ. Еслибъ это было, то всѣ филологи и теологи становились бы прекрасными людьми. Но этого не случается, и знатоки древнихъ греческой и латинской литературъ бываютъ или хорошими людьми, или негодяями, смотря по тому, даны ли имъ съ рожденія отъ Бога, или получены отъ родителей добрыя или злыя свойства.

— Противъ этого нечего возразить, сказалъ Гете;— но это еще не доказываетъ, что изученіе древнихъ литературъ вообще не оказываетъ вліянія на образованіе характера. Негодяй, конечно, останется негодяемъ, и мелкая натура ни на вершокъ не выростетъ отъ ежедневнаго даже общенія съ великими древними умами. Но человѣкъ благородный, въ чью душу Богъ вложилъ способность къ грядущему величію характера и духа, чрезъ знаніе и близкое общеніе съ возвышенными натурами грековъ и римлянъ былыхъ временъ, разовьется величественнымъ

образомъ; онъ съ каждыиъ днемъ замѣтно станеть достигать равной имъ высоты.

Среда, 11-го апрѣля 1827.

Сегодня, въ часъ, я отправился къ Гете, который пригласилъ меня на предобѣденную прогулку. Мы поѣхали по Эрфуртской дорогѣ. Погода была отличная; поля, по обѣ стороны дороги, освѣжали глаза пріятной зеленью; Гете, казалось, по настроенію былъ веселъ и юнъ, какъ начинающаяся весна, но его слова звучали старческой мудростью.

— Я всегда говорилъ и повторяю, началъ онъ,— что міръ не могъ бы существовать, не будь онъ такъ простъ. Эта жалкая почва обрабатывается уже тысячу лѣтъ, а у нея все прежнія силы. Немножко дождя, немножко солнца, и она зеленѣетъ каждую весну, и такъ далѣе.

Мнѣ нечего было ни возражать, ни прибавлять къ этимъ словамъ. Гете повелъ глазами по зеленѣющимъ полямъ, и затѣмъ, обратясь ко мнѣ, заговорилъ о другихъ вещахъ.

— Я надняхъ прочелъ странную книгу, именно: *Переписку Якоби и его друзей*¹⁾. Это очень замѣчательная книга, и вы должны прочесть ее, не для того, чтобъ чему нибудь изъ нея научиться, но ради того, чтобъ получить понятіе о тогдашнемъ, мало извѣстномъ состояніи культуры и литературы. Вы увидите извѣстныхъ, въ нѣкоторой степени замѣчательныхъ людей, но ни слѣда одинаковаго направленія и общихъ интересовъ; всякій обособляется

---

¹⁾ Эта переписка (Friedrich Heinrich Jacobi's auserlesener Briefwechsel) была издана Фр. Ротомъ, въ двухъ томахъ въ 1825—27 г.

и идетъ своей дорогой, отнюдь не принимая участія въ стремленіяхъ другого. Они представляются какими-то бильярдными шарами, которые катаются по зеленому полю, ничего не зная другъ о другѣ, и когда имъ случится столкнуться, то вслѣдъ затѣмъ они еще дальше отскакиваютъ одинъ отъ другого¹⁾.

Я разсмѣлся этому удачному сравненію. Я спросилъ, кто участвовалъ въ этой корреспонденціи, и

¹⁾ Въ замѣткѣ объ этой перепискѣ Гете говорить слѣдующее: «Это очень интересное чтеніе для... публики, но для меня весьма печальное. Я ясно вижу, почему не могъ никогда согласиться съ этими людьми, впрочемъ, такими добрыми, такими замѣчательными... Всякій говорить особымъ языкомъ, въ полной увѣренности, что онъ наилучшій; что касается предмета спора, то никто и не прикасается къ нему. За малыми исключениями, всѣ они отправились на свадьбу, но никто не выдалъ новобрачной... Они говорятъ другъ другу много любезностей, но, чуть требуется открыть свою душу, они удаляются другъ отъ друга... Якоби не зналъ природы и не желалъ изучать ее; онъ даже говорилъ, что *она скрываетъ отъ него Бога*. Онъ торжествовалъ, думая что доказалъ мнѣ, что философіи природы не существуетъ, точно для зрячаго человѣка видимый міръ не открываетъ и днемъ, и ночью самыхъ таинственныхъ законовъ. Именно въ этой постоянной гармоніи безконечнаго разнообразія я и *вижу* самымъ яснымъ образомъ черты, проведенныя Божьей десницею. Поэтому, я люблю нашего Данта, который указываетъ намъ на *Божью внучку*: «Отъ Бога отца вышла природа, восхитительная дѣва; Духъ человѣческій отыскалъ ее и добился ея любви; ихъ союзъ не былъ бесплоденъ; родился гениальный ребенокъ; этотъ ребенокъ— философія природы. Вы видите, что она почти *внучка Божья*».

E se tu ben la tua Fisica note,
Tu troverai non dopo molte carte,
Che l'arte vostra quella, quanta puote,
Segue, come'l maestro fa il discente,
Sì che vostr'arte a Dio quasi è nipote.
(Dante, *Inferno*, c. XI, 101).

Гете называлъ мнѣ нѣсколько именъ, сказавъ что нибудь о каждомъ.

— Якоби былъ собственно рожденный дипломатъ; красивый, стройный, тонкій и важный въ обращеніи, онъ, какъ посланникъ, былъ бы вполне на своемъ мѣстѣ. Но ему кой чего недоставало, чтобъ стать поэтомъ или философомъ. Его отношенія ко мнѣ были особаго рода. Лично меня онъ любилъ, но онъ не принималъ никакого участія въ моихъ стремленіяхъ, и тѣмъ менѣе одобрялъ ихъ. А потому, чтобъ сблизиться, намъ была необходима дружба. Напротивъ, мои отношенія къ Шиллеру тѣмъ и отличались отъ другихъ, что насъ могущественно связывали общія стремленія, а потому и не требовалось никакой такъ называемой особой дружбы.

Я спросилъ, участвовалъ ли Лессингъ въ перепискѣ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Гете;—но Гердеръ и Виландъ—да. Гердеру при этомъ было не по себѣ; онъ стоялъ слишкомъ высоко и пустота не могла не утомлять его; Гаманъ обращался съ этими господами также свысока. Виландъ, какъ всегда, и въ этихъ письмахъ является веселымъ и точно дома. Не чувствуя пристрастія ни къ одному, онъ умѣлъ входить въ чужія мнѣнія. Онъ походилъ на тростникъ, колеблемый изъ стороны въ сторону вѣтромъ мнѣній; но на тростникъ, который въ то же время крѣпко держится на своихъ корешкахъ. Мои личныя отношенія къ Виланду были всегда хороши, особенно въ раннее время, когда онъ былъ весь мой. Свои маленькіе рассказы онъ написалъ по моему настоянію. Когда Гердеръ пріѣхалъ въ Веймаръ, Виландъ измѣнилъ мнѣ; Гердеръ отвлекъ его отъ меня: у Гердера была необыкновенная привлекательность.

Карета повернула домой. На востокѣ сходились дождевыя тучи. «Эти облака», сказалъ я, «уже настолько образовались, что всякое мгновеніе могутъ разразиться дождёмъ. Могутъ ли они опять разрѣдѣть, если барометръ подымется?» — Да, отвѣчалъ Гете, — эти облака исчезнуть и разойдутся, какъ нити съ веретена. До того я вѣрю барометру. И я всегда говорю и утверждаю, что, еслибъ въ ночь большого петербургскаго наводненія барометръ поднялся, то вода не вышла бы изъ береговъ. Мой сынъ думаетъ, что на погоду имѣетъ вліяніе мѣсяцъ, и вы, можете быть, думаете такъ же, и я не стану васъ осуждать за это: мѣсяцъ слишкомъ значительная звѣзда, чтобъ не имѣть рѣшительнаго вліянія на землю; но перемѣна погоды, повышенія и пониженія барометра не зависятъ отъ фазъ мѣсяца: это вполнѣ земныя явленія. Я сравниваю землю съ окружающимъ ее кругомъ водяныхъ паровъ, съ огромнымъ живымъ существомъ, которое постоянно вдыхаетъ и выдыхаетъ. Вдыхая, земля притягиваетъ къ себѣ паровой кругъ; онъ приходитъ въ соприкосновеніе съ ея поверхностью и сгущается въ облака и дождь. Это состояніе я называю *утвержденіемъ* влажности¹⁾; еслибъ оно длилось долѣе опредѣленнаго времени, то земля была бы затоплена. Но этого не бываетъ; земля снова выдыхаетъ и гонитъ водяныя пары кверху, гдѣ они распространяются по всему верхнему пространству атмосферы и до того утончаются, что сквозь нихъ не только проникаетъ солнечный цвѣтъ, но и синѣтъ вѣчный мракъ безконечнаго пространства. Это состояніе атмосферы я называю *отрицаніемъ* влажности. Какъ при противо-

¹⁾ Ср. выше подъ 22-мъ марта 1824 г.

положномъ ему явленіи не только ниспадаетъ много воды, но и влажность земли не уменьшается и не высыхаетъ; такъ при этомъ—наоборотъ—не только не падаетъ влаги сверху, но и земная сырость подымается и исчезаетъ въ воздухъ; еслибъ это продолжалось долѣе положеннаго времени, то даже и безъ солнца земля подвергалась бы опасности чрезмѣрно высохнуть.—Вещь очень простая, и я всегда держусь простого и вполне понятнаго, не позволяя себѣ увлекаться отдѣльными уклоненіями. Высокій барометръ: сушь, восточный вѣтеръ; низкій барометръ: сырость, западный вѣтеръ; вотъ важнѣйшій законъ, котораго я держусь. И, если при высокомъ барометрѣ и восточномъ вѣтрѣ появляется сырой туманъ, или если небо ясно при западномъ вѣтрѣ, то я этимъ не смущаюсь и не теряю вѣры въ главнѣйшій законъ, но только заключаю, что существуютъ еще другія совмѣстныя причины, которыхъ скоро не откроешь¹⁾.—Я скажу вамъ нѣчто, продолжалъ Гете,—чѣмъ вы можете руководствоваться въ жизни. Въ природѣ есть доступное и недоступное. Надо умѣть различать ихъ, и держаться такого различенія. Было бы хорошо, еслибъ мы умѣли всюду различать это, хотя всегда трудно усмотрѣть, гдѣ начинается одно и кончается другое. Кто этого не знаетъ, тотъ промучается всю жизнь надъ недостижимымъ, нисколько чрезъ то не приближаясь къ истинѣ. Но, кто уменъ и знаетъ это, тотъ будетъ держаться достижимаго, и, двигаясь во всѣ стороны и укрѣпляясь въ этой области, онъ такимъ путемъ можетъ постигнуть отчасти и недостижимое, хотя

---

¹⁾ Свои идеи Гете развилъ въ своемъ «Versuch einer Meteorologie».

всегда будетъ готовъ сознаться, что къ нѣкоторымъ вещамъ мы можемъ приближаться только на известное разстояніе, и что въ природѣ всегда остается нѣчто загадочное, не разрѣшимое для человѣческихъ способностей.

Мы воротились довольно рано, чтобъ тотчасъ же сѣсть за столъ, и Гете показалъ мнѣ ландшафтъ Рубенса, именно лѣтній вечеръ. На переднемъ планѣ, слѣва, рабочіе возвращаются съ поля домой; въ срединѣ картины за пастухомъ идетъ въ деревню стадо овецъ; направо, глубже, стоитъ возъ, на который рабочіе накладываютъ сѣно, вблизи пасутся отпряженные лошади; еще дальше, по лугу и въ кустахъ, пасутся кобылицы съ жеребятами, и они, повидимому, останутся тутъ и на ночь. Разныя деревни и городъ ограничиваютъ свѣтлый горизонтъ картины, которая прелестнѣйшимъ образомъ изображаетъ дѣятельность и покой. Все вмѣстѣ и отдѣльныя подробности были изображены съ такой правдой и вѣрностью, что я выразилъ мнѣніе, что Рубенсъ нарисовалъ эту картину съ натуры.

«Отнюдь нѣтъ», сказалъ Гете; «столь совершенная картина никогда не встрѣчалась въ природѣ; она произведеніе поэтическаго духа художника. Но у великаго Рубенса была такая необыкновенная память, что всю природу онъ носилъ въ головѣ, и она во всѣхъ подробностяхъ всегда была въ его распоряженіи. Отсюда и проистекаетъ эта вѣрность и всего въ совокупности, и подробностей; такъ что намъ картина кажется копіей съ природы. Теперь такого ландшафта никто не нарисуетъ: теперь уже исчезло это умѣнье чувствовать и видѣть природу; нашимъ художникамъ не достаетъ поэзіи. И притомъ наши молодые таланты предоставлены самимъ

себѣ; нѣтъ живыхъ мастеровъ, которые могли бы ввести ихъ въ таинства искусства. Правда, кое чему можно научиться отъ мертвыхъ, но оказывается, что при этомъ заимствуются скорѣе нѣкоторыя частности, чѣмъ достигается проникновеніе въ глубину мысли и искусства мастера».

Вошли г-жа и г. фонъ-Гете, и мы сѣли за столъ. Разговоръ вертѣлся около разныхъ новостей: театръ, балы, дворъ. Но скоро мы вновь заговорили о серьезныхъ вещахъ, именно о религіозныхъ ученіяхъ въ Англіи.

— Вамъ пришлось бы, какъ мнѣ, сказалъ Гете, — изучать пятьдесятъ лѣтъ церковную исторію, чтобъ понять, какъ все это между собою связано. Напротивъ, въ высшей степени замѣчательно, съ чего магOMETANE начинаютъ обученіе своей религіи. Они укрѣпляютъ дѣтей въ томъ, составляющемъ основу ихъ религіи убѣжденіи, что съ человѣкомъ не можетъ случиться ничего, что не было бы издревле опредѣлено всеруководящимъ божествомъ; такимъ образомъ, они укрѣпляются и успокоиваются на всю жизнь, и ничего больше не требуютъ. Я не стану разбирать, что истинно и что ложно, что полезно или вредно въ этомъ ученіи; но въ глубинѣ, во всѣхъ насъ есть частица этой вѣры, хотя намъ ея и не преподавали. «Пуля, на которой не написано мое имя, въ меня не попадетъ», говоритъ солдатъ въ бою. И какъ бы онъ могъ сохранить мужество и веселость при угрожающей опасности безъ этой увѣренности? Христіанское ученіе: воробей не упадетъ съ кровли безъ воли вашего отца, происходитъ изъ того же источника, и говоритъ намъ о Провидѣніи, видящемъ и самое малое и безъ чьей воли и соизволенія ничто не можетъ случиться.

Обученіе философіи магометане начинаютъ съ слѣдующаго ученія: нѣтъ ничего, о чемъ нельзя было бы выразить противоположнаго мнѣнія, и они упражняютъ юношескіе умы въ томъ, что задаютъ: отыскать и выразить мнѣніе, противоположное данному утвержденію; этимъ достигается великая изворотливость и мыслей, и рѣчей. Когда же на каждое данное утвержденіе находится противоположное, то возникаетъ *сомнѣніе*: которое же изъ нихъ справедливо. Но въ сомнѣніи нельзя оставаться, и умъ стремится къ ближайшему разсмотрѣнію и *доказательству*, и если оно ведется достодожнымъ образомъ, то изъ него проистекаетъ увѣренность, въ которой человѣкъ находитъ полное успокоеніе. Вы видите, что этому ученію ничего не недостаетъ, и что со всѣми нашими системами мы не пошли дальше, да дальше нельзя и идти.

— Мнѣ это напоминаетъ грековъ, сказалъ я,—у нихъ философское образованіе должно было быть въ этомъ же родѣ, какъ то видно изъ ихъ трагедій; сущность ихъ, въ ходѣ дѣйствія, основывается вполне на противорѣчій. Едва одно изъ дѣйствующихъ лицъ выразитъ мнѣніе, другое съ такимъ же умомъ изложитъ совершенно противоположное.

— Вы вполне правы, сказалъ Гете,—тутъ есть и сомнѣніе, которое возбуждается въ зрителѣ или читателѣ; наконецъ, въ развязкѣ судьба даетъ намъ увѣренность, которая связана съ нравственнымъ ученіемъ и стоитъ на его сторонѣ.

Мы встали изъ-за стола, и Гете увелъ меня въ садъ, чтобъ продолжать разговоръ.

— У Лессинга, сказалъ я,—замѣчательно то, что онъ въ своихъ теоретическихъ сочиненіяхъ, напри-
мѣръ, въ *Лаокоонѣ*, никогда не идетъ прямо къ вы-

воду, но ведетъ насъ подобнымъ же философскимъ путемъ, излагая сперва мнѣніе, потомъ мнѣніе, ему противное, затѣмъ онъ приводитъ насъ къ сомнѣнію, и уже въ заключеніе даетъ извѣстнаго рода увѣренность. Мы скорѣй присутствуемъ при способѣ мышленія и изысканія, чѣмъ приобретаемъ широкіе взгляды и важныя истины, которые могли бы возбуждать наше собственное мышленіе и нашу производительность.

— Ваша правда, отвѣчалъ Гете;—Лессингъ самъ однажды даже выразился, что, еслибъ Богъ даровалъ ему мудрость, то онъ отказался бы отъ такого дара, и предпочелъ бы трудъ изслѣдованія. Философская система магометанъ можетъ послужить хорошимъ масштабомъ, который можно приложить и къ себѣ, и къ другимъ, ради испытанія,—до такой-то степени умственной высоты мы достигли. Лессингъ, согласно своей полемической натурѣ, любилъ держаться въ области противорѣчія и сомнѣнія; его дѣло — различать, и именно въ этомъ могъ блистательно высказаться его умъ. У меня вы найдете, напротивъ, нѣчто противоположное; я никогда не увлекался противорѣчіемъ: я старался въ глубинѣ души изгладить сомнѣніе, и высказывалъ только добытые результаты¹⁾.

¹⁾ Въ этомъ, кажется, заключается различіе между поэтической и философской натурой вообще. Философъ стремится къ неизвѣстному выводу, и для него важно указать тотъ путь, которымъ онъ шелъ въ изслѣдованіи, и научить насъ ему. Результатомъ поэтического воззрѣнія является цѣльный образъ, и даже въ научныхъ изслѣдованіяхъ поэту самымъ важнымъ кажется послѣднее слово, окончательный выводъ, который онъ, вдобавокъ, стремится выразить возможно образно. Д. А.

Я спросилъ Гете, кого изъ новыхъ философовъ онъ ставитъ выше.

— Безо всякаго сомнѣнія, Кантъ выше всѣхъ, сказалъ онъ.—Его ученіе оказывало наибольшее и непрерывнѣйшее вліяніе, и онъ глубже другихъ проникъ въ нашу культуру. Онъ имѣлъ вліяніе и на васъ, хотя вы его не читали. Теперь онъ вамъ даже и не нуженъ; все, что онъ могъ дать вамъ, вы уже получили. Если вамъ позже вздумается что либо прочесть изъ него, то я рекомендую вамъ его *Критику силы сужденія* (*Kritik der Urtheilskraft*), гдѣ онъ превосходно обработалъ реторику, посредственно поэзію, и неудовлетворительно пластическія искусства.

— Были ли у вашего превосходительства какія либо личныя сношенія съ Кантомъ?

— Нѣтъ. Кантъ не обращалъ на меня никакого вниманія, хотя я самъ по себѣ шелъ по пути, подобному его. Я написалъ *Метаморфозу растений* раньше, чѣмъ строчку прочелъ изъ Канта, но она вполне въ духъ его ученія. Различеніе субъекта отъ объекта, и взглядъ, что каждое твореніе существуетъ само по себѣ, и что пробковое дерево растетъ не для того, чтобы было чѣмъ закупоривать бутылки,—вотъ общее у меня съ Кантомъ, и я радъ, что въ этомъ встрѣтился съ нимъ. Позже я написалъ ученіе объ опытѣ, которое можно разсматривать, какъ критику субъекта и объекта и способа ихъ согласованія. Шиллеръ постоянно отговаривалъ меня отъ изученія Кантовской философіи. Онъ обыкновенно говаривалъ, что Кантъ мнѣ ничего не дастъ. Самъ же онъ, напротивъ, ревностно изучалъ его, и я также изучалъ его, и притомъ не безъ пользы.

Среда, 18-го апрѣля 1827.

Передъ обѣдомъ мы проѣхались съ Гете по Эрфуртской дорогѣ. Намъ на каждомъ шагу встрѣчались телѣги съ товаромъ, шедшія на Лейпцигскую ярмарку. Много также шло лошадей на привязи, и между ними попадались очень красивыя.

Нельзя не посмѣяться надъ эстетиками, сказавъ Гете, — которые мучаются надъ тѣмъ, чтобъ, при помощи отвлеченныхъ словъ, опредѣлить понятіе того невыразимаго, что мы разумѣемъ подъ словомъ, *прекрасное*. Прекрасное — первичный феноменъ¹⁾ который самъ не переходитъ въ явленіе, но становится видимымъ въ тысячѣ различныхъ обнаруженій творческаго духа, и столь же многообразной разнобразенъ, какъ сама природа.

— Я часто слышалъ, замѣтилъ я, — что природа всегда прекрасна; она приводитъ въ отчаяніе художниковъ, которымъ рѣдко удается уловить ее.

— Я знаю, что природа часто обнаруживаетъ недостижимую прелесть; но я отнюдь не того мнѣнія, что она прекрасна во всѣхъ своихъ проявленіяхъ. Бя намѣренія, правда, всегда хороши, но входящія обстоятельства не всегда допускаютъ обнаружиться совершенству. Такъ, дубъ — дерево, которое можетъ стать очень красивымъ. Но сколько счастливыхъ обстоятельствъ должно соединиться, чтобъ природѣ удалось произвести дѣйствительно прекрасный дубъ. Если дубъ растетъ въ лѣсной чащѣ, окруженный большими стволами, то онъ будетъ стремиться все кверху, все къ вольному воздуху и свѣту. Въ стороны онъ пустить только нѣ-

¹⁾ Urphänomen. Идея въ Платоновскомъ смыслѣ.

сколько слабыхъ вѣтвей, да и тѣ въ теченіе ста лѣтъ захирѣютъ и опадаютъ. Когда онъ достигнетъ наконецъ того, что его верхушка станетъ на свободѣ, то онъ успокоится, начнетъ раскидываться въ стороны и образуетъ вершину. Но онъ достигъ уже между тѣмъ середины своего возраста; онъ уже истратилъ свои свѣжія силы на многолѣтнее стремленіе кверху, и его теперешнее стремленіе могущественно раскинуться въ стороны уже не будетъ имѣть надлежащаго успѣха. При полномъ возрастѣ, онъ будетъ и высокъ, и крѣпокъ, и строенъ, но у него не будетъ того соотношенія между вѣтвями и вершиной, какое необходимо для полной красоты.—Если, напротивъ, дубъ выростетъ на сыромъ, болотистомъ мѣстѣ, на почвѣ слишкомъ питательной, то, если окажется достаточно мѣста, онъ преждевременно развѣтвится во всѣ стороны; ему будетъ недоставать противодѣйствующихъ, задерживающихъ развитіе вліяній, и въ немъ не разовьются ни узловатости, ни упругости, ни вязкости; издали онъ будетъ казаться слабымъ, въ родѣ липы, деревомъ; онъ не будетъ красивъ, по крайней мѣрѣ не такъ красивъ, какъ приличествуетъ дубу.—Наконецъ, если онъ выростетъ на горномъ склонѣ, на тощей и каменистой почвѣ, то у него черезчуръ разовьются узлы и свили, но ему будетъ не доставать свободного развитія; онъ захирѣетъ и остановится въ ростѣ, и никогда не достигнетъ того, чтобъ про него сказали: какая въ немъ изумительная сила!

— Я видѣлъ превосходные дубы нѣсколько лѣтъ назадъ, когда изъ Геттингена дѣлалъ экскурсіи по долинѣ Везера. Особенно сильныя деревья видѣлъ я въ Соллингѣ, въ окрестностяхъ Гекстера.

— Песчаная почва, или супесь, сказалъ Гете, — гдѣ дубъ можетъ пустить могучіе корни во всѣ стороны, кажется, самая благопріятная. При этомъ требуется, чтобъ было довольно мѣста, дабы онъ могъ воспринимать со всѣхъ сторонъ всѣ вліянія свѣта и солнца, дождя и вѣтра. Когда дубы растутъ въ уютной защитѣ отъ вѣтра и бури, то изъ нихъ ничего не выходитъ; но въ столѣтней борьбѣ со стихіями они становятся крѣпкими и сильными, и, достигнувъ полнаго роста, приводятъ насъ въ восхищеніе и изумленіе.

— Нельзя ли изъ этихъ вашихъ соображеній сдѣлать выводъ и сказать: твореніе становится прекраснымъ, достигнувъ вершины своего естественнаго развитія?

— Конечно; но надо сперва условиться, что именно разумѣть подъ вершиной естественнаго развитія.

— Я разумѣю подъ этимъ тотъ періодъ возрастанія, когда характеръ, свойственный тому или иному творенію, выразится вполне ясно.

— Въ этомъ смыслѣ нечего возразить противъ вашего опредѣленія, только слѣдуетъ прибавить, что подъ вполне выраженнымъ характеромъ надо разумѣть такое именно строеніе различныхъ членовъ даннаго творенія, которое соотвѣтствуетъ его природному назначенію, а, стало быть, цѣлесообразно. Такъ, напримѣръ, у дѣвушки-невѣсты, которой назначеніе рожать и питать дѣтей, было бы недостаткомъ малая широта таза, или неполнота груди. Но и излишекъ въ томъ или другомъ былъ бы также некрасивъ, потому что онъ преступалъ бы цѣлесообразность. Почему мы могли попавшихся намъ недавно навстрѣчу верховыхъ лошадей назвать красивыми, какъ не по причинѣ ихъ цѣлесообразности? Онѣ

обладали не только красотой, легкостью и грациозностью движеній, но и другими достоинствами, извѣстными хорошимъ наѣзδικамъ и знатокамъ, и отъ которыхъ мы, незнаючи, получаемъ только общее впечатлѣніе.

— Но развѣ нельзя назвать красивыми и ломовиковъ, въ родѣ тѣхъ сильныхъ коней, которые шли въ телѣгахъ брабантскихъ извозчиковъ? спросилъ я.

— Конечно, отвѣчалъ Гете; — почему же нѣтъ? Въ сильно выраженномъ характерѣ, въ крѣпкомъ развитіи костей, связокъ и мускуловъ такого красиваго коня живописецъ, вѣроятно, найдетъ гораздо болѣе разнообразную игру всевозможныхъ красотъ, чѣмъ въ нѣжномъ, сглаженномъ характерѣ красивой верховой лошади. — Главное дѣло въ томъ, чтобъ порода была чиста, и человѣкъ не наложилъ на нее своей опощляющей руки. Лошадь съ остриженнымъ хвостомъ и гривой, собаки съ обрубленными ушами, дерево, у котораго обрубili самыя сильныя вѣтви, а остальные остригли въ видѣ шара, и особенно дѣвушка, которой испортили и обезобразили корпусъ корсетами, — все это вещи, отъ которыхъ отвращается хорошій вкусъ и которыя занесены только въ филистерскій катехизисъ красоты.

Въ такихъ и подобныхъ разговорахъ мы воротились домой. Передъ обѣдомъ мы прошли еще по саду. Погода была отличная; весеннее солнце начало сильно грѣть, и на кустахъ и изгорядахъ уже распускались листья и цвѣты. Гете былъ полонъ думъ и надеждъ на счастливое лѣто.

Обѣдъ прошелъ очень весело. Молодой Гете прочелъ *Елену* своего отца и говорилъ о ней съ пропитательностью природнаго ума. Античная часть

поэмы вполне ему понравилась, но романтическая, оперная половина, какъ было замѣтно, въ чтеніи не произвела на него живого впечатлѣнія.

— Въ сущности ты правъ; это вещь въ особомъ родѣ, сказалъ Гете.—Притомъ нельзя сказать, чтобъ разумное было всегда прекрасно; но прекрасное всегда разумно, или по крайности должно быть такимъ. Античная часть понравилась тебѣ потому, что она вполне ясна, потому что ты могъ обзрѣть всѣ ея подробности и что твой разумъ могъ примѣниться къ моему. Во второй части приведены въ дѣйствіе и обработаны тѣ же разсудокъ и разумъ; но она трудна и требуетъ нѣкотораго изученія, пока примѣнишься къ сюжету и согласишься свой разумъ съ разумомъ автора.

Затѣмъ Гете говорилъ съ большой похвалою и почтеніемъ о стихотвореніяхъ m-me Тастю, которыя онъ прочелъ надняхъ. Когда всѣ ушли, сталъ собираться и я, но онъ попросилъ меня посидѣть еще.

— Я готовлю вамъ еще угощеніе, сказалъ онъ.— Съ этими словами онъ положилъ предо мною гравюру, ландшафтъ Рубенса.—Вы уже видѣли у меня эту картину; но на совершенное нельзя вдосталь наглядѣться, а тутъ есть еще совсѣмъ особое дѣло. Можете ли вы разсказать, что вы именно видите?

— Ну, начиная съ глубины картины, я вижу на заднемъ планѣ свѣтлое небо, какое бываетъ тотчасъ послѣ захода солнца. Затѣмъ вдали: деревня и городъ, освѣщенные вечернимъ свѣтомъ. Въ серединѣ—дорога, по которой овечье стадо спѣшитъ въ деревню. Направо, кучи сѣна и телѣга, которую сейчасъ имъ нагружать. Лошади въ хомутахъ падутся подлѣ. Дальше, сбоку, разбрелись въ кустахъ кобылицы съ жеребятами и кажется, будто онѣ

тутъ въ ночномъ. Затѣмъ, ближе къ переднему плану, группа большихъ деревьевъ, и совсѣмъ на первомъ планѣ разные рабочіе идутъ домой.

— Прекрасно, сказалъ Гете;—вотъ и все. Но главно, однако, еще не хватаетъ. Съ которой стороны освѣщены всѣ эти изображенные предметы: стадо овецъ, телѣга съ сѣномъ, лошади и идущіе съ поля рабочіе?

— Свѣтъ на нихъ падаетъ съ нашей стороны, и они бросаютъ тѣнь вглубь картины. Особенно въ свѣту—рабочіе, и это производитъ прекрасный эффектъ.

— Чѣмъ же вызвалъ Рубенсъ этотъ эффектъ?

— Тѣмъ, что нарисовалъ эти свѣтлыя фигуры на темномъ фонѣ.

— Но отчего зависитъ этотъ темный фонъ?

— Отъ сильной тѣни, которую деревья бросаютъ по направленію къ фигурамъ. Но что же это, вскричалъ я съ изумленіемъ,—тѣнь отъ фигуръ падаетъ вглубь картины, а отъ деревьевъ, наоборотъ, къ зрителю? Такимъ образомъ, свѣтъ съ двухъ сторонъ; но вѣдь это совсѣмъ противъ природы!

— Въ этомъ-то и есть дѣло, слегка улыбаясь, сказалъ Гете.—Черезъ это-то и обнаруживается, что Рубенсъ великъ, и становится ясно, что онъ переступилъ черезъ натуру своимъ свободнымъ духомъ, и поступилъ такъ согласно съ своей высшей цѣлью. Двойной свѣтъ, конечно, насиліе, и вы въ правѣ сказать, что это совсѣмъ противъ природы. Но, хотя это и противъ природы, я все же скажу, что это *выше* природы; я все же скажу, что это смѣлый пріемъ мастера, который геніальнымъ образомъ доказываетъ, что искусство не вполне подчинено закону естественной необходимости, но что у него

есть свой законъ. Художникъ, конечно, въ подробностяхъ долженъ вѣрно и благочестиво подражать природѣ, онъ не долженъ по произволу измѣнять строеніе остова, или положенія связокъ и мускуловъ даннаго животнаго, потому что чрезъ это разрушится свойственный ему характеръ. Это значило бы уничтожать природу. Но въ высшихъ областяхъ художественной практики, когда дѣло идетъ о томъ, чтобъ картина стала настоящей картиной, художнику предоставляется свобода, и онъ тутъ можетъ прибѣгнуть къ *фигици*, какъ и поступилъ Рубенсъ въ этомъ ландшафтѣ относительно двойного свѣта. У художника двойное отношеніе къ природѣ: онъ въ одно и то же время и господинъ ея, и рабъ. Онъ ея рабъ—по скольку принужденъ дѣйствовать при помощи земныхъ средствъ, чтобъ стать понятнымъ; но онъ ея господинъ—по скольку подчиняетъ земныя средства своимъ высшимъ намѣреніямъ и заставляетъ ихъ служить себѣ. Художникъ говорить людямъ при помощи *цѣлаго*; но этого цѣлаго онъ не находитъ въ природѣ: оно плодъ его собственнаго духа, или, если угодно, дуновеніе божественно-оплодотвореннаго дыханія. Разсматривая поверхностно этотъ ландшафтъ Рубенса, мы естественно приходимъ къ заключенію, что онъ прямо списанъ съ натуры. Но это неправда. Такой прекрасной картины никогда не было видано въ природѣ; такъ же какъ не было ландшафтовъ Пуссена и Клода Ларрена, которые намъ кажутся также списанными съ натуры, но мы тщетно стали бы искать ихъ въ природѣ.

— А нельзя ли указать и въ литературѣ подобныхъ смѣлыхъ чертъ художнической фикци, какъ этотъ двойной свѣтъ Рубенса?

— За примѣромъ ходить недалеко, немного подумавъ отвѣчалъ Гете.—Я могъ бы указать на дюжины ихъ у Шекспира. Возьмемте только *Макбета*! Когда леди Макбетъ подбиваетъ своего мужа на убійство, то говоритъ: «Я кормила грудью дѣтей». Правда это или нѣтъ — все равно; но леди говоритъ, и должна сказать это, чтобъ придать тѣмъ своей рѣчи большую силу. Въ дальнѣйшемъ развитіи дѣйствія, когда Макдуффъ получаетъ извѣстіе о гибели своей семьи, онъ съ дикой яростью восклицаетъ: «У него нѣтъ дѣтей!» Эти слова Макдуффа противорѣчатъ словамъ леди; но Шекспиръ объ этомъ не заботился. Онъ заботился о силѣ каждой данной рѣчи, и какъ леди Макбетъ, чтобъ придать большій вѣсъ своимъ словамъ, должна была сказать: «Я кормила грудью дѣтей», такъ ради той же цѣли Макдуффъ говоритъ: «У него нѣтъ дѣтей». Вообще, не слѣдуетъ понимать въ слишкомъ ужъ точномъ и мелочномъ смыслѣ слово поэта, или мазокъ живописца; скорѣе художественное произведеніе, созданное смѣлымъ и свободнымъ духомъ, насколько возможно, слѣдуетъ созерцать и наслаждаться имъ при помощи такого же духа. Такъ, было бы глупо изъ словъ Макбета «рожай мнѣ только мальчиковъ» заключать, будто леди молоденькая женщина, еще не бывшая матерью. И было бы также глупо идти дальше и требовать, чтобъ леди являлась на сценѣ молоденькой женщиной. Шекспиръ заставляетъ Макбета сказать эти слова вовсе не за тѣмъ, чтобъ подчеркнуть молодость леди; эти слова, какъ и вышеприведенныя выраженія леди и Макдуффа, говорятся просто ради риторическихъ цѣлей, и означаютъ только, что поэтъ заставляетъ своихъ лицъ говорить въ данномъ мѣстѣ именно то,

что тутъ требуется; что хорошо именно тутъ и произведетъ впечатлѣніе, не особенно заботясь о томъ и не разсчитывая на то, что, быть можетъ, оно будетъ въ явномъ противорѣчій со словами, сказанными въ другомъ мѣстѣ.—Вообще, Шекспиръ врядъ ли думалъ, когда писалъ, что его пьесы будутъ напечатаны, что въ нихъ станутъ считать строчки, сопоставлять и сличать ихъ; скорѣе, у него передъ глазами была сцена: онъ видѣлъ, какъ его пьесы движутся и живутъ, какъ быстро онѣ проходятъ передъ глазами и пролетаютъ мимо ушей зрителей; что тутъ некогда останавливаться и критиковать подробности, а надо заботиться только о томъ, чтобы произвести наибольшее впечатлѣніе въ настоящій моментъ ¹⁾).

Вторникъ, 24-го апрѣля 1827.

Здѣсь Августъ-Вильгельмъ Шлегель. Гете проѣхался съ нимъ передъ обѣдомъ вокругъ Вебихта ²⁾, и сегодня въ честь его пригласилъ общество «на чай»; въ числѣ гостей былъ и спутникъ Шлегеля, д-ръ Лассенъ ³⁾. Весь Веймаръ, все именитое и чиновное было приглашено на вечеръ, и въ комнатахъ Гете была тѣснота. Г. фонъ-Шлегель былъ плотно окруженъ дамами и развѣтывалъ передъ ними узенькія полоски съ изображеніями индійскихъ боговъ и полнымъ текстомъ двухъ большихъ индійскихъ поэмъ, въ которыхъ, вѣроятно, никто ничего не понималъ, кромѣ его самого и д-ра Лассена. Шлегель былъ разодѣтъ и имѣлъ очень юношескій, цвѣтущій видъ, что подало поводъ нѣкоторымъ изъ при-

¹⁾ Ср. выше стр. 233.

²⁾ Лѣсокъ между Веймаромъ и Тифуртомъ.

³⁾ Оріенталистъ, профессоръ Боннскаго университета.

существующихъ предполагать, будто онъ знакомъ съ употребленіемъ косметическихъ средствъ.

Гете отвелъ меня къ окну. «Ну, какъ онъ вамъ понравился?» — Точно такъ же, какъ и прежде, отвѣчалъ я. — Конечно, онъ во многихъ отношеніяхъ не настоящій человѣкъ; но ради его многосторонней учености и большихъ заслугъ, ему можно кой-что простить.

Среда, 25-го апрѣля 1827.

Обѣдалъ у Гете съ д-ромъ Лассеномъ. Шлегель былъ сегодня вторично приглашенъ во дворецъ къ обѣденному столу. Г. Лассенъ показаль огромное знаніе индійской поэзіи, что для Гете, повидимому, было очень пріятно: онъ могъ пополнить свои весьма отрывочныя свѣдѣнія по этому предмету.

Я вечеромъ вновь заходилъ къ Гете на минутку. Онъ сказалъ мнѣ, что Шлегель въ сумерки заходилъ къ нему, и у нихъ былъ весьма значительный и поучительный разговоръ о литературныхъ и историческихъ предметахъ. «Только не слѣдуетъ требовать винограда отъ терновника и фигъ отъ чертополоха», сказалъ онъ въ заключеніе; «а все остальное превосходно».

Четвергъ, 3-го мая 1827.

Въ Парижѣ появился весьма удачный переводъ Стапфера драматическихъ произведеній Гете; въ *Le Globe*, въ прошломъ году, появился превосходный же разборъ ихъ г. Ампера; Гете онъ очень понравился; онъ часто возвращался къ нему и съ большими похвалами прочитывалъ изъ него мѣста.

«У г. Ампера очень высокая точка зрѣнія. Нѣмецкіе рецензенты въ подобныхъ обстоятельствахъ весьма часто исходятъ отъ философіи; при раз-

борѣ и разъясненіи поэтическихъ произведеній, они поступаютъ такъ, что ихъ толкованія понятны только философамъ ихъ школы, для другихъ же темнѣе того произведенія, которое должны объяснить. Г. Амперъ, напротивъ, поступаетъ вполнѣ практически, вполнѣ человѣчески. Какъ человѣкъ, основательно знающій свое дѣло, онъ указываетъ на сродство автора съ произведеніемъ, и разсматриваетъ различныя поэтическія произведенія, какъ различные плоды различныхъ періодовъ жизни поэта. Онъ глубоко изучилъ перемѣничивый ходъ моей жизненной дороги и моихъ душевныхъ состояній; онъ съумѣлъ увидѣть то, чего я не высказывалъ и что можно было, такъ сказать, прочесть между строкъ. Какъ вѣрно онъ замѣтилъ, что въ первыя десять лѣтъ моей служебной и придворной жизни въ Веймарѣ я все равно, что ничего не дѣлалъ; что отчаяніе заставило меня ѣхать въ Италію и что тамъ, почувствовавъ вновь охоту къ творчеству, я схватился за исторію Тассо, чтобъ при помощи этого подходящаго сюжета отдѣлаться ото всего тяжелаго и болѣзненнаго, что пристало ко мнѣ отъ веймарскихъ впечатлѣній и воспоминаній. Поэтому онъ очень удачно называетъ *Тассо* усиленіемъ *Вертера*. Такъ же умно говоритъ онъ о *Фаустѣ*, замѣчая, что не только мрачное, неудовлетворимое стремленіе главнаго лица, но и издѣвательство, и ѣдкая иронія Мефистофеля суть черты моего собственнаго характера».

Такимъ образомъ Гете часто признавалъ заслуги г. Ампера; мы весьма интересовались имъ, старались представить себѣ его личность, и хотя это намъ и не удавалось, но мы были согласны въ томъ, что онъ долженъ быть среднихъ лѣтъ; иначе онъ не могъ бы

до такой степени понимать взаимодѣйствіе жизни и творчества. Какъ же мы были изумлены, когда, нѣсколько дней назадъ, г. Амперъ пріѣхалъ въ Веймаръ и оказался полнымъ жизни, двадцати съ чѣмъ-то лѣтъ, молодымъ человѣкомъ. Не меньше были мы изумлены, когда онъ въ одинъ изъ послѣдующихъ визитовъ, сказалъ намъ, что всѣ сотрудники *Le Globe*, мудрости, умѣренности и высокой степени образованія которыхъ мы такъ часто удивлялись,—вполнѣ молодые люди.

— Я понимаю, сказалъ я, что очень молодой человѣкъ можетъ творить и, подобно Мериме, на двадцатомъ году написать превосходныя пьесы; но для меня совершенная новость, что въ такихъ молодыхъ лѣтахъ можно обладать такой проницательностью, такую глубину взгляда и обнаруживать такую высоту сужденія, какъ эти господа изъ *Le Globe*.

— Вамъ, въ вашихъ верестнякахъ, было трудно достигнуть этого, да и намъ, въ средней Германіи, пришлось довольно дорого заплатить за нашу небольшую мудрость. Потому что всѣ мы въ сущности ведемъ жалкую уединенную жизнь. Отъ своего народа мы получаемъ весьма невысокую культуру, а наши всѣ таланты и умные люди разбросаны по всей Германіи. Одинъ сидитъ въ Вѣнѣ, другой въ Берлинѣ, третій въ Кенигсбергѣ, тотъ въ Боннѣ или Дюссельдорфѣ, всѣ въ пятидесяти или во ста миляхъ одинъ отъ другого, а потому у насъ рѣдки личныя сношенія и личный обмѣнъ мыслей. А что бы это значило,—я понимаю всякій разъ, какъ пріѣзжаютъ сюда люди въ родѣ Александра фонъ-Гумбольдта, и когда онъ подвигаетъ меня въ томъ, что я ищу и что мнѣ необходимо знать, въ одинъ

день дальше, чѣмъ я бы достигъ одинъ, идя по уединенному пути въ теченіе цѣлыхъ лѣтъ. — Теперь представьте себѣ такой городъ, какъ Парижъ, гдѣ умнѣйшія головы большого королевства собраны на небольшомъ кускѣ земли и гдѣ они, при помощи ежедневныхъ встрѣчъ, споровъ и соревнованія, взаимно другъ у друга учатся и подвигаютъ другъ друга; гдѣ открыто для ежедневнаго обозрѣнія все лучшее изо всѣхъ царствъ природы и искусства всего земного шара; представьте себѣ этотъ міровой городъ, гдѣ всякій переходъ черезъ мостъ или площадь напоминаетъ вамъ о великомъ прошломъ, и на каждомъ перекресткѣ развивалась частица исторіи! И ко всему этому, представьте себѣ Парижъ не какого нибудь глухого и глупаго времени, а Парижъ девятнадцатаго вѣка, гдѣ тремя поколѣніями людей, въ родѣ Мольера, Вольтера, Дидро и имъ подобныхъ, пущена въ оборотъ такая масса мыслей, какой не было нигдѣ, ни на какомъ другомъ кускѣ земли на всемъ земномъ шарѣ, и тогда вы поймете, какимъ образомъ умный человѣкъ, какъ Амперъ, могъ развиться съ такой полнотой, что на двадцать четвертомъ году жизни уже что нибудь да значить. — Вы раньше сказали, что можете себѣ легко представить, что можно написать такія хорошія пьесы, какъ Мериме, на двадцать четвертомъ году жизни. Я ничего не имѣю противъ этого возразить и вполнѣ согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ, что зрѣлое юношеское творчество возможно зрѣлаго юношескаго сужденія. Но въ Германіи ни одинъ писатель въ возрастѣ Мериме не можетъ достигнуть такой зрѣлости, какая видна въ театрѣ *Клары Газуль*. Правда, Шиллеръ былъ очень молодъ, когда написалъ *Разбойниковъ*, *Коварство и Любовь*

и *Фіеско*; но, если мы хотимъ быть правдивыми, то должны сказать, что эти пьесы свидѣлствуютъ болѣе о необыкновенномъ талантѣ, чѣмъ о большой умственной зрѣлости автора. Но въ этомъ виновенъ не Шиллеръ, а состояніе образованности его народа и тѣ великія затрудненія, которыя всѣ мы испытываемъ, развиваясь въ уединеніи. Возьмите теперь Беранже. Онъ сынъ бѣдныхъ родителей, потомокъ бѣднаго портного, самъ—бѣдный типографскій ученикъ, затѣмъ служащій въ какой-то канцеляріи на маленькомъ жалованьѣ; онъ никогда не былъ ни въ классической школѣ, ни въ университетѣ, и, однако, въ его пѣсняхъ видно зрѣлое образованіе: онѣ полны граціи, остроумія и тончайшей ироніи; въ нихъ замѣтна такая художественная законченность и мастерская обработка языка, что ему дивится не только Франція, но и вся образованная Европа. Теперь, представьте себѣ, что этотъ самый Беранже родился и выросъ не въ Парижѣ, не въ этомъ міровомъ городѣ, а былъ бы сыномъ бѣднаго іенскаго или веймарскаго портного; пусть онъ пережилъ бы тѣ же бѣдствія въ маленькомъ городкѣ и затѣмъ спросите себя: какой плодъ принесло бы то же самое дерево, выростая на такой почвѣ и въ такой атмосферѣ? — А потому, повторяю, для того, чтобъ таланты могъ развиваться быстро и легко, необходимо, чтобъ много идей и солидной образованности вошло въ народный обиходъ. Мы удивляемся древнегреческимъ трагедіямъ; но мы должны дивиться не отдѣльнымъ авторамъ, а скорѣе тому времени и народу, гдѣ такія произведенія стали возможны. Хотя эти пьесы и различаются нѣсколько между собою, хотя одинъ изъ поэтовъ является болѣе великимъ и совершеннымъ, чѣмъ другой; но, если раз-

сма­три­вать ихъ вооб­ще и цѣ­ли­комъ, то они но­сятъ на себѣ всѣ извѣ­ст­ный опре­дѣ­лен­ный ха­рак­теръ. Имен­но — ха­рак­теръ ве­ли­ча­во­сти, важ­но­сти, здо­ро­вья, че­ловѣ­че­ска­го со­вер­шен­ства, вы­со­кой жи­тей­ской му­дрости, воз­вы­шен­на­го обра­за мы­слей, и ка­кихъ еще ка­чествъ не­льзя въ нихъ на­йти! Но всѣ эти ка­честв­а встре­ча­ются не толь­ко въ до­шед­шихъ до насъ дра­ма­ти­че­скихъ про­из­ве­де­нiяхъ, но и въ эпи­че­скихъ, и въ ли­ри­че­скихъ; далѣе, они встре­ча­ются у фи­ло­со­фовъ, ри­то­ровъ и ис­то­ри­ковъ, и въ столь же вы­со­кой сте­пени въ до­шед­шихъ до насъ про­из­ве­де­нiяхъ пла­сти­че­ска­го ис­кус­ства; въ ви­ду все­го это­го, не­воль­но убѣ­жда­ешь­ся, что та­кія свой­ства при­на­дле­жали не отдѣ­ль­нымъ ли­цамъ, а все­му на­ро­ду, все­му то­му вре­мени; что они на­хо­ди­лись уже въ его обиходѣ. — Возь­ми­те Бэрнса. От­че­го онъ ве­ликъ? — От­то­го, что старыя пѣ­сни его пред­шес­твен­ни­ковъ жи­ли въ устахъ на­ро­да, что онѣ, такъ ска­зать, пѣ­лись у его ко­лы­бел­и, что ре­бен­комъ онъ выросъ на нихъ, что со­вер­шен­ство этихъ обра­зцовъ, такъ ска­зать, сжи­лось съ нимъ, что у него было жи­вое ос­но­ва­ніе, на ко­то­ромъ онъ могъ соз­да­вать даль­ше. И онъ ве­ликъ еще от­то­го, что его соб­ствен­ныя пѣ­сни тот­часъ же про­ник­ли въ на­ро­дъ, что ихъ тот­часъ запѣ­ли ко­сари и жне­цы, что ими встре­ча­ли его въ ка­бач­кахъ ве­се­лые ребя­та. При та­кихъ об­сто­ятель­ствахъ онъ могъ кой­что сдѣ­лать! А что за бѣд­ность у насъ, нѣм­цевъ! Что было еще жи­во въ на­ро­дѣ отъ на­шихъ не ме­нѣе замѣ­ча­тель­ныхъ ста­рин­ныхъ пѣ­сень во время моей юности? Гер­деръ и его послѣ­до­ва­те­ли дол­жны бы на­чать ихъ за­пи­сы­вать, и тѣмъ спа­сти ихъ отъ за­бве­нiя; те­перь бы ихъ мож­но было, по край­ней мѣрѣ, на­йти въ би­блі­оте­кахъ. А по­томъ, что за пѣ­сни

писали Бюргеръ и Фоссъ! Кто скажетъ, что они хуже и не такъ народны, какъ пѣсни превосходнаго Бэрнса? Но что изъ нихъ вошло въ жизнь, что слышится въ устахъ народа? Онѣ написаны и стоятъ въ библіотекахъ, и испытали, такимъ образомъ, общую судьбу нѣмецкихъ поэтовъ. А много ли изъ моихъ пѣсенъ перешло въ жизнь? Правда, ту или другую пропоетъ хорошенькая дѣвушка у фортепьяно; но онѣ нѣмы собственно для народа. Съ какимъ чувствомъ могу я думать о времени, когда итальянскіе рыбаки пѣли Тассовскія октавы! Мы, нѣмцы, родились только вчера. Правда, мы уже вѣкъ какъ развиваемся вполнѣ солиднымъ образомъ; но пройдетъ еще два столѣтія, пока въ обиходъ нашихъ крестьянъ проникнетъ столько идей и вышей образованности, что и они, подобно грекамъ, станутъ благоговѣть предъ красотой, что и они будутъ восхищаться красивой пѣсней, и что и о нихъ можно будетъ сказать: они уже давно вышли изъ варварства.

Пятница, 4-го мая 1827.

Большой обѣдъ у Гете въ честь Ампера и его друга, Стапфера. Разговоръ былъ громкій, веселый и самый пестрый. Амперъ много рассказывалъ Гете о Мериме, объ Альфредѣ де-Виньи и другихъ замѣчательныхъ талантахъ. Говорили также очень много о Беранже, чьи несравненные пѣсни Гете вспоминаетъ каждый день. Зашла рѣчь о томъ, слѣдуетъ ли отдать преимущество веселымъ пѣснямъ Беранже передъ политическими; причемъ Гете развивалъ мнѣніе, что чисто поэтическій сюжетъ на столько же превышаетъ политическій, какъ чистая вѣчная правда природы партійное воззрѣніе. «Впрочемъ», сказалъ

онъ, «въ своихъ политическихъ пѣсняхъ Беранже явился благодѣтелемъ своего народа. Послѣ вторженія союзниковъ, французы нашли въ немъ лучшаго выразителя своихъ подавленныхъ чувствъ. Онъ многочисленными воспоминаніями заставилъ ихъ думать о славѣ оружія при императорѣ, память о которомъ была еще жива во всякой хижинѣ, и великія качества котораго поэтъ любилъ самъ, хотя и не желалъ продолженія его деспотизма. Теперь, при Бурбонахъ, онъ чувствуетъ себя не по себѣ. Дѣйствительно, это изжившійся родъ! А нынѣшніе французы желаютъ видѣть на тронѣ великія качества, хотя они и любятъ соцарствовать своимъ государямъ и вставлять свое слово».

Послѣ обѣда общество разбрелось по саду, а Гетекивнулъ мнѣ, и мы поѣхали прогуляться по Тифуртской дорогѣ. Во всю прогулку онъ былъ очень добръ и любезенъ. Онъ радовался, что завязалъ такія прекрасныя сношенія съ Амперомъ, и надѣялся, что это будетъ имѣть прекрасныя послѣдствія для изученія и распространенія нѣмецкой литературы во Франціи. «Образованіе Ампера такъ высоко», сказалъ онъ, «что онъ далеко отбросилъ всѣ національные предразсудки, узость взглядовъ и ограниченность многихъ своихъ соотечественниковъ; по духу, онъ скорѣе гражданинъ міра, чѣмъ города Парижа. Я предвижу время, когда во Франціи тысячи будутъ думать такъ же, какъ онъ».

Суббота, 6-го мая 1827.

Обѣдъ у Гете; приглашены были тѣ же лица, что и прошлый разъ. Много говорили о *Еленѣ* и *Тассо*. Гете разсказывалъ намъ, что въ 1797 году онъ имѣлъ

намѣреніе обработать сказаніе о Теллѣ въ эпической формѣ, въ гекзаметрахъ.

«Въ сказанномъ году я вновь посѣтилъ малые кантоны и озеро Четырехъ кантоновъ», сказалъ онъ; «эта прелестная, великолѣпная и величественная природа вновь произвела на меня такое впечатлѣніе, что меня взманило изобразить въ поэмѣ разнообразіе и богатство этого несравнимаго пейзажа. Но, чтобъ придать моему изображенію больше привлекательности, интереса и жизни, я почелъ за лучшее отѣнить эту въ высшей степени замѣчательную страну такими же человѣческими фигурами, и мнѣ показалось, что для такой цѣли весьма удобно сказаніе о Теллѣ.

«Телль представлялся мнѣ могучимъ, довольнымъ своимъ состояніемъ и дѣтски-безсознательнымъ героемъ; въ качествѣ носильщика онъ бродитъ по кантонамъ; его вездѣ знаютъ и любятъ; вездѣ онъ готовъ помочь; затѣмъ онъ мирно занимается своимъ дѣломъ, заботится о женѣ и дѣтяхъ, и его не печалитъ вопросъ, кто господинъ и кто рабъ

«Геслеръ, напротивъ, представлялся мнѣ тираномъ, но довольно пріятнаго сорта: когда ему нравится, то онъ случайно дѣлаетъ добро; а когда нравится, то случайно—и зло; впрочемъ, благоденствіе и бѣдствіе народа для него вполне безразличныя вещи, какъ будто онъ вовсе и не существуютъ.

«Высшее же и лучшее въ человѣческой природѣ—любовь къ родинѣ, чувство свободы и безопасности подъ кровомъ отеческихъ законовъ; далѣе, чувство стыда оттого, что находишься въ порабощеніи у безпутнаго чужеземца и испытываешь отъ него порой худое обращеніе; наконецъ, зрѣющая въ рѣшимости сила воли, готовая сбросить столь нена-

вистное иго,—всѣ эти высокія и добрыя качества оставилъ я на долю извѣстныхъ благородныхъ мужей *Вальтера Фюрста*, *Стауффахера*, *Винкельрида* и другихъ; они собственно и были моими героями, мои высшія, съ сознаніемъ дѣйствующихъ силы; между тѣмъ какъ Тель и Гесслеръ, правда, выступали порой въ качествѣ дѣйствующихъ, но въ общемъ скорѣе являлись пассивными натурами.

«Я былъ полонъ этимъ чуднымъ сюжетомъ, и порой уже напѣвалъ гекзаметры. Я видѣлъ озеро при покойномъ мѣсячномъ сіяніи, я видѣлъ въ глубинѣ горъ освѣщенный луною туманъ. Я видѣлъ при блескѣ живительнаго утренняго солнца ликование и жизнь въ лѣсу и на лугу. Потомъ вставала буря, гроза и изъ ущелій набрасывалась на озеро. Видѣлись также и ночная тишь, и тайныя сходки на мостахъ и переходахъ черезъ пропасти.

«Обо всемъ этомъ я рассказывалъ Шиллеру, и въ его душѣ мои пейзажи и дѣйствующія лица складывались въ драму. Мнѣ надо было окончить другія вещи, и я все откладывалъ исполненіе своего намѣренія, а потому я и уступилъ, наконецъ, весь сюжетъ Шиллеру, который и написалъ на него свою изумительную поэму».

Намъ доставило удовольствіе это сообщеніе, которое съ любопытствомъ было выслушено всѣми. Я замѣтилъ, что великолѣпное, въ терцинахъ, описаніе солнечнаго восхода въ первой сценѣ второй части *Фауста*, быть можетъ, возникло изъ воспоминаній о впечатлѣніяхъ, произведенныхъ природой озера Четырехъ кантоновъ.

«Не стану скрывать», сказалъ Гете, «что эти картины взяты оттуда; болѣе, безъ свѣжаго впечатлѣнія этой изумительной природы я не могъ бы и

представить себѣ содержанія терцинъ. Но вотъ и все, что я вычеканилъ для себя изъ золота родины Телля. Остальное все я передалъ Шиллеру, который, какъ вы знаете, сдѣлалъ изъ него превосходное употребленіе».

Разговоръ перешелъ къ *Тассо* и къ тому, какую идею хотѣлъ въ немъ образно выразить Гете.

«Идею?»¹⁾, сказалъ Гете, «вотъ ужъ и не знаю! Предо мной была жизнь Тассо и моя собственная; я слилъ въ одну эти двѣ странныя фигуры со всѣми ихъ особенностями, и такимъ образомъ вышель образъ Тассо; какъ контрастъ ему, я выставилъ Антонію, для котораго у меня также нашлись оригиналы. Остальные придворныя, житейскія и любовныя отношенія были одинаковы и въ Веймарѣ, и въ Феррарѣ, и я имѣю право сказать о моемъ изображеніи: оно кость отъ костей моихъ и плоть отъ плоти моей.

«Нѣмцы вообще странные люди! Они, при помощи глубокихъ мыслей и идей, которыя повсюду ищутъ и всюду подкладываютъ, устраиваютъ себѣ скорѣе тяжкую, чѣмъ веселую жизнь. О, да имѣйте же, наконецъ, хоть разъ храбрость *отдаться впечатлѣнію*, позвольте васъ потѣшить, расшевелить, поднять, даже поучить васъ; воспламенить васъ къ чему нибудь высокому и воодушевить васъ; не думайте, что все оказалось бы суетой, еслибъ нельзя было докопаться до абстрактныхъ мыслей и идей.

«Ко мнѣ приходятъ и спрашиваютъ, какую идею я хотѣлъ воплотить въ моемъ *Фаустѣ*. Точно я самъ знаю это и могу выразить! «Отъ неба черезъ землю въ адъ» — этого было бы достаточно сказать;

¹⁾ Ср. выше подъ 21-мъ марта 1827 г., стр. 307.

но это не идея, а только указаніе на ходъ дѣйствія ¹⁾. Далѣе, то, что чортъ проигрываетъ закладъ, а равно, что человѣкъ можетъ спастись, стремясь отъ тяжкаго заблужденія къ лучшему, — конечно, мысль сильная, многоуясняющая и хорошая, но это не идея, лежащая въ основѣ цѣлаго и всѣхъ отдѣльныхъ сценъ. Дѣйствительно, было бы удивительно, еслибъ я вздумалъ всю столь богатую, пеструю и въ высшей степени многообразную жизнь, какая изображена въ *Фаустѣ*, нанизать на тонкую нить одной всепроникающей идеи.

«Вообще же, я, какъ поэтъ, никогда не стремился къ воплощенію какого нибудь абстракта. Я собиралъ въ душѣ впечатлѣнія, и притомъ впечатлѣнія чувственныя, полныя жизни, пріятныя, пестрыя, многообразныя, какія мнѣ давало возбужденное воображеніе; затѣмъ, какъ поэту, мнѣ оставалось только художественно округлять и развивать эти образы и впечатлѣнія, и, при помощи живого изображенія, проявлять ихъ, дабы и другіе, читая или слушая изображенное, получали тѣ же самыя впечатлѣнія.

«Если же, какъ поэту, мнѣ хотѣлось изложить какую нибудь идею, то я дѣлалъ это въ *небольшихъ* поэмахъ, гдѣ легко можетъ господствовать и стать очевиднымъ определенное единство, напримѣръ, въ *Метаморфозѣ животныхъ* или *растеній*, или въ стихотвореніи *Vermächtniss* и многихъ другихъ. Единственное произведеніе *большого* объема, гдѣ я сознательно работалъ надъ проведеніемъ одной идеи, было мое *Избирательное сродство*. Романъ черезъ это сталъ понятнымъ для ума; но я не скажу, чтобъ

¹⁾ См. *Фаустъ*, I, Прологъ въ театрѣ.

онъ оттого сталъ *лучше*. Я болѣе склоняюсь къ мнѣнію, что, *чѣмъ несоизмѣримѣе и для ума недо-
стижимѣе данное поэтическое произведеніе, тѣмъ оно
лучше*».

Четвергъ, 15-го мая 1827.

Г. Гольтей ¹⁾ пріѣхалъ сюда изъ Парижа; его вездѣ сердечно встрѣчаютъ, благодаря его таланту и личнымъ достоинствамъ. Онъ находится въ очень дружественныхъ отношеніяхъ къ Гете и его семьѣ.

Гете нѣсколько дней тому переѣхалъ въ свой садъ; тамъ онъ чувствуетъ себя счастливымъ въ своей тихой дѣятельности. Я ѣздилъ туда къ нему съ графомъ Шуленбургомъ ²⁾ и г. Голтеемъ, который вмѣстѣ съ Амперомъ ³⁾ ѣдетъ въ Берлинъ.

¹⁾ Актеръ, директоръ театра, поэтъ и романистъ.

²⁾ Саксонскій тайный совѣтникъ и посланникъ въ Вѣнѣ.

³⁾ Въ *Le Globe* появилось письмо Ампера къ m-me Рекамье, которымъ Гете остался недоволенъ. Онъ жаловался канцлеру Мюллеру на «плоскости», встрѣчающіяся въ письмѣ. Письмо было напечатано помимо воли Ампера. «Гете», писалъ г. Амперъ, «теперь, какъ вы знаете, восемьдесятъ лѣтъ. Я имѣлъ удовольствіе нѣсколько разъ обѣдать у него въ небольшомъ обществѣ; я слышалъ, какъ онъ говорилъ нѣсколько часовъ кряду съ удивительнымъ обладаніемъ умственными способностями; рѣчь его то полна тонкости и оригинальности, то красно-рѣчія и юношескаго жара. Онъ слѣдитъ за всѣмъ, всѣмъ интересуется; онъ восхищается всѣмъ, того достойнымъ. Съ сѣдыми волосами, въ бѣломъ халатѣ, онъ имѣетъ самый скромный и патріархальный видъ. Окруженный сыномъ, невѣсткой и двумя внуками, которые съ нимъ играютъ, онъ говоритъ о самыхъ возвышенныхъ предметахъ. Гете рассказывалъ намъ о Шиллерѣ, объ ихъ общихъ работахъ, о томъ, что тотъ хотѣлъ дѣлать и сдѣлалъ бы, о его намѣреніяхъ, о всемъ, что относится къ воспоминанію о немъ; Гете самый интересный и самый любезный изъ людей.

«У него наивное сознаніе своей славы, которое, впрочемъ, не непріятно, потому что онъ сочувствуетъ всѣмъ другимъ

Среда, 20-го іюня 1827.

Семейный обѣдъ былъ накрытъ на пять прибо-
ровъ; комнаты были пусты и прохладны, что очень
пріятно въ такую жару. Я вошелъ въ сосѣднюю
со столовой комнату, гдѣ стоитъ колоссальный
бюстъ Юноны. Я немного походилъ взадъ и впе-
редъ; затѣмъ Гете вышелъ изъ своего кабинета и,
по обыкновенію, поздоровался сердечнымъ и лю-
безнымъ образомъ. Онъ сѣлъ на стулъ у окна.

— Возьмите-ка стульце да присядьте ко мнѣ,
сказалъ онъ. — Мы поговоримъ, пока соберутся
остальные. Мнѣ очень пріятно, что вы познакомились
у меня съ графомъ Штернбергомъ; онъ уѣзжаетъ, и
я снова останусь при обычныхъ занятіяхъ и покоѣ.

— Графъ мнѣ показался очень замѣчательнымъ
человѣкомъ, сказалъ я,—и свѣдѣнія у него большія.
О чемъ бы ни заговорили, онъ всюду дома, и го-
воритъ обо всемъ съ большой легкостью и осно-
вательно, и осмотрительно.

— Да, сказалъ Гете,—онъ въ высшей степени за-
мѣчательный человѣкъ, и у него въ Германіи об-
ширный кругъ дѣйствія и большія связи. Какъ бо-
таникъ, онъ извѣстенъ всей Европѣ своей *Flora*

талантамъ, и необыкновенно чутокъ ко всему хорошему, всюду
и во всѣхъ родахъ. Онъ на колѣняхъ передъ Мольтеромъ и
Лафонтеномъ, онъ удивляется *Говолинъ*, хвалитъ *Беренику*, знаетъ
наизусть пѣсни Беранже и отлично рассказываетъ наши но-
вые водевили. По поводу Тассо онъ утверждаетъ, будто дѣ-
лалъ большія изслѣдованія, и что его обработка сюжета весьма
близка къ исторіи. Онъ утверждаетъ, что заключеніе въ тюрьму—
сказка. Вамъ доставитъ удовольствіе то, что онъ вѣритъ въ
любовь Тассо и принцессы; но въ любовь почтительную, ро-
мантическую и безъ нелѣпыхъ предположеній брака, которыя
встрѣчаются въ одной изъ нашихъ новѣйшихъ драмъ».

subterranea; онъ также хорошій минералогъ. Знаете ли вы исторію его жизни?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я;—но мнѣ хотѣлось бы узнать о немъ кой-что. Я видѣлъ его, какъ графа и свѣтскаго человѣка, и въ то же время, какъ многосторонняго глубокаго ученаго: такое соединеніе для меня загадка, которую мнѣ хотѣлось бы разрѣшить.

Тутъ Гете разсказалъ мнѣ, что графа въ юности предназначали къ духовному званію, и онъ учился въ Римѣ, но затѣмъ, когда Австрія лишила его нѣкоторыхъ милостей, переѣхалъ въ Неаполь. И такимъ образомъ Гете разсказывалъ дальше основательно и интересно прелюбопытную исторію жизни, которая могла бы украсить *Годы странствій*, но пересказать которую я не считаю себя способнымъ. Затѣмъ разговоръ перешелъ къ богемскимъ школамъ и ихъ великимъ преимуществамъ, особенно по отношенію къ основательному эстетическому образованію.

Между тѣмъ вошли г. и г-жа Гете и m-lle Ульрика, и мы сѣли за столъ. Говорили весело о разныхъ вещахъ, но разговоръ часто возвращался къ ханжамъ нѣкоторыхъ сѣверо-германскихъ городовъ; было замѣчено, что эти пietetистическія ученія разсорили и разрушили нѣсколько семействъ. Я разсказалъ подобный случай: я почти разссорился съ однимъ изъ лучшихъ друзей, потому что ему не удалось обратить меня въ свою секту.

— Онъ, замѣтилъ я,—былъ вполне увѣренъ, что всѣ заслуги и добрыя дѣла ничего не значать, и что человѣкъ можетъ стать въ добрыя отношенія къ божеству единственно при помощи Христовой благодати.

— Нѣчто подобное, сказала г-жа фонъ-Гете,—

говорила и мнѣ одна подруга, но я не могла понять, что значать и эти добрыя дѣла, и эта благодать.

— Какъ всѣ подобныя вещи, сказалъ Гете,—ставшія нынче предметомъ обиходныхъ свѣтскихъ разговоровъ, и это ничто иное какъ *каша*, и, быть можетъ, никто изъ васъ не знаетъ, откуда она идетъ. Ученіе о добрыхъ дѣлахъ, именно что человѣкъ можетъ искупить грѣхъ и вообще заслужить благодать отъ Господа при помощи благотвореній, духовныхъ завѣщаній и благотворительныхъ учреждений—ученіе католическое. Протестанты изъ оппозиціи отвергли это ученіе и замѣнили его другимъ, именно, что человѣку требуется единственно и исключительно узнать достоинства Христа и содѣлать себя сопричастнымъ Его благодати,—что, конечно, поведетъ также къ добрымъ дѣламъ. Такъ оно было; но нынче все это перемѣшалось и перепуталось, и никто не знаетъ, откуда идетъ это ученіе.

Я больше про себя, чѣмъ на словахъ, разсуждалъ о томъ, что разница во мнѣніяхъ о религіозныхъ предметахъ издавна раздѣляла людей и дѣлала ихъ врагами; что даже первое убійство было слѣдствіемъ различія въ почитаніи Бога. И я замѣтилъ вслухъ, что надняхъ прочелъ Байронова *Каина* и былъ особенно пораженъ въ третьемъ актѣ мотивировкой братоубійства.

— Не правда ли, сказалъ Гете,—удивительно мотивировано? Это такая красота, какой въ другой разъ и не встрѣтишь на свѣтѣ.

— *Каинъ*, сказалъ я,—былъ вначалѣ запрещенъ въ Англіи, но теперь его читаетъ всякій; молодые англійскіе путешественники имѣютъ обыкновенно при себѣ полное изданіе Байрона.

— Запрещать было глупо, замѣтилъ Гете,—по-

тому что въ сущности во всемъ *Каинъ* нѣтъ ничего, чему бы не учили сами англиканскіе епископы.

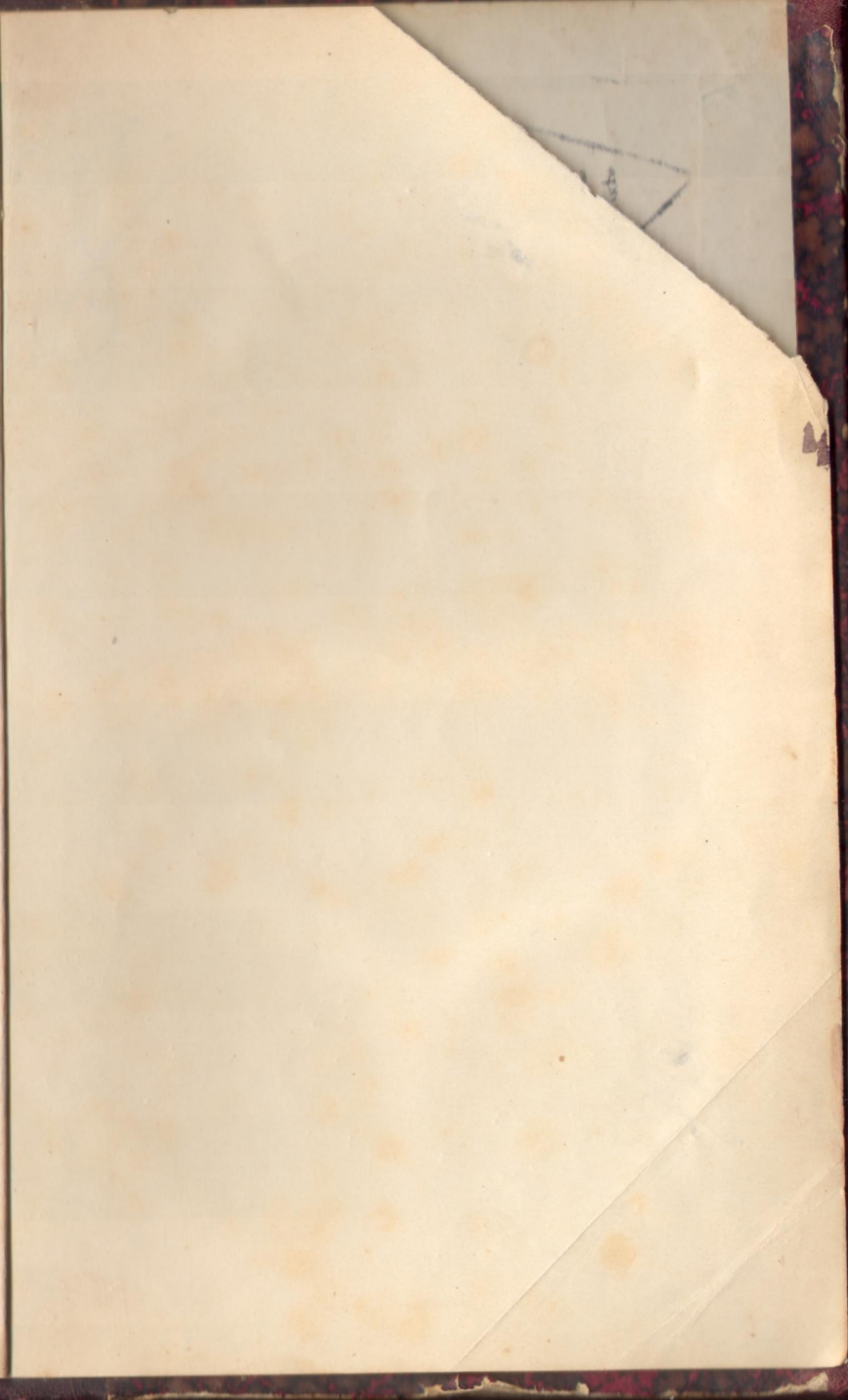
Доложили о приходѣ канцлера; онъ подсѣлъ къ столу. Вбѣжали также другъ за дружкой внуки Гете, Вальтеръ и Вольфгангъ. Вольфъ присосѣдился къ канцлеру. «Принеси-ка свой альбомъ», сказалъ Гете, «и покажи канцлеру свою принцессу и что тебѣ написалъ графъ Штернбергъ». Вольфъ бросился въ припрыжку и скоро вернулся съ альбомомъ. Канцлеръ сталъ разсматривать портретъ принцессы¹⁾ съ стихотворною подъ нимъ подписью Гете; затѣмъ онъ началъ перелистывать альбомъ и напалъ на строку, написанную Цельтеромъ, и громко прочелъ: *Учись повиноваться!*

— Это единственное разумное слово во всемъ альбомѣ, смѣясь сказалъ Гете. — Да, Цельтеръ всегда важенъ и величавъ! Я теперь пересматриваю съ Римеромъ его письма; въ нихъ заключены неоцѣненные сокровища. Особенно тѣ письма, которыя онъ посылалъ мнѣ во время своего путешествія; у него, какъ у отличнаго архитектора и музыканта, всегда находились предметы для сужденія. Въѣзжаетъ онъ въ городъ, передъ нимъ встаютъ зданія и говорятъ ему, какія въ нихъ достоинства и какіе недостатки. Затѣмъ его привлекаютъ музыкальныя общества, и маэстро показываютъ свои добрыя и слабыя стороны. Еслибъ стенографъ записывалъ его музыкальныя бесѣды съ учениками, то образовалась бы книга, единственная въ своемъ родѣ. Въ этомъ именно и геніаленъ и великъ Цельтеръ, и тутъ онъ всегда попадаетъ въ цѣль.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

¹⁾ Маріи-Луизы Саксенъ-Веймарской.

тому что

чего

Ан

К.

Книгарня

УКРАЇНСЬКИЙ

НАЦІОНАЛЬНИЙ

№ 2

Київ

